

ОДНА ИЗ ВОИСТИНУ ВЕЛИКИХ КНИГ.

Book Review

М. М. КЕЙ

ДАЛЕКИЕ
ШАТРЫ

Далекие Шатры

Мэри Маргарет Кей

Далекие Шатры

«Азбука»

1978

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кей М.

Далекие Шатры / М. Кей — «Азбука», 1978 — (Далекие Шатры)

ISBN 978-5-389-12617-6

Английский аристократ по рождению, Аштон был воспитан простой индийской женщиной Ситой и считал себя индийцем. Он всегда верил, что счастье ждет его в зеленой долине за заснеженными вершинами гор под названием Дур-Хайма, что означает Далекие Шатры. Однако перед смертью Сита признается, что она не родная его мать и на самом деле он англичанин. Мальчика отправляют в Англию, чтобы он получил достойное образование. Окончив престижную военную академию, Аштон возвращается в Индию в надежде сделать достойную карьеру и встретить старых друзей. Однако через некоторое время молодой человек понимает: он так и не стал англичанином, но и жители Индии не считают его своим. По долгу службы Аш сопровождает двух индийских принцесс в княжество, где должна состояться их свадьба. И во время этого долгого путешествия он влюбляется в одну из принцесс, Анджали, и хотя та отвечает ему взаимностью, влюбленные понимают, что им никогда не быть вместе. Казалось, они будут разлучены навсегда, но события начинают развиваться самым непредсказуемым образом... «Далекие Шатры» – одна из величайших литературных саг нашего времени, стоящая в одном ряду с такими шедеврами, как «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл и «Поющие в терновнике» Колин Маккалоу.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12617-6

© Кей М., 1978

© Азбука, 1978

Содержание

Часть 1. Становление характера	8
1	8
2	19
3	32
4	43
5	59
6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мэри Маргарет Кей Далекie Шатры

М. М. Кауе
THE FAR PAVILIONS

© М. Куренная, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

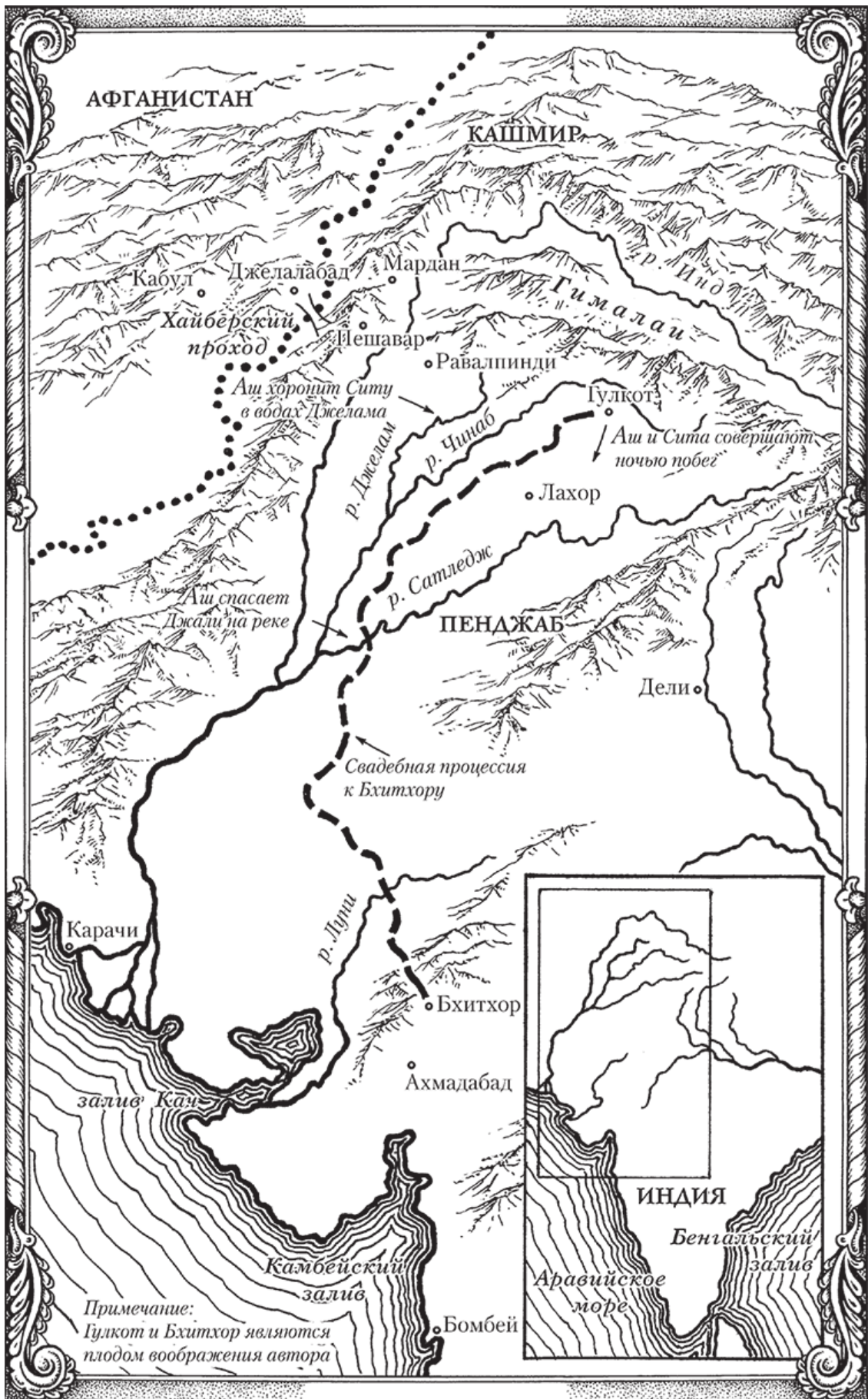
* * *

Посвящается всем офицерам и солдатам разных рас и вероисповеданий, с 1846 года верой и правдой служившим в Корпусе разведчиков, и среди них лейтенанту Уолтеру Гамильтону, кавалеру ордена «Крест Виктории», моему мужу генералу Гоффу Гамильтону, кавалеру ордена Бани 3-й степени, ордена Британской империи 2-й степени, ордена «За безупречную службу», и его отцу полковнику Биллу Гамильтону, кавалеру ордена Британской империи 4-й степени, мировому судье

*Мы пилигримы, мастер. Мы пойдем
Все дальше и вперед. Быть может, там,
За пиками заснеженных вершин,
За штормовым иль безмятежным морем,
На троне царствуя иль хоронясь в пещере,
Живет пророк, кому дано понять,
Зачем на свет рождается человек...*

Джеймс Элрой Флекер

*Никогда не слишком поздно искать новый мир.
Альфред Теннисон*

Часть 1. Становление характера

1

Аштон Хилари Акбар Пелам-Мартин появился на свет в лагере близ вершины перевала в Гималаях и впоследствии был крещен в патентованном парусиновом ведре.

Своим первым криком он отважно соперничал с рычанием леопарда ниже по склону, а с первым вздохом набрал полную грудь холодного воздуха, мощные потоки которого неслись с далекой твердыни гор, принося с собой свежие ароматы снега и сосновой хвои, разбавившие вонь горячего керосина, запах крови и пота и едкий дух вьючных пони.

Изабелла задрожала, когда ледяной сквозняк приподнял палаточный полог и колыхнул язычок пламени в закопченном фонаре «молния», и, прислушиваясь к громким воплям сына, проговорила слабым голосом:

– По крику он не похож на недоношенного, верно? Думаю, я... наверное, я... ошиблась в расчетах...

Так оно и было, и именно ошибка в расчетах столь дорого стоила ей. В конце концов, иным из нас приходится платить жизнью за подобные ошибки.

По понятиям того времени – а речь идет об эпохе Виктории и Альберта, – Изабелла Аштон была чрезвычайно неординарной молодой женщиной, и дело не обошлось без недоуменно вскинутых бровей и неодобрительных замечаний, когда в год Великой выставки¹ она, незамужняя, двадцати одного года от роду, сирота, прибыла в военный городок в Пешаваре, на северо-западной границе Индии, намереваясь вести домашнее хозяйство своего единственного оставшегося в живых родственника – холостого брата Уильяма, который недавно получил назначение во вновь созданный Корпус разведчиков.

Недоуменно вскинутые брови поднялись еще выше, когда год спустя Изабелла вышла замуж за профессора Хилари Пелам-Мартина, известного лингвиста, этнолога и ботаника, и отправилась вместе с ним в неспешную бессистемную экспедицию по исследованию равнин и предгорий Индостана, не взяв с собой даже служанки.

Хилари был немолод и эксцентричен, и никто – а в первую очередь он сам – так никогда и не понял, почему он вдруг решил жениться на бесприданнице, пусть и общепризнанной красавице, вдвое моложе его и совершенно незнакомой с Востоком, или почему после долгих лет холостой жизни он вообще решил жениться. Мотивы Изабеллы, с точки зрения пешаварского светского общества, объяснялись проще: Хилари был достаточно богат, чтобы жить в свое удовольствие, а благодаря своим опубликованным трудам уже приобрел известность в научных кругах всего цивилизованного мира. Мисс Аштон, заключили все, сделала очень выгодную партию.

Но Изабелла вышла замуж не из-за денег и не из честолюбия. Несмотря на свой решительный нрав, она была импульсивна и весьма романтична, и образ жизни Хилари показался ей истинным воплощением романтики. Что может быть увлекательнее беззаботной кочевой жизни: привалов на лоне природы, переходов, исследования незнакомых местностей и руин забытых империй, ночевок в палатке или под открытым небом и полной свободы от условностей и ограничений современного общества? Она руководствовалась также и другим, возможно более веским, соображением – необходимостью вырваться из невыносимой ситуации.

¹ Великая выставка – первая международная промышленная выставка, организованная в Лондоне в 1851 г. – Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных случаев.

Приехав без всякого предупреждения в Индию, Изабелла была жестоко разочарована, когда обнаружила, что брат, отнюдь не обрадовавшийся встрече, не только повергнут в ужас перспективой опекать сестру, но и совершенно не в состоянии обеспечить ее хотя бы кровом. В то время разведчики почти постоянно вели боевые действия против приграничных племен и редко получали возможность мирно жить в своих казармах в Мардане, а потому прибытие Изабеллы привело в смятение как Уильяма, так и весь полк. Они умудрились временно устроить ее в доме полковника и его жены миссис Пемберти в Пешаваре. Но это оказалось неудачным решением.

Пемберти были людьми, исполненными самых благих намерений, но невыносимо скучными. Более того, они открыто порицали поведение мисс Аштон, приехавшей на Восток без подобающего молодой девушке сопровождения, и очень старались своими советами и личным примером сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное ее приездом. Изабелла вскоре поняла, что от нее требуют неукоснительного соблюдения нелепых правил хорошего тона. Этого делать не следует, так поступать не рекомендуется... Список запретов был бесконечным.

Эдит Пемберти нисколько не интересовалась страной, где они с мужем прожили большую часть жизни, и считала местных жителей дикарями и язычниками, из которых терпением и строгостью можно воспитать превосходных слуг. Она не допускала мысли о сколько-нибудь близком общении с ними на каком-либо уровне и не понимала, а равно и не одобряла страстного стремления Изабеллы тщательно обследовать базары и улочки туземного города и совершать конные прогулки по открытой равнине, простиравшейся к югу от Инда и реки Кабул, или среди пустынных холмов Хайбера, расположенных к северу.

– Там нечего смотреть, – говорила миссис Пемберти, – а тамошние племена состоят из кроважанных дикарей, совершенно не заслуживающих доверия.

Ее муж полностью разделял такое мнение, и восемь месяцев, проведенных в доме Пемберти, под конец стали казаться бедной Изабелле восемью годами.

Она не завела никаких друзей, ибо, к сожалению, гарнизонные дамы, обсуждая ее за чаем, пришли к заключению, что мисс Аштон легкомысленна и, скорее всего, приехала в Индию с целью заарканить себе мужа. Данное суждение повторялось вслух столь часто, что в конце концов с ним согласились все гарнизонные холостяки, которые при всем своем восхищении красотой, непринужденными манерами и превосходной скаковой посадкой мисс Аштон не желали оказаться легковверными жертвами охотницы за мужьями и, как следствие, держались от нее в стороне. Поэтому едва ли приходится удивляться, что Изабеллу уже с души воротило от Пешавара к тому времени, когда в гарнизоне появился профессор Пелам-Мартин в сопровождении своего старого друга и постоянного спутника сирдар-бахадур² Акбар-хана, разношерстной толпы слуг и попутчиков и четырех запертых якданов, содержащих образцы растений, манускрипт с трактатом на санскрите и подробный шифрованный отчет с почерпнутыми из официальных, полуофициальных и неофициальных источников сведениями о разнообразных событиях, происходивших во владениях Ост-Индской компании...

Хилари Пелам-Мартин очень походил на покойного мистера Аштона, чрезвычайно благожелательного и эксцентричного джентльмена, а Изабелла обожала отца. Возможно, этим отчасти объясняется ее моментально вспыхнувший интерес к профессору и блаженное чувство спокойствия и непринужденности, которое она испытывала в его обществе. Все в нем: образ жизни, глубокий интерес к Индии и здешнему народу, дружба с седым хромоногим Акбар-ханом и полное пренебрежение правилами, определявшими поведение и взгляды людей вроде супругов Пемберти, – все пришлось по душе Изабелле. Для нее Хилари олицетворял собой

² *Сирдар-бахадур* – кавалер ордена Британской Индии I степени (награждались индийцы, служившие в британской армии). – *Примеч. ред.*

одновременно бегство от безрадостного настоящего и уверенность в будущем, и она вступила в брак столь же бодро и бесстрашно, как в свое время ступила на борт корабля «Гордон-Касл» в Тилбери, чтобы совершить долгое путешествие в Индию. И на сей раз она не осталась разочарованной.

Хилари, правда, относился к Изабелле скорее как к любимой дочери, чем как к жене, но такое отношение казалось приятно привычным и приносило ощущение стабильности и постоянства в полную случайностей кочевую жизнь, которая стала ее уделом в последующие два года. Никогда прежде не любившая, она не располагала мерилom для оценки своих нежных чувств к рассеянному, добродушному и чуждому всяких условностей мужу и была довольна в той полной мере, в какой вправе быть довольным любой человек. Хилари позволял Изабелле ездить верхом, и два счастливых года они путешествовали по Индии, исследуя предгорья Гималаев, доезжая по дороге Императора Акбара до самого Кашмира и возвращаясь на зиму в равнины, простиравшиеся между разрушенными гробницами и дворцами погибших городов. Большую часть времени Изабелла проводила без женского общества и не испытывала нужды в нем. В ее распоряжении всегда имелись книги для чтения или мужнины образцы растений, подлежащие обработке и каталогизации, а вечерами она обычно читала либо занималась гербарием, в то время как Хилари и Акбар-хан играли в шахматы или горячо спорили по сложным вопросам политики, религии, божественного предопределения и расовых конфликтов.

Седовласый хромой сирдар-бахадур Акбар-хан был отставным офицером прославленного кавалерийского полка. Он получил ранение в битве при Миани и по увольнении обосновался в своем родовом поместье на берегу реки Рави с намерением провести остаток дней за такими мирными занятиями, как возделывание земли и изучение Корана. Мужчины познакомились, когда Хилари стоял лагерем близ родной деревни Акбар-хана, и сразу прониклись симпатией друг к другу. У них обнаружилось много общего по части характера и мировоззрения, и перспектива оставаться на одном месте до самой смерти перестала устраивать Акбар-хана.

– Я старый человек, ныне вдовый, да и бездетный тоже: мои сыновья погибли на службе Компании, а дочь замужем. Что меня держит здесь? Давайте путешествовать вместе, – сказал Акбар-хан. – Для человека, отжившего свое, в палатке всяко лучше, чем в четырех стенах дома.

С тех пор они путешествовали вместе и стали добрыми товарищами. Но Акбар-хан довольно скоро понял, что интерес друга к флоре, руинам и диалектам страны служит превосходным прикрытием иного рода деятельности – составления отчетов о работе администрации Ост-Индской компании для неких членов правительства ее величества, которые имели основания подозревать, что дела в Индии обстоят не так хорошо, как стараются представить официальные источники. Такого рода деятельность Акбар-хан горячо приветствовал и оказывал товарищу неоценимую помощь, так как знание своих соотечественников позволяло ему оценивать достоверность устных свидетельств более точно, чем получалось у Хилари. В течение нескольких лет они вдвоем составляли и отсылали в метрополию один за другим пространственные доклады, содержавшие факты и предостережения, многие из которых публиковались в британской прессе и использовались в дебатах в обеих палатах парламента, хотя, несмотря на всю пользу этого, они с таким же успехом могли бы заниматься исключительно ботаникой, ибо английская общественность предпочитала верить сведениям, представлявшим наименьшую угрозу для ее спокойствия, и игнорировать любую тревожную информацию. Впрочем, подобная слабость свойственна всем народам.

Профессор и его друг работали и путешествовали вместе уже пять лет, когда Хилари неожиданно прибавил к каравану свою жену, и Акбар-хан принял ее присутствие как нечто само собой разумеющееся, признавая за ней место в существующем порядке вещей и не придавая ее появлению особого значения в том или ином отношении. Он единственный из них

троих не был неприятно поражен, когда стало ясно, что Изабелла беременна. В конце концов, предназначение женщины – рожать детей, и, конечно же, это будет сын.

– Мы сделаем из него офицера разведчиков, как его дядюшка, – проговорил Акбар-хан, размышляя над шахматной доской. – Или губернатора провинции.

Изабелла, как и большинство женщин ее поколения, не имела ни малейшего представления о процессах, сопряженных с деторождением. Она довольно поздно поняла, что беременна, и испытала сильное потрясение и немалое раздражение – пугаться ей никогда не приходило в голову. Ребенок явно осложнит кочевую жизнь: ему понадобятся постоянный уход, кормилица, особое питание и... Нет, честное слово, все это слишком хлопотно.

Хилари, тоже ошеломленный новостью, с надеждой предположил, что, возможно, она ошибается насчет своего положения, но, получив заверения в обратном, спросил, когда же ребенок появится на свет. Изабелла понятия не имела, но попыталась припомнить последние несколько месяцев, посчитала на пальцах, нахмурилась, посчитала еще раз и высказала мнение, на поверку оказавшееся абсолютно неверным.

– Мы должны направиться в Пешавар, – решил Хилари. – Там есть доктор. И другие женщины. Думаю, нам стоит прибыть туда за месяц до родов. А для пушей верности за шесть недель.

Вот так и вышло, что его сын появился на свет в богом забытой глуши, без помощи доктора, акушерки и лекарственных средств, известных медицинской науке.

Помимо двух жен уборщиков да нескольких безымянных, закрытых покрывалами родственниц случайных попутчиков, в лагере была только одна женщина, способная оказать помощь, – Сита, жена Даярама, главного саиса Хилари, горянка из окрестностей Кангана. Она покрыла себя двойным позором, за минувшие пять лет родив и потеряв пятерых дочерей, последняя из которых умерла на прошлой неделе, не прожив и трех дней.

– Похоже, она не способна рожать сыновей, – с отвращением сказал Даярам. – Но, видят боги, она набралась достаточно опыта, чтобы помочь появиться на свет чужому сыну.

Таким образом, именно бедная, робкая, похоронившая всех своих детей Сита принимала роды у Изабеллы. И она действительно знала достаточно, чтобы помочь младенцу мужского пола появиться на свет.

В том, что Изабелла умерла, Сита не была виновата. Изабеллу убил ветер, холодный ветер с далеких высоких заснеженных гор за перевалом. Он взметал клубы пыли с сосновой хвоей и заносил их в палатку, где фонарь так и норовил погаснуть на сквозняке, а в той пыли содержалась всякая гадость: гнилостные бактерии, болезнетворные микробы, мельчайшие частицы отбросов из этого лагеря и других лагерей. Ничего подобного не было бы в спальне в пешаварском военном городке, где английский доктор позаботился бы о молодой матери.

Тремя днями позже мимо лагеря проходил миссионер, направлявшийся через горы в Пенджаб, и к нему обратились с просьбой окрестить младенца. Он провел обряд крещения в складном парусиновом ведре и, по желанию отца, дал новорожденному имя Аштон Хилари Акбар, а затем ушел, не повидав матери ребенка, которая, как ему сказали, плохо себя чувствует – объяснение, ничуть не удивившее миссионера, поскольку несчастная женщина не могла получить надлежащий уход в таком лагере.

Задержись священник на пару дней, он получил бы возможность отправить заупокойную службу по миссис Пелам-Мартин. Изабелла скончалась через сутки после крещения сына и была похоронена мужем и его друзьями на вершине перевала, вздымающейся над палатками, и все обитатели лагеря, сокрушенные горем, присутствовали на скорбной церемонии.

Хилари тоже был убит горем. Но, помимо этого, он испытывал чувство сродни возмущению. Ну что, во имя всего святого, ему делать с ребенком теперь, когда Изабелла умерла? Он ничего не знал о младенцах, кроме того, что они постоянно орут и требуют пищи в любой час дня и ночи.

– Что же нам все-таки делать с ним? – спросил Хилари Акбар-хана, обиженно уставившись на сына.

Акбар-хан легонько потыкал младенца костлявым пальцем и рассмеялся, когда малыш уцепился за него крохотной ручонкой.

– О, он сильный, смелый мальчик. Он станет солдатом – командиром кавалерийского полка. За него не беспокойтесь, друг мой. Малыша выкормит жена Даярама, которая кормит его грудью с самого рождения. Своего ребенка она потеряла, что, безусловно, произошло по воле Аллаха, правящего ходом вещей в подлунном мире.

– Но мы не можем таскать его с собой, – возразил Хилари. – Нам надо найти кого-нибудь, кто уходит в отпуск, чтобы он отвез ребенка в Англию. Полагаю, Пемберти знают такого человека. Или молодой Уильям. Да, нам лучше поступить именно так: у меня в Англии есть брат, чья жена сможет позаботиться о мальчике до моего возвращения.

Решив этот вопрос, профессор последовал совету Акбар-хана и перестал беспокоиться. А поскольку ребенок чувствовал себя превосходно и редко подавал голос, они пришли к заключению, что никакой необходимости спешить в Пешавар нет, и, выбив имя Изабеллы на валуне над ее могилой, свернули лагерь и двинулись на восток, в направлении Гарвала.

Хилари так никогда и не вернулся в Пешавар, и в силу своей прискорбной рассеянности он так и не известил ни своего шурина Уильяма Аштона, ни каких-либо своих родственников в Англии, что стал отцом – и вдовцом. Редкие письма, по-прежнему приходившие на имя жены, время от времени напоминали Хилари о его долге. Но профессор всегда был слишком занят, чтобы уделять им внимание сразу по получении, поэтому они откладывались в сторону до лучшей поры и неизменно забывались. Точно так же он забыл Изабеллу и порой забывал даже о том, что у него есть сын.

Аш-баба – так стала называть ребенка кормилица Сита, а вслед за ней и все участники экспедиции – первые восемнадцать месяцев своей жизни провел среди высоких гор и первые шаги сделал на скользком травянистом склоне неподалеку от могучего пика Нандадеви, одетого вечными снегами. Если бы вы увидели малыша, неуклюже ковляющего по лагерю, то приняли бы его за родного сына Ситы: Изабелла была черноволосой сероглазой смуглянкой с медового цвета кожей, и сын пошел в нее. Он также унаследовал от матери значительную долю красоты и, по словам Акбар-хана, обещал стать весьма привлекательным мужчиной.

Хилари изучал диалекты горных племен и собирал дикие растения, не задерживаясь подолгу на одном месте. Но более важные дела вынудили профессора отвлечься от этих занятий. Спустившись с гор, экспедиция двинулась на юг через Джханси и Сатару и наконец достигла покрытого буйной растительностью и изобилующего длинными белыми пляжами Коромандельского берега.

Жару равнин и влажный воздух юга Аш-баба переносил хуже, чем горную прохладу, а Сита, будучи горянкой, тосковала по горам и часто рассказывала мальчику истории о своих родных краях на севере страны, среди могучих хребтов Гиндукуша. Рассказывала о ледниках и снежных лавинах, о затерянных долинах, где текли реки, полные форели, и землю устилали пестрые ковры из цветов, где весной в воздухе разливалось благоухание цветущих фруктовых деревьев, а золотым дремотным летом вызревали грецкие орехи. Со временем Аш-баба любил эти истории более всех прочих, и Сита придумала долину для них двоих, где однажды они построят дом из глины и сосны, с плоской кровлей, на которой станут сушить маис и красный перец, и посадят чудесный сад, где будут выращивать миндальные и персиковые деревья и держать козу, щенка и котенка.

Сита, как и все остальные участники экспедиции, не говорила по-английски, и к четырем годам Аш не сознавал, что язык, на котором отец изредка обращается к нему, – это его родной язык (или, по крайней мере, должен быть таковым). Унаследовав от Хилари замечательные лингвистические способности, малыш овладел в многоязычной экспедиции рядом наречий:

Сваб Гул научил его пушту, Рамчанд – хинди, а от уроженцы юга – тамильскому, гуджарати и телугу. Однако он предпочитал пользоваться языком пенджаби, на котором говорили Акбар-хан, Сита и ее муж Даярам. Аш редко носил европейскую одежду, поскольку Хилари нечасто задерживался в местах, где можно было достать подобные вещи. К тому же такая одежда решительно не подходила для здешнего климата и кочевой жизни. Поэтому мальчик обычно ходил в индусском или мусульманском костюме. Разногласия между Акбар-ханом и Ситой по поводу того, как Аш-бабу следует одевать, уладились путем компромисса: неделю он ходил в мусульманском наряде, неделю – в индусском. Но по пятницам – в священный день для мусульман – всегда в первом.

Осень 1855 года они провели в Сионийских горах, для видимости изучая диалект гондов. И именно здесь Хилари написал отчет о событиях, последовавших за произведенной Ост-Индской компанией аннексией (он назвал это кражей) княжеств Нагпур, Джханси и Танджор. В своем рассказе об увольнении Компанией злополучного комиссара и бывшего министра-резидента Нагпура, мистера Мэнсела, имевшего неосторожность предложить более великодушные условия соглашения семейству покойного раджи, он не пожалел красок.

Вся так называемая политика аннексий вследствие прекращения наследственного права на власть, то есть присвоения Компанией любого местного княжества, где правитель не имел прямого наследника, – вопреки многовековой традиции, позволявшей бездетному мужчине усыновить преемника из числа своих родственников, – была, по утверждению Хилари, не более чем лицемерным термином для обозначения безобразного и непростительного деяния, а именно бесстыдного ограбления и обмана вдов и сирот. Упомянутые в докладе правителя (а Хилари подчеркнул, что Нагпур, Джханси и Танджор являются лишь тремя из княжеств, которым суждено стать жертвами этой чудовищной политики) верно служили интересам Компании, что не помешало этой самой Компании отнять у их вдов и родственниц наследственные права вкупе с фамильными драгоценностями и прочими наследуемыми предметами собственности. В княжестве Нагпур, аннексированном вследствие прекращения права на власть после смерти раджи, у правителя имелась дочь, и президент мистер Форбс с похвальным мужеством (если учесть меры, примененные к злополучному мистеру Мэнселу) выступил в защиту интересов принцессы, утверждая, что по условиям договора, заключенного между Танджором и Компанией, власть должна переходить к любым наследникам, не обязательно мужского пола. Но его доводы остались без внимания. Во дворец внезапно вошел многочисленный отряд сипаев, и представители Компании наложили арест на все имущество, движимое и недвижимое, опечатали все драгоценности и ценные вещи, разоружили войско покойного раджи и конфисковали поместье его матери.

Но дальше стало еще хуже, писал Хилари, ибо последующие события пагубно повлияли на жизнь и благоденствие многих людей. По всему княжеству арендаторы всех участков земли, когда-либо принадлежавших любому из предыдущих раджей Танджора, выдворялись из своих владений с предписанием явиться к британскому комиссару для подтверждения права собственности, и все, кто жил за счет финансирования из доходных статей княжества, впали в панику от перспективы остаться без работы. В течение недели Танджор из самого благополучного района во владениях Компании превратился в очаг недовольства. Местные жители глубоко почитали свою правящую династию, и ее отстранение от власти привело всех в крайнее негодование – даже сипаи отказывались получать жалованье. В Джханси тоже имелся малолетний наследник престола – всего лишь дальний родственник покойного раджи, но официально усыновленный последним, и Лакшми-Баи, очаровательная вдова раджи, пыталась взыскать к справедливости, ссылаясь на долгое служение своего мужа интересам Компании, но безрезультатно. Джханси объявили территорией, перешедшей к британскому правительству, и передали под юрисдикцию губернатора Северо-Западных провинций, упразднив действующие

там ведомства, сместив правительство раджи и немедленно рассчитав и распустив все войска княжества.

«Ничто, – писал Хилари, – не могло бы успешнее возбудить ненависть, злобу и негодование местного населения, чем этот наглый и безжалостный грабёж, возведенный в систему». Но у британской общественности имелись другие предметы, требующие внимания. Война в Крыму оказалась делом дорогостоящим и разорительным, а Индия находилась далеко, вне поля зрения и сферы непосредственных интересов. Те немногие, кто неодобрительно цокал языком, читая доклады профессора, забывали о них уже через несколько дней, а старшие советники Ост-Индской компании объявили автора введенным в заблуждение чудаком и попытались установить его личность и помешать ему пользоваться почтой.

Они не преуспели ни в первом, ни во втором – Хилари отсылал доклады на родину окольными путями. И хотя иные чиновники относились к деятельности профессора (в частности, к его близкой дружбе с туземцем) с подозрением, никакими уликами они не располагали. Подозрения же не имеют доказательной силы. Хилари продолжал свободно путешествовать по Индии и всячески старался внушить своему сыну, что величайшим грехом, какой только может совершить человек, является несправедливость и что против нее нужно всегда бороться всеми силами, даже если надежды на победу нет.

– Запомни на всю жизнь, Аштон: какими бы еще качествами ты ни обладал, будь справедливым. Поступай с людьми так, как бы тебе хотелось, чтобы поступали с тобой. Это значит, что ты никогда не должен поступать бесчестно. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Ни с кем. Ты меня понимаешь?

Конечно же, мальчик был еще слишком мал, чтобы понимать. Но это наставление повторялось изо дня в день, и в конце концов до него постепенно дошло, что имеет в виду бара-сахиб – большой господин (он никогда мысленно не называл отца иначе), ведь дядя Акбар тоже часто беседовал с ним на данную тему, рассказывая разные истории и приводя цитаты из священной книги в подтверждение мысли, что человек выше царей, и говорил, что, когда Аш вырастет и станет мужчиной, он убедится, что это правда. А потому он должен стараться быть справедливым во всех своих поступках, поскольку в нынешние дни в стране творится много чудовищной несправедливости людьми, облеченными и опьяненными властью.

– Почему местные жители мирятся с таким положением вещей? – однажды спросил Хилари Акбар-хана. – Их же миллионы против горстки представителей Компании. Почему они ничего не предпринимают, не поднимаются на защиту своих прав?

– Они поднимутся. В свое время, – невозмутимо ответил Акбар-хан.

– Так чем скорее, тем лучше, – резко заметил Хилари.

И добавил, что, сказать по чести, в стране все-таки есть хорошие сахибы: Лоуренс, Николсон, Бернс, люди вроде Мэнсела, Форбса, молодого Рэнделла в Лунджоре и сотни других – и что избавиться необходимо от тех, кто заправляет делами в Шимле и Калькутте, от этих напыщенных, алчных старых болванов, которые одной ногой стоят в могиле и давно отупели от жары, снобизма и преувеличенного сознания собственной значимости. Что же касается армии, то во всей Индии едва ли найдется хоть один британский старший офицер моложе семидесяти лет.

– Я не считаю себя человеком непатриотичным, – горячо продолжал Хилари, – но я не вижу ничего достойного восхищения в глупости, несправедливости и полной некомпетентности высокопоставленных должностных лиц, а в нынешней администрации три этих качества представлены в избытке.

– Здесь я не стану с вами спорить, – произнес Акбар-хан. – Но такое положение вещей переменится, и дети ваших детей забудут о преступлениях и будут помнить лишь о славных делах, тогда как наши потомки будут помнить лишь об угнетении и не признавать за вами никаких благих деяний. Однако вы сделали для страны много хорошего.

– Знаю, знаю. – Хилари иронично усмехнулся. – Возможно, я сам напыщенный и самодовольный старый болван. И возможно, будь старые болваны, на которых я жалуюсь, французами, датчанами или немцами, я бы возмущался не так сильно, ведь тогда я мог бы сказать: «А чего еще от них ожидать?» – и почувствовать свое превосходство. Но они мои соотечественники, и именно поэтому мне хочется, чтобы они были безупречными.

– Безупречен один только Бог, – сухо ответил Акбар-хан. – Мы, создания Божьи, порочны и несовершенны независимо от цвета нашей кожи. Но некоторые из нас борются за справедливость, и это внушает надежду.

Хилари больше не писал докладов о деятельности Ост-Индской компании, генерал-губернатора и совета, но обратился к занятиям, которым всегда уделял львиную долю своего внимания. Появлявшиеся в результате рукописи, в отличие от шифрованных докладов, отправлялись по обычным почтовым каналам, где вскрывались, тщательно изучались и укрепляли представителей власти во мнении, что профессор Пелам-Мартин – всего лишь эрудированный чудака, не вызывающий никаких подозрений.

Экспедиция снова свернула палатки и, оставив позади пальмы и храмы юга, медленно двинулась на север. Аштон Хилари отметил свой четвертый день рождения в столице Моголов, городе-крепости Дели, где Хилари собирался закончить, выправить и отослать в Англию рукопись своей последней книги. По такому случаю дядя Акбар нарядил Аша в лучший мусульманский костюм и повел на богослужение в Джама-Масджид, великолепную мечеть, построенную императором Шах-Джаханом и обращенную фасадом к стенам Лал-Килы, могучего Красного форта на берегу реки Джамны.

Была пятница, народу в мечеть набилось видимо-невидимо, и многие люди, не сумевшие протолкнуться во внутренний двор, забрались на высокие ворота, а двое из-за давки сорвались вниз и разбились насмерть.

– Так было predetermined, – сказал дядя Акбар и продолжил молиться.

Аш стоял на коленях и клал земные поклоны по примеру остальных молящихся, а потом дядя Акбар научил его молитве Шах-Джахана «Хутпе», которая начиналась словами: «Господи! Покрой славой ислам и всех приверженцев ислама через непреходящее могущество и величие Твоего раба султана, сына султана, императора, сына императора, правителя двух континентов и повелителя двух морей, воина Бога, императора Абдула Музаффара Шахабуддина Мухаммада Шах-Джахана Гази...»

– Что такое море? – спросил Аш. – И почему морей только два? И кто predetermined, чтобы те два дядьки упали с ворот?

В качестве ответного хода Сита нарядила своего приемного сына по-индусски и отвела в городской храм, где за несколько монет жрец в желтом облачении нанес мальчику на лоб пятнышко красной краской, и Аш пронаблюдал за тем, как Даярам совершает пуджу перед древним бесформенным каменным столбом, символизирующим бога Шиву.

У Акбар-хана было много друзей в Дели, и в обычных обстоятельствах он пожелал бы задержаться там подольше. Но в этом году он ясно чувствовал странные и тревожные подспудные настроения в обществе, и речи друзей нарушали его душевный покой. По городу ходили темные слухи, на узких шумных улочках царилла напряженная атмосфера сдержанного злоевого возбуждения. Все это вызывало у него острое предчувствие надвигающейся беды.

– Что-то неладное затевается. В воздухе пахнет бедой, – сказал Акбар-хан. – Это не сулит ничего хорошего вашим соотечественникам, друг мой, а я не хочу, чтобы с нашим мальчиком приключилась какая-нибудь неприятность. Давайте уйдем отсюда куда-нибудь, где воздух чище. Города мне не по душе. Пороки и всякая мерзость плодятся в них, что мухи в навозной куче, а сейчас здесь зреет нечто худшее.

– Вы имеете в виду восстание? – спросил несколько не обеспокоенный Хилари. – То же самое можно сказать о доброй половине Индии. И по-моему, чем скорее оно начнется, тем

лучше: нам необходим взрыв общественного недовольства, чтобы очистить воздух и пробудить от летаргического сна самодовольных болванов в Калькутте и Шимле.

– Оно, конечно, верно. Но взрывом может и убить, а я не хочу, чтобы мой мальчик плачивался за ошибки своих соотечественников.

– Вы хотите сказать, *мой* мальчик, – поправил Хилари с легким неудовольствием.

– Ладно, наш. Хотя меня он любит больше, чем вас.

– Только потому, что вы его балуете.

– Вовсе нет. Просто я люблю его, и он это знает. Он плоть от плоти вашей, но дитя моего сердца, и я не хочу, чтобы он пострадал, когда разразится гроза, а она непременно разразится. Вы предупредили своих английских друзей в военном городке?

Хилари сказал, что делал это неоднократно, но они отказываются верить предупреждениям, и вся беда в том, что не только высокопоставленные чиновники на местах, члены совета в Калькутте и государственные служащие в Шимле почти ничего не знают о настроениях народа, которым правят, но и многие армейские офицеры плохо о них осведомлены.

– В былое время дела обстояли иначе, – сказал Акбар-хан. – Но генералы теперь составились, разжирели и устали от службы, а офицеры переводятся с одного места на другое так часто, что не успевают узнать обычаи своих подчиненных или заметить, что сипаи начинают роптать. Мне не нравится история, случившаяся в Барракпоре. Правда, там взбунтовался всего один сипай, но, когда он застрелил своего офицера и угрожал убить самого генерала-сахиба, его товарищи молча наблюдали за происходящим и не пытались вмешаться. Однако, по моему мнению, было крайне неразумно расформировывать полк после казни преступника, ибо теперь к великому множеству недовольных прибавились еще три сотни человек, не имеющих хозяина. Из этого выйдет беда, и, думаю, очень скоро.

– Я тоже так считаю. И когда вспыхнут волнения, мои соотечественники будут потрясены и взбешены подобным вероломством и неблагодарностью. Вот увидите.

– Возможно... если мы доживем до этого, – сказал Акбар-хан. – Вот почему я и говорю: давайте отправимся в горы.

Хилари упаковал свои ящики, часть которых оставил на хранение в доме одного своего знакомого в военном городке за Грядой³. Перед отбытием из Дели он намеревался написать несколько писем, которые следовало написать еще много лет назад, но снова отложил это на потом, поскольку Акбар-хану не терпелось поскорее покинуть город, а у него будет полно времени для столь тягостного дела в горах, где царят мир и покой. Кроме того, он так долго никому не писал, что месяц-другой задержки не имеют никакого значения. Утешившись этой мыслью, профессор засунул пачку оставшихся без ответа писем, включая полдюжины адресованных покойной жене, в картонную коробку с надписью «Срочное» и обратился к занятиям поинтереснее.

Весной 1856 года из печати вышла книга «Неизвестные диалекты Индостана» (том 1, проф. Х. Ф. Пелам-Мартин, бакалавр гуманитарных наук, доктор естественных наук, член Королевского научного общества и прочая и прочая), посвященная «Светлой памяти моей жены Изабеллы». Второй том данного сочинения был издан только осенью следующего года и содержал более пространное посвящение: «Аштону Хилари Акбару, с надеждой пробудить в нем интерес к предмету, доставившему бесконечное наслаждение автору. Х. Ф. П.-М.». Но к тому времени и Хилари, и Акбар-хан уже полгода как лежали в могиле, и никто не потрудился поинтересоваться, кто же такой Аштон Хилари Акбар.

Экспедиция двинулась на север, в направлении Тераи и предгорий Дуна, и именно там в начале апреля, когда воздух начал нагреваться и ночная прохлада отступила, их постигло несчастье.

³ Автор имеет в виду древнюю горную гряду Аравали. –Примеч. ред.

Несколько пилигримов из Хардвара, которых они гостеприимно приняли на ночлег, принесли с собой холеру. Один из них умер в темный предрассветный час, а остальные в страхе бежали, бросив тело товарища, найденное слугами поутру. К вечеру трое людей Хилари заболели, и холера столь быстро справилась со своим черным делом, что ни один из них не дожид до рассвета. В лагере началась паника, многие похватили свои пожитки и скрылись, не истребовав расчета. А на следующий день тяжело занемог Акбар-хан.

– Уходите отсюда, – прошептал он Хилари. – Берите мальчика и бегите прочь поскорее, иначе тоже умрете. Обо мне не печальтесь. Я увечный старик, вдовый и бездетный. С чего мне бояться смерти? Но у вас мальчик... сын, который нуждается в отце.

– Вы были для него лучшим отцом, чем я, – сказал Хилари, держа друга за руку.

Акбар-хан улыбнулся:

– Я знаю, ведь ему принадлежит мое сердце. И я научил бы его... я научил бы его... Но уже слишком поздно. Уходите скорее.

– Нам некуда идти, – ответил Хилари. – Разве можно убежать от черной холеры? Коли мы уйдем, она уйдет с нами, а я слышал, в Хардваре умирает свыше тысячи человек ежедневно. Здесь всяко безопаснее, чем в городе, и вы скоро поправитесь – у вас достаточно сил, чтобы выздороветь.

Но Акбар-хан умер.

Хилари скорбел о смерти друга сильнее, чем некогда скорбел о кончине жены. После похорон Акбар-хана он уединился в своей палатке, написал два письма в Англию – одно брату, другое своему адвокату – и, вложив в них кое-какие находившиеся при нем документы и дагеротипы, аккуратно завернул оба в промасленный шелк. Запечатав пакет воском, профессор вновь взялся за перо и начал третье письмо – запоздалое письмо брату Изабеллы, Уильяму Аштону, которое собирался написать много лет назад, но почему-то так и не написал. Однако он спохватился слишком поздно. Холера, убившая Акбар-хана, протянула свою костлявую руку и дотронулась до плеча Хилари – и перо дрогнуло и упало на пол.

Часом позже, немного оправившись после мучительного приступа судорог, Хилари сложил незаконченное письмо, с трудом нацарапал на нем адрес и слабым голосом позвал своего носильщика Карима Букса. Но Карим Букс тоже умирал, и в конце концов именно Сита, жена Даярама, боязливо просеменила в сумерках через пораженный холерой лагерь с фонарем «молния» и едой для бара-сахиба. Повар и его помощники убежали много часов назад.

Она привела с собой Аша, но, увидев, в каком состоянии находится его отец, сразу же вытолкнула мальчика из зловонной палатки и запретила входить.

– Это правильно, – прохрипел Хилари, одобряя действия Ситы. – Ты разумная женщина, я всегда так считал. Позаботься о нем, Сита. Доставь Аша к сородичам. Не дай ему... – Не в силах закончить фразу, он нашарил слабеющей рукой незаконченное письмо и запечатанный пакет и подтолкнул к ней. – Деньги в той жестянке... возьми их... Вот так. Здесь вам должно хватить, чтобы добраться...

Очередная конвульсия сотрясла тело профессора, и Сита, спрятав деньги и письма в складках своего сари, попятилась прочь, а потом быстро отвела Аша за руку в его собственную палатку и уложила спать – на сей раз, к великому негодованию мальчика, без обычных песен и сказок на сон грядущий.

Хилари умер той же ночью, и к середине следующего дня холера унесла жизни еще четырех человек, в том числе и Даярама. Оставшиеся в живых разграбили опустевшие палатки и, забрав с собой лошадей и верблюдов, пустились в бегство на юг по равнине Тераи, бросив в лагере овдовевшую Ситу из страха, что она могла заразиться от мертвого мужа, а вместе с ней четырехлетнего сироту Аш-бабу.

Долгие годы спустя, когда многое другое стерлось у него из памяти, Аш по-прежнему хорошо помнил ту ночь. Жару и лунный свет, мерзкое рычание шакалов и гиен, дерущихся

за добычу на расстоянии броска камня от маленькой палатки, где Сита сидела подле него на корточках, напряженно прислушиваясь, дрожа всем телом и глядя его по плечу в тщетной попытке успокоить и усыпить. Хлопанье крыльев и карканье пресыщенных стервятников на ветвях саловых деревьев, тошнотворный смрад разложения и ужасное, шемящее душу чувство безысходного отчаяния в ситуации, которую он не мог понять и которую никто не объяснил ему.

Аш не был испуган, поскольку еще ни разу прежде не имел причин бояться чего-либо, а дядя Акбар учил, что мужчина никогда не должен выказывать страха. Вдобавок по характеру он был необычайно смелым ребенком и за время походной жизни в джунглях, пустынях и неисследованных горах привык к повадкам диких зверей. Но он не понимал, почему Сита дрожит и плачет и почему она не позволила ему подойти к бара-сахибу, а равно не мог взять в толк, что случилось с дядей Акбаром и остальными. Он знал, что они умерли, ибо видел смерть и раньше. Видел тигров, застреленных у него на глазах с мачана, где ему разрешалось сидеть с дядей Акбаром; видел убитых тиграми животных – коз или молодых буйволов, задранных и частично съеденных хищником накануне; видел зайцев, уток и куропаток, подстреленных на обед. Все эти животные были мертвыми. Но дядя Акбар не мог умереть так же окончательно и бесповоротно, как они. Наверняка есть что-то неистребимое – что-то, что остается от людей, которые путешествовали и разговаривали с ним и рассказывали ему разные истории, от людей, которых он любил и на которых полагался. Но куда девается это что-то? Аш тщетно ломал голову и не находил ответа.

Сита натаскала терновых веток от ограды, некогда защищавшей лагерь, и сложила из них подобие высокой стенки вокруг палатки. Она поступила разумно: ближе к полуночи пара леопардов прогнала прочь шакалов и гиен, заявив о своих правах на лакомство, а незадолго до рассвета в джунглях за саловыми деревьями раздалось рычание тигра, и поутру они обнаружили отпечатки его лап в яре от хлипкой изгороди из терновых веток.

Тем утром им пришлось обойтись без молока, да и еды было совсем мало. Сита дала Ашу остатки чапати – индийской пресной лепешки, а потом увязала в тюк скудные пожитки, взяла мальчика за руку, и они покинули страшный разоренный лагерь, лежащий в мерзости запустения.

2

Сите не могло быть больше двадцати пяти лет, но выглядела она вдвое старше своего возраста. Изнурительный труд, ежегодные беременности и роды, глубокое горе и разочарование от потери всех пятерых детей преждевременно состарили ее. Она не умела ни читать, ни писать и не отличалась умом, но обладала мужеством и преданным, любящим сердцем, и ей ни разу не пришлось в голову присвоить деньги, полученные от Хилари, или ослушаться приказа хозяина. Сита любила сына Хилари с самого его рождения, и вот теперь Хилари передал мальчика под ее опеку и велел доставить к сородичам. Кроме нее, некому позаботиться об Аш-бабе. Она за него отвечает и не подведет его.

Сита не имела понятия, кто сородичи мальчика или как их найти, но не особо беспокоилась по данному поводу, ибо помнила несколько домов в военном городке Дели, где отец Аш-бабы оставил значительную часть своего багажа, а также имя полковника-сахиба, проживавшего там. Она отведет ребенка в Дели, к Абутноту-сахибу и его мэм-сахиб, которые все устроят, а поскольку им, безусловно, понадобится аяя для малыша, Сите не придется расставаться с ним. Дели находился далеко на юге, но она ни на мгновение не усомнилась, что они благополучно доберутся до него, хотя из опасения привлечь к себе внимание по дороге – ведь ей никогда прежде не доводилось держать в руках столько денег, сколько было в жестянке у профессора, – она нарядила Аша в самую старую одежонку и строго-настрого запретила разговаривать с посторонними.

Они достигли окрестностей города Моголов только в мае: Аш был слишком тяжелым, чтобы Сита могла подолгу нести его на руках, а своим ходом он преодолевал не более нескольких миль в день, даром что был крепким мальчуганом. Да и погода, довольно прохладная для весны, становилась все жарче, и долгие знойные дни не располагали к спешке. Аш воспринял путешествие как нечто само собой разумеющееся – он путешествовал с самого рождения и привык к постоянной перемене мест. Единственным, что до сих пор никогда не менялось в жизни мальчика, было присутствие рядом одних и тех же людей: Ситы, дяди Акбара, бара-сахиба, Даярама, Каргара Сингха, Сваба Гула, Тары Чанд, Дунно и двух десятков других. И хотя теперь все они исчезли, кроме Ситы, но она-то по-прежнему оставалась с ним – вместе со всей Индией и знакомыми индийскими пейзажами.

Они двигались медленно, покупая пищу в деревнях по пути и ночуя главным образом под открытым небом, чтобы избежать расспросов. Оба страшно устали к тому времени, когда увидели на горизонте крепостные стены, купола и минареты Дели, казавшиеся призрачными в золотых лучах вечернего солнца, насыщенных тонкой пылью. Сита надеялась достичь города затемно и переночевать у дальнего родственника мужа, державшего зерновую лавку в переулке в Чанди-Чоук, где она могла бы постирать и погладить английскую одежду, которую прятала в своем узле, и одеть Аш-бабу надлежащим образом, прежде чем отправиться с ним в военный городок. Но в тот день они уже прошагали почти шесть миль, и хотя до городских стен оставалось всего ничего, к заходу солнца они все еще находились в четверти мили от понтонного моста через Джамну.

Еще полмили предстояло пройти по городу до лавки родственника, а сумерки быстро сгущались, обращаясь в непроглядную тьму. Но у них было достаточно еды и питья для ужина, и, поскольку малыш очень устал и клевал носом на ходу, Сита свернула с дороги к дереву пипал, раскинувшему ветви над полуразрушенной каменной оградой. Там она накормила Аша, уложила на расстеленное между древесными корнями одеяло и убаюкала старинной пенджабской детской песенкой «Арре ко-ко, Джарре ко-ко» и самой любимой колыбельной:

Нини баба, нини,

Мукан, роти, чини,
Роти мукан хогья,
Хамара баба согья.

Спи, малыш, спи,
Масло, хлеб, сахар,
Хлеб и масло доедены,
Мой малыш спит.

Ночь была теплой, безветренной и звездной, и Сита, которая лежала на земле, обняв одной рукой детское тельце, видела за равниной мерцающие огни Дели – золотые блески на черном бархате тьмы. Среди руин другого, более древнего Дели выли шакалы; в ветвях над головой носились летучие мыши и кричали пронзительными голосами ночные птицы; один раз гиена зловеще расхохоталась в зарослях красного пеннисетума в нескольких ярдах от них, и мангуст сердито засвиристел в густой тени. Но это все были знакомые звуки – такие же знакомые, как далекий барабанный бой в городе и резкий стрекот цикад, – и вскоре Сита накрыла лицо краем своей шали и погрузилась в сон.

Она проснулась перед самым рассветом, внезапно разбуженная не столь привычными звуками: дробным топотом копыт, треском ружейных выстрелов и громкими мужскими криками. По дороге скакали всадники, приближаясь со стороны Мирута. Они неслись во весь опор, точно одержимые или преследуемые погоней, и шлейф пыли, похожий на струю белого дыма, стелился за ними по окрашенной в цвета зари равнине. С оглушительным топотом они промчались мимо на расстоянии броска камня от дерева пипал, бешено паля в воздух из ружей и крича во всю глотку, как обычно кричат мужчины на полном скаку. Сита увидела широко раскрытые глаза и испуганные лица всадников, белые хлопья пены, срывающиеся с боков и напряженно вытянутых шей взмыленных лошадей. Это были совары, одетые в форму одного из кавалерийских полков Бенгальской армии. Совары из Мирута. Но форменная одежда на них была изорвана, запылена и покрыта темными пятнами крови.

Шальная пуля просвистела в ветвях пипала, и Сита испуганно пригнулась и обхватила обеими руками Аша, проснувшегося от шума. В следующий миг всадники пронеслись мимо и скрылись за вихрящимся облаком взметенной белой пыли, глотнув которую Сита задохнулась, закашлялась и прикрыла лицо свободным концом сари. К тому времени, когда пыль у нее перед глазами рассеялась, всадники уже достигли реки, и Сита услышала приглушенный расстоянием, но звучащий отчетливо в предрассветной тишине гулкой стук копыт по понтонному мосту.

Вид охваченных отчаянием мужчин, в страхе бегущих от преследователей, произвел на Ситу столь сильное впечатление, что она схватила ребенка на руки, бросилась в заросли пеннисетума и спряталась там, с минуты на минуту ожидая услышать шум приближающейся погони.

Она оставалась в зарослях почти целый час, успокаивая ничего не понимающего мальчика и шепотом уговаривая его сидеть тихо и не шуметь. Конские копыта по Мирутской дороге так больше и не простучали, но в утренней тишине ясно слышались отдаленные крики мужчин и треск выстрелов под стенами Дели. Вскоре и они прекратились или растворились в будничном шуме пробуждающегося города и обычных звуках индийского утра: скрипе колодезного ворота, криках куропаток на равнине и журавлей у реки, пронзительном вопле павлина среди хлебов, писке большеухих хомяков, щебете сат-бхай и птиц-ткачей. Стая маргышек устроилась на ветвях пипала; легкий ветер с реки шевелил высокие стебли пеннисетума, и монотонный сухой шорох заглушал все прочие звуки.

– Мы стережем тигра? – шепотом спросил Аш, не раз сидевший в засаде с дядей Акбаром и сведущий в охоте на тигров.

– Нет... Но нам нельзя разговаривать. Надо сидеть тихо, – настойчиво прошептала Сита.

Она сама не понимала, почему впала в такую панику при виде вопящих всадников и чего именно боится. Но сердце у нее по-прежнему выпрыгивало из груди, и она знала, что даже холера или ужасная последняя ночь в лагере не вызывали у нее такого страха, как проскакавшие по дороге мужчины. Холера, в конце концов, не представляла для нее никакой загадки, равно как болезни, смерть и повадки диких зверей. Но это было что-то другое. Что-то необъяснимое и наводящее ужас...

По дороге медленно протряслась телега, влекомая парой сонных быков, и знакомое погромыживание колес по ухабам подействовало на Ситу умиротворяюще. Солнце поцеловало краешек небес над далеким горизонтом, и внезапно наступил день – и Сита задышала ровнее и спокойнее. Осторожно поднявшись на ноги, она всмотрелась между сухими стеблями травы и увидела, что залитая солнечным светом дорога пустынна. На ней не наблюдалось никакого движения – и это само по себе казалось странным для обычно оживленной Мирутской дороги, по которой текли основные транспортные и людские потоки из Рохилханда и Ауда в Дели. Но Сита этого не знала, а тишина придала ей смелости, хотя она не горела желанием слишком скоро последовать за всадниками с безумными глазами и сочла разумным малость подождать. У них еще оставалось немного еды, но молоко они допили накануне вечером, и оба начинали томиться жаждой.

– Жди меня здесь, – сказала она мальчику. – Я схожу к реке за водой и скоро вернусь. Шагу не ступай отсюда, золотко мое. Сиди тихо, и с тобой ничего не случится.

Аш послушался. Паника Ситы частично передалась ему, и впервые в жизни он испытывал страх, хотя тоже не сумел бы объяснить, чего именно боится.

Ждать пришлось долго, потому что Сита пошла не кратчайшим путем, по дороге, а окольным и достигла берега реки несколько выше по течению от понтонного моста. Отсюда она видела песчаные отмели и извилистые протоки Джамны, текущей к Калькуттским воротам, и длинную крепостную стену, тянущуюся мимо Арсенала к Водному бастиону, а также слышала, теперь более отчетливо, шум города, напоминающий жужжание рассерженных пчел в перевернутом улье, только тысячекратно усиленное.

К этому ровному мощному гулу примешивались резкие звуки выстрелов, то одиночных, то рассыпающихся частым стаккато; в небе над крышами носилась тьма-тьмушая птиц – ястребы, каркающие вороны, испуганные голуби кружили в высоте, временами устремляясь вниз и вновь взмывая вверх, словно встревоженные чем-то происходящим на городских улицах. Да, нынче утром в Дели явно творится что-то неладное, и соваться туда с ребенком не стоит, пока не выяснится, в чем там дело. Жаль, съестное у них на исходе, но Ашу хватит. И по крайней мере, у них будет вода.

Сита наполнила медный лота на отмели и крадучись двинулась обратно к безопасному убежищу в зарослях красного пеннисетума, стараясь держаться подальше от дороги и по возможности укрываясь за редкими деревьями кикар, валунами и кустами пампасной травы. Они останутся здесь до вечера, решила Сита, а после наступления темноты перейдут мост и направятся напрямик к военному городку. Для Аш-бабы путь долгий, но поскольку он отдыхал весь день... Она вытоптала для него местечко поудобнее в глубине зарослей, и, хотя было невыносимо жарко, душно и пыльно, а Аш, уже забывший о своих страхах и изнывавший от скуки, бесположил и капризничал, в конце концов палящий зной и вынужденное бездействие нагнали на малыша сон, и вскоре после полудня он заснул.

Сита тоже погрузилась в чуткую, прерывистую дрему, убаюканная мерным скрипом влекомых волами телег, ползущих по пыльной дороге, и редким тархтением проезжающих мимо икк. Эти звуки означали, что движение по Мирутской дороге возобновилось, а следовательно, опасность (коли таковая была) миновала и всадники, которых она видела, были просто-напросто гонцами, спешившими к Бахадур-шаху, Великому Моголу, с известием о некоем важ-

ном событии, что привело город в возбуждение и ликование. Возможно, это было известие о победе, одержанной Бенгальской армией Компании на каком-нибудь далеком поле брани, или о рождении наследника у какого-нибудь монарха – например, у падишаха Виктории в Билайте (Англии).

Такого рода успокоительные мысли притупили остроту страха, и городской шум больше не доносился до Ситы: хотя слабый ветерок, тянувший от влажных песчаных берегов и извилистых протоков Джамны, даже не взметал пыль, толстым слоем устилавшую дорогу, у него все же хватало силы шевелить верхушки стеблей красного пеннисетума, и тихий сухой шелест заглушал все прочие звуки. «Мы уйдем отсюда, когда малыш проснется», – подумала Сита. Но едва она успела это подумать, как иллюзия покоя разом разрушилась. Мощная дрожь прокатилась по равнине незримой волной, сотрясши высокую траву и поколебав самую землю под женщиной, а в следующий миг оглушительный грохот расколол шуршащую тишину знойного дня, как молния расщепляет сосну.

Аш вздрогнул и проснулся, а Сита вскочила на ноги, ставшие словно ватными от испуга, и сквозь дрожащие стебли травы увидела громадный столб дыма, вырастающий над далекими стенами Дели: чудовищный клубящийся столб с грибовидным облаком наверху, внушающий ужас в ослепительном свете солнца. Они понятия не имели, что это значит, и так никогда и не узнали, что видели взрыв делейского склада боеприпасов, уничтоженного горсткой защитников, дабы он не попал в руки мятежной толпы.

Спустя несколько часов над городом все еще висело облако дыма, окрашенное в розовато-золотистые тона заката, а ко времени, когда Сита с малышом отважились наконец выйти из укрытия, первый отблеск луны, стоявшей низко над горизонтом, уже посеребрил его расплывчатые края.

Сейчас, когда они находились так близко к цели, о том, чтобы повернуть назад, не могло идти и речи, хотя, имея у них возможность добраться до военного городка другим путем, Сита непременно воспользовалась бы таковой. Но она не рискнула переходить Джамну вброд, а других мостов на расстоянии многих миль не было. Им ничего не оставалось, кроме как пройти по понтонному мосту, что они и сделали: торопливо прошагали через него при тусклом свете звезд, пристроившись в хвосте свадебной процессии. Сразу за мостом вооруженные мужчины окликнули и остановили всю группу. Одинокая женщина с ребенком не вызвала никаких подозрений, и часовые их пропустили, а остальных принялись расспрашивать, и именно из услышанных вопросов и ответов Сита почерпнула первые сведения о сегодняшних событиях.

Хилари был прав. И Акбар-хан тоже. Слишком много жалоб оставалось без внимания, слишком много несправедливости творилось и не исправлялось, и люди не могли мириться с таким положением вещей вечно. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стала мелочь – вопрос о покрытых смазкой патронах, выданных пехотинцам Бенгальской армии для новых винтовок. В этой смазке заподозрили смесь говяжьего жира и свиного сала – наличие первого наносило удар по кастовой системе индусов, а второе оскверняло мусульман. Но это был только повод.

С того самого дня, когда полвека назад, после попытки Компании заставить солдат в Веллуру носить кожаную обувь и головные уборы нового образца, вспыхнул мятеж и произошло кровопролитие, сипаи подозревали о существовании заговора, направленного на уничтожение кастовой системы – самого чтимого общественного института индусов. Мятеж в Веллуру был подавлен быстро и жестоко, как и все прочие восстания, имевшие место в последующие годы. Но руководство Компании не сумело прочесть письма на стене, и протест против смазанных патронов привел его в негодование.

В Барракпоре один возмущенный сипай, некий Мангал Панди из 34-го полка туземной пехоты, открыто призвал своих товарищей к восстанию, а потом выстрелил и ранил британского адъютанта. Впоследствии мятежника повесили, а всех сипаев, которые молча наблюдали

за происходящим и не предприняли попытки вмешаться, разоружили. Сам полк расформировали, но, поскольку ропот продолжался, генерал-губернатор наконец издал приказ об изъятии новых патронов. Однако к тому времени было уже слишком поздно. Сипаи увидели в приказе лишь доказательство справедливости своих подозрений, и в результате он послужил не к ослаблению напряженности, а к усилению оной до критической точки. Со всех концов Индии приходили сообщения о массовых поджогах, но, несмотря на взрывоопасность ситуации и тот факт, что осведомленные люди прекрасно сознавали надвигающуюся беду, командир 3-го кавалерийского полка, размещавшегося в Мируте, решил преподать своим подчиненным урок, приказав всем пользоваться означенными патронами. Восемьдесят пять соваров, которые твердо, хотя и вежливо отказались выполнить приказ, были арестованы, преданы военному суду и приговорены к пожизненной каторге.

Генерал Хьюитт, страдающий ожирением апатичный старик без малого семидесяти лет, неохотно приказал выстроить весь мирутский полк на плацу, где после оглашения приговоров восемьдесят пять солдат были публично раздеты и закованы в ножные кандалы перед отправкой на пожизненную каторгу. Но это излишне затянувшееся бесславное мероприятие оказалось еще более серьезной ошибкой, чем суровость приговоров. Вид закованных в кандалы соваров возбудил сочувствие у наблюдателей, и всю следующую ночь люди в казармах и на базарах Мирута кипели стыдом и гневом и замыслили месть. Утром гроза, уже давно собиравшаяся, наконец разразилась: толпа разъяренных сипаев совершила нападение на тюрьму, освободила заключенных и двинулась на англичан, а после целого дня беспорядков, погромов и кровопролитных стычек совары 3-го кавалерийского полка подожгли разграбленные бунгало и поспешили в Дели, чтобы поднять знамя восстания и поступить в распоряжение Бахадуршаха, последнего из династии Великих Моголов. Именно этих людей видела на заре Сита и с ужасом почувствовала в них предвестников беды.

Похоже, Могол поначалу не поверил повстанцам, ибо в Мируте стояло много британских полков и он с часу на час ожидал увидеть погоню, скачущую по следу мятежников. Но поскольку никто так и не появился, он в конце концов убедился, что солдаты 3-го кавалерийского полка говорили правду, когда утверждали, что все сахиб-логи в Мируте убиты и поступил приказ к началу такого же избиения европейцев в Дели. Горстка сахибов заперлась в здании склада боеприпасов, а когда стало ясно, что дальнейшее сопротивление бесполезно, они взорвали его и себя вместе с ним. Другие британские офицеры были убиты своими солдатами или толпами городских жителей, которые поднялись для поддержки героев Мирута и все еще охотились на случайных европейцев в лабиринтах городских улиц...

Прислушиваясь к рассказу о сегодняшних событиях, Сита поспешно оттащила ребенка в густую тень, подальше от света факелов, испугавшись, как бы часовые не признали в нем ангрези и не зарубили мечами прямо на месте. Рев толпы, хлопки выстрелов, треск горящих зданий лучше любых слов свидетельствовали об опасностях, подстерегавших в городе, и потому, повернув от Калькуттских ворот в сторону Водного бастиона, Сита торопливо зашагала в темноте по узкой пустоши, которая тянулась между рекой и стенами Дели.

Земля здесь была неровной, усыпанной камнями и разным мусором, и маленькие ножки Аша, семенившего рядом, быстро устали. Но теперь луна стояла высоко, и отсветы пожаров в небе рассеивали ночной мрак подобно яркому зареву заката. Они не прошли и половины мили, когда наткнулись на бесхозного осла, бесцельно бродившего среди валунов и мусорных куч, и присвоили его себе. Вероятно, он принадлежал какому-нибудь дхоби или косильщику, который ненадежно привязал животное или временно забыл о нем, когда поспешил в город, чтобы принять участие в разграблении лавок и домов европейцев. Но Сита посчитала осла за дар богов и приняла его как таковой. Маленькое животное терпеливо стояло на месте, пока она усаживала на него Аша и сама устраивалась позади. По всей видимости, осел привык таскать ношу значительно тяжелее, и, едва Сита тронула пятками его бока, он резво потрусил вперед

по какой-то невидимой тропинке, петляющей между камнями, кустами и мусорными кучами на гласисе за крепостным рвом.

Ослиные копыта ступали по песчаному грунту почти бесшумно, и бордовое сари Ситы терялось в густой тени, но сегодня ночью любой звук, любое движение казались подозрительными часовым на городской стене: дважды резкие голоса окликали их, и пули отскакивали рикошетом от камней или свистели над головой и с плеском уходили в воду. Достигнув Водного бастиона и контрэскарпа, они пересекли небольшой участок открытой местности, отделявший Кашмирские ворота от дружественной темноты садов Кудсия.

Прогремели последние несколько выстрелов, но все пули пролетели мимо, и через десять минут Сита с Ашем очутились среди деревьев и двинулись прочь от Дели, чьи крепостные стены и башни, крыши домов, купола и стройные минареты вырисовывались четкими черными силуэтами на фоне освещенного заревом пожаров неба. Справа от путников текла река, а впереди слева темнела длинная Гряды – естественный барьер, тянувшийся между городом и военным городком.

В военном городке всегда горели огни – в бунгало, казармах, столовых, палатках маркитантов. Отсвет огней в ночном небе представлял собой привычное зрелище, но сегодня он казался гораздо ярче и неверно пульсировал, словно там тоже бушевали пожары. Наверное, подумала Сита, сахиб-логи зажгли факелы вокруг своего городка, дабы предотвратить неожиданное нападение под покровом тьмы. Эту меру она сочла разумной, хотя теперь путь к цели стал более опасным для них самих, ибо на дороге, ведущей от города через Гряды к военному городку, мелькали фигуры вооруженных людей, пеших и верховых, в которых она предположила мятежников или мародеров. Чем скорее она с малышом доберется до бунгало Абутнота-сахиба, тем лучше, но, возможно, стоит немного подождать здесь, укрывшись среди деревьев и густых зарослей, покуда оживленное движение на дороге не прекратится.

Осел вдруг резко остановился, едва не сбросив Ситу. Он стоял неподвижно, шумно втягивая воздух ноздрями в явной тревоге, а когда она ударила его пятками по бокам, попятился, отказываясь идти вперед, и ей пришлось спешиться.

– Смотри! – воскликнул Аш, который видел в темноте не хуже осла. – Там в кустах кто-то есть!

Голос мальчика звучал скорее заинтересованно, нежели тревожно, и если до сих пор он хранил молчание, то потому лишь, что никогда не любил много разговаривать – разве только изредка, с дядей Акбаром. Выстрелы и крики привели Аша в возбужденное состояние, но не испугали, поскольку дядя Акбар брал его с собой на охоту еще в ту пору, когда он не умел ходить, и единственным поводом для тревоги в данной ситуации являлся страх Ситы и тот факт, что она не хотела или не могла объяснить, почему их обстоятельства вдруг переменялись и почему все, кого он знал в течение своей короткой жизни, – все, кроме нее, – внезапно его покинули. Но, как большинство детей во всем мире, Аш мирился со странным поведением взрослых и считал его частью существующего порядка вещей. Теперь он понял, что Сита снова испугалась – на сей раз человека в кустах. Ослик тоже испугался, и Аш ласково похлопал маленькое животное по дрожащей спине и утешительно сказал:

– Не бойся, это просто мэм-сахиб, она там спит.

Женщина в кустах лежала в странной позе: словно она ползла через густые заросли на четвереньках, а потом вдруг заснула, сморенная усталостью. В мерцающем красном свете пожаров, проникающем сквозь листву, было видно, что это чрезвычайно тучная леди в кринолине и нескольких нижних юбках под широким платьем из бомбазина в серую и белую полоску, в котором она казалась еще толще. Она была мертва. «Должно быть, – подумала Сита, пятясь от огромного безмолвного тела, – эта мэм-сахиб попыталась спастись от резни в городе и умерла от ужаса или остановки сердца, ведь на теле у нее нет никаких ран. Наверное, она тоже хотела

добраться до военного городка, и, может статься, здесь в густых тенях прячутся и другие беглые англичане... либо мятежники, их преследующие».

Последняя мысль вызвала тревогу, но после минутного раздумья Сита сообразила, что любые звуки погони были бы ясно слышны в зарослях заброшенного сада и что никто не пустится на поиски в темноте без факелов. Ночную тишину нарушал лишь шум движения на дороге. Они с ребенком могут спокойно переждать здесь.

Привязав осла, чтобы он никуда не ушел, Сита устроила среди высокой травы уютное гнездышко для Аша, накормила малыша последними прибереженными кусками чапати и принялась убаюкивать его, шепотом рассказывая про долину среди гор, где однажды они будут жить в домике с плоской кровлей посреди фруктового сада и держать козу, корову, щенка и котенка...

– И ослика, – сонно пробормотал Аш. – Мы должны взять с собой ослика.

– Конечно, мы возьмем с собой ослика, он будет помогать нам таскать кувшины с водой от реки и хворост для очага, потому что по ночам в высокогорных долинах прохладно – такая приятная прохлада, и ветер, пролетающий над лесами, приносит запах сосновых шишек и снега и шепчет: «Тш-ш... тш-ш...»

Аш счастливо вздохнул и заснул.

Сита терпеливо ждала несколько часов, пока зарево в небе не погасло и звезды не начали бледнеть, а потом, почуввав приближение рассвета, разбудила спящего ребенка, отвязала осла, и они осторожно вышли из садов Кудсия, чтобы завершить долгое путешествие в военный городок.

На дороге сейчас не было ни души, она простиралась перед ними – серая, пустынная, утопающая в пыли. И хотя от реки и влажных песчаных отмелей тянуло свежестью, в воздухе чувствовался слабый запах дыма и сладковатый смрад разложения. Все звуки в тишине казались громкими: хруст сухой ветки или стук камушка под копытом осла, частое неровное дыхание Ситы. Женщине чудилось, что они разносятся на целую милю окрест, и она принялась подгонять осла, ударяя голыми пятками по мохнатым бокам и упрашивая прерывистым шепотом:

– Скорее же... скорее...

В последний раз Сита с ребенком проезжала по этой дороге в повозке, и путь от Кашмирских ворот до военного городка тогда показался очень коротким. Но теперь он представлялся бесконечным, и задолго до того, как они достигли гребня Гряды, небо побледнело в преддверии рассвета и черные бесформенные пятна по обочинам дороги обрели четкость очертаний, превратившись в камни и чахлые колючие деревца. Когда дорога пошла под уклон, стало легче. Теперь они двигались быстрее, и тишина успокоила Ситу. Если обитатели военного городка могут так мирно спать, значит здесь все в порядке и беда миновала – или вообще прошла стороной.

В столь ранний час огни нигде не горели, и над дорогами, бунгало, садами висела глубокая предрассветная тишина. Но внезапно запах гари стал острее, причем не знакомый запах горящего угля или навоза, а более едкий запах тлеющих балок и тростниковых крыш, выжженной земли и опаленного кирпича.

Было еще слишком темно, чтобы рассмотреть что-нибудь, помимо смутных очертаний деревьев и бунгало, и, хотя на мощеной дороге дробный цокот ослиных копыт стал громче, никто не окликнул путников: казалось, часовые тоже спали.

Бунгало Абутнотов стояло на ближней окраине военного городка, на тихой тенистой улочке, и Сита без особого труда отыскала его. Спешившись у ворот, она сняла малыша с осла и принялась развязывать узел с вещами.

– Что ты делаешь? – с интересом спросил Аш.

Он надеялся, что она достанет что-нибудь съестное для него, ибо сильно проголодался. Но Сита вытащила из узла матросский костюмчик, который намеревалась надеть на мальчика

в доме родственника мужа, торговца зерном. Сыну бара-сахиба не подобало представать перед сородичами отца в грязной, запыленной одежде бродяжки, и она позаботится о том, чтобы нарядить ребенка должным образом. Костюмчик мятый, но чистый, и обувь начищена до блеска – конечно же, мэм-сахиб поймет их обстоятельства и простит, что одежда не поглажена.

Аш покорно вздохнул и безропотно позволил натянуть на себя ненавистный матросский костюмчик. Похоже, он сильно вырос с тех пор, как надевал его в последний раз: костюмчик оказался тесноват, а когда дело дошло до европейских туфелек с ремешками, обнаружилось, что ноги в них не лезут.

– Ты плохо стараешься, милый, – бранчливо сказала Сита, чуть не плача от усталости и досады. – Пихай ножку сильнее... еще сильнее.

Но все было без толку, и в конце концов Сита позволила мальчику смять пятки туфелек, чтобы ходить в них, как в шлепанцах. Белая матросская шапочка с широкой синей лентой не стала выглядеть лучше от долгого нахождения в узле, но Сита старательно разгладила ее руками и аккуратно поправила эластичный ремешок у Аша под подбородком.

– Теперь ты настоящий сахиб, сердце моего сердца, – прошептала Сита, целуя своего подопечного.

Вытерев слезу уголком сари, она увязала в тюк старую одежку, а потом поднялась на ноги и повела Аша по подъездной аллее к дому.

Сад уже окрасился в серебристо-серые тона занимающегося рассвета, и бунгало Абутнотов четко вырисовывалось впереди. Там царил тишина, такая глубокая тишина, что, подойдя ближе, они слышали частый топот мягких лап по циновкам, когда неясная фигура какого-то животного появилась из черного дверного проема, а в следующий миг метнулась через веранду и прыжками понеслась по лужайке. Это была не собака сахиба и не одна из бездомных собак, наводняющих базары военного городка, а гиена – горбатый загривок и нелепо короткие задние ноги, ясно различимые в бледном свете наступающего утра, не оставляли в том никаких сомнений.

Снова охваченная паникой, Сита замерла на месте с бешено колотящимся сердцем. Она слышала удаляющийся шорох листвы в кустах, где скрылась гиена, и размеренную жвачку осла у ворот. Но из дома по-прежнему не доносилось ни звука, как и из расположенных за ним хижин для слуг, где кому-нибудь, безусловно, уже пора проснуться и затеять возню по хозяйству. И где чокидар, который должен охранять бунгало? Сита заметила маленький белый предмет, лежащий на гравийной дорожке почти у самых ее ног, медленно наклонилась и подняла его. Это оказалась атласная туфля с высоким каблуком, какие мэм-сахиб носят по вечерам на балах или больших приемах, – определенно не того рода предмет, какой ожидаешь найти брошенным на подъездной аллее в столь ранний час, да и в любой другой.

Сита окинула испуганным взглядом лужайку, клумбы и только сейчас увидела, что повсюду вокруг разбросаны и другие предметы: книги, осколки фарфоровой посуды, ключья изорванной одежды, чулок... Бросив атласную туфлю на землю, она бегом пустилась обратно к воротам, таща за собой Аша, и там толкнула его в густую тень перечного дерева.

– Стой здесь, милый! – приказала Сита таким тоном, какого Аш никогда прежде слышал. – Отступи поглубже в тень и стой тихо-тихо. Я сперва посмотрю, кто там в бунгало, а потом вернусь за тобой. Коли ты меня любишь, не издавай ни звука.

– Ты принесешь мне что-нибудь поесть? – обеспокоенно спросил Аш и добавил со вздохом: – Я так проголодался!

– Да-да. Я найду что-нибудь, обещаю. Только стой тихохонько.

Сита прошла через сад и, собрав все свое мужество, осторожно поднялась по ступенькам веранды и вошла в молчаливый дом. Там не было ни души. В темных пустых комнатах валялись обломки мебели и разный мусор, оставленные здесь людьми, которые разграбили все ценные вещи и бесцельно уничтожили остальное. В хижинах для слуг тоже никого не оказа-

лось, и бунгало явно пытались поджечь, но огонь не занялся. В кладовой с выбитой дверью еще оставалось изрядное количество съестных припасов, которые никто не потрудился похитить, – вероятно, кастовая принадлежность не позволила грабителям прикасаться к подобной пище.

Возможно, в других обстоятельствах Сита тоже испытала бы такие же сомнения. Но сейчас она увязала в разорванную пополам скатерть столько всего, сколько могла унести: хлеб, холодное карри, миску чечевицы, остатки рисового пудинга, несколько вареных картофелин, свежие фрукты, пирог с вареньем, половину кекса с изюмом и сухое печенье. Она также нашла в кладовой молоко, но уже скисшее, и жестяные банки с разными консервированными продуктами, слишком тяжелые, чтобы брать их с собой. Среди разбитых винных бутылок она отыскала одну целую, хотя и пустую, и набрала в нее холодной воды из глиняного чатти у кухонной двери, после чего поспешно вернулась к Ашу.

Небо с каждой минутой становилось все светлее, и скоро вчерашние мародеры, будмарши с базаров, проснутся после своих ночных бесчинств и вернуться в военный городок проверить, не проглядели ли они чего-нибудь ценного. Задерживаться здесь даже минутой дольше было небезопасно, но сначала нужно было снять с малыша предательский матросский костюмчик, что Сита и сделала дрожащими от волнения и спешки руками.

Аш не понял, зачем она потрудились нарядить его в дурацкую одежду, если почти сразу снова переодела во все старое, но обрадовался перемене платья и облегченно вздохнул, поняв, что никогда больше не будет носить матросский костюмчик, ведь Сита оставила его под перечным деревом. Пока он уплетал рисовый пудинг, Сита набрала в медный лота воды из маленького колодца среди вытопанных олеандровых кустов и напоила осла из кожаного ведра. Затем они снова сели верхом и в жемчужно-сером свете зари нового дня двинулись по направлению к Великому колесному пути, который тянулся на север, к Карналу и Пенджабу.

Осел предпочел бы идти по ровным дорогам военного городка, но сейчас, когда небо посветлело, Сита видела, что большинство бунгало уничтожены огнем и над тлеющими руинами среди обугленных деревьев все еще поднимаются призрачные столбы дыма. Это зрелище усугубило ее страхи, и, отказавшись от мысли пересечь военный городок, она повернула назад к Гряде и темной громаде Флагштоковой башни, где Делийская дорога уходила на север, к Великому колесному пути.

Глядя назад с горного гребня, с трудом верилось, что некогда оживленный городок, лежащий внизу, превратился в пустынные горестные руины. Деревья скрывали от взора страшные пожарища, а лениво всплывающие ввысь струи дыма, разгоняемого легким ветром и образующего тонкую туманную пелену над селением, могли бы подниматься от кухонных очагов, на которых готовится пища для пропавшего гарнизона. По другую сторону Гряды простиралась плоская равнина с вьющейся по ней серебряной лентой Джамны, окаймленной белыми песчаными берегами, и широкой полосой пахотных земель, а в полутора милях от нее смутно виднелись стены и купола Дели, словно плывущего по туманам, что поднимались от реки. Длинная белая дорога, прямая, как клинок меча, тянулась от Флагштоковой башни к Кашмирским воротам, но в этот ранний час на ней не наблюдалось никакого движения. Даже воздух был недвижим, и в мире царила такая тишина, что Сита слышала петушиный крик, доносящийся из какой-то далекой-далекой деревни за Наджафгархским каналом.

Гряда тоже казалась пустынной, хотя даже здесь землю усыпали безмолвные свидетельства вчерашней паники: детский башмачок, кукла, игрушки, книги; отделанный розовым кружевом и лентами капор, висящий на терновом кусте; тюки и коробки, потерянные владельцами в темноте или оставленные в горячке бегства; опрокинутая собачья тележка с поврежденным колесом и сломанными оглоблями. Ночная роса сверкала россыпями драгоценных камней на раскиданных повсюду предметах и покрывала траву пленкой серебра, но она уже начинала высыхать под первым жарким дыханием наступающего дня, и птицы уже принимались щебетать и чирикать в терновых кустах.

Во Флагштоковой башне не было ни души, но вокруг нее валялось еще больше разного мусора и брошенных вещей, а утоптанная земля свидетельствовала, что маленькая армия женщин и детей, офицеров, слуг и конных повозок стояла тут лагерем не один час и снялась с места совсем недавно – один из фонарей на оставленной здесь собачьей тележке все еще горел. Судя по следам колес, лошадиных копыт и человеческих ног, прошедшие здесь ночь люди бежали на север к Карналу, и Сита последовала бы за ними, если бы не одно обстоятельство.

В пятидесяти ярдах за башней – на дороге, которая тянулась на север мимо базара Судер до канала, где поворачивала направо, в сторону Великого колесного пути, – стояла повозка, нагруженная чем-то с виду похожим на ворох женской одежды. И снова, как накануне вечером, осел вдруг резко остановился и уперся, отказываясь приближаться к ней. Именно поэтому Сита решила заглянуть в повозку и увидела там изувеченные тела четырех сахибов в ярко-красных мундирах, на которые кто-то торопливо набросил женское муслиновое платье с цветочным узором и оборчатую нижнюю юбку в тщетной попытке укрыть трупы от глаз. Цветочный узор на платье состоял из незабудок и роз, а нижняя юбка некогда была белой, но сейчас и платье, и юбку сплошь покрывали бурые пятна, а ярко-красные мундиры, зверски исполосованные мечами, заскорузли от запекшейся крови.

Из-под складок муслина торчала рука без большого пальца, но с кольцом на безымянном, которое никто не додумался снять. В ужасе уставившись на нее, отшатнувшись от запаха смерти так же, как животное, Сита отказалась от мысли двинуться вслед за британцами.

Ни рассказы часовых на мосту, ни вид мертвой мэм-сахиб в садах Кудсия, ни даже разорение военного городка не помогли Сите осознать смысл происходящего. Это обычный мятеж: волнения, поджоги и беспорядки. Она довольно часто слышала о подобных бунтах, хотя никогда прежде не оказывалась в гуще событий. Но сахиб-логи всегда подавляли мятежи и впоследствии вешали или ссылали на каторгу зачинщиков, а сами оставались на месте с возросшими против прежнего силами и численностью. Однако в повозке лежали мертвые сахибы – офицеры армии Компании, а другие сахибы бежали в таком страхе, что даже не задержались, чтобы похоронить своих товарищей. Они просто торопливо накрыли лица мертвецов женской одеждой, а потом пустились наутек, оставив трупы в полном распоряжении воронов и стервятников или любого прохожего бандита, который может снять с них мундиры. Теперь находиться рядом с сахиб-логами небезопасно, и Сита должна увезти Аш-бабу куда-нибудь подальше от Дели и британцев...

Они повернули обратно, снова перевалили через Гяду и двинулись через разоренный военный городок, мимо почерневших бунгало без крыш, вытоптаных садов, сгоревших дотла казарм и тихого кладбища, где мертвые британцы лежали ровными рядами в чужой земле. Ослиные копытца гулко и дробно застучали по мосту через Наджафгархский канал, и вспугнутая стайка попугайчиков, пивших воду из лужицы в сухом канале, брызнула ввысь зеленым пронзительно щебечущим фонтанчиком. Потом они выехали из военного городка на открытую местность – и внезапно мир, до сих пор серый и безмолвный, озарился желтым светом восходящего солнца и огласился птичьим гомоном и трескотней белок.

За каналом дорога сузилась до тропы, бегущей между зарослями сахарного тростника и высокой травы, и вскоре вышла на широкий и ровный Великий колесный путь. Но они не стали на него сворачивать, а пересекли дорогу и двинулись по тропинке через хлебные поля в направлении маленькой деревушки Дахипур. Без осла они бы недалеко ушли, но как только большак скрылся из виду, Сита спешила и пошла своим ходом, и таким образом они удалились от Дели на несколько миль ко времени, когда солнце стало нещадно палить. Они могли бы продвигаться вперед быстрее, но Сита по-прежнему остро сознавала опасность и часто сворачивала с тропы, чтобы обойти стороной деревушки и избежать встречи со случайными путниками. Да, Аш-баба унаследовал от матери черные волосы и, смуглый от рождения, загорел дочерна за годы жизни на открытом воздухе, так что цветом кожи не отличается от индийца, но

глаза-то у него светло-серые – вдруг какой-нибудь подозрительный прохожий опознает в нем белого ребенка и пожелает убить его, дабы получить награду? Кроме того, никогда не знаешь, что может сказать или сделать малое дитя. Поэтому Сита подумала, что не почувствует себя в безопасности, покуда Дели и мятежники из Мирута не останутся далеко-далеко позади, на расстоянии многих дней пути.

Хлеба еще не поднялись настолько, чтобы служить укрытием, но равнина была часто изрезана сухими оврагами, и вдобавок густые терновые кусты и заросли пеннисетума позволяли надежно спрятаться не только человеку, но и ослу. Однако здесь тоже недавно проходили англичане: жужжащий рой мух выдал местонахождение трупа пожилого евразийца в высокой траве у обочины тропы. Как и толстая женщина в садах Кудсия, бедняга тоже заполз в траву на четвереньках и там испустил дух, но в отличие от нее он перед этим получил столь тяжелое ранение, что казалось уму непостижимым, как он умудрился уползти на такое расстояние.

Ситу сильно встревожило то обстоятельство, что и другие люди предпринимали попытку бежать через равнину, а не по дороге, ведущей в Карнал. Вид несчастных, жалких беженцев послужит лишь к распространению слухов о бунте по прежде мирным деревням, возбуждению в местных жителях презрения к фаранги и выступлениям в поддержку мятежных сипаев, а Сита выбрала этот путь именно в надежде опередить вести из Дели. Однако, судя по всему, она поставила перед собой невыполнимую задачу: мертвый мужчина в траве явно лежал там со вчерашнего дня, и, похоже, кто-то помог бедняге отползти от обочины – тот самый человек, который аккуратно накрыл лицо трупа носовым платком, прежде чем оставить его мухам и пожирателям падали. Сита протащила упирающегося осла мимо и, чтобы отвлечь внимание Аша и самой отвлечься от собственных мучительных мыслей, принялась рассказывать историю про затерянную высоко в горах долину, которую они найдут однажды и где заживут припеваючи.

К наступлению темноты они уже порядком удалились от большака, и Сита решила, что теперь можно без особых опасений остановиться на ночлег в деревне, мерцающие огни которой наводили на мысль о базаре и возможности купить горячую пищу и свежее молоко. Аш-баба совсем умирался и клевал носом, а значит, вряд ли станет болтать языком. Осел тоже нуждался в питье и корме, да и сама она валилась с ног от усталости. Той ночью они переночевали под навесом у одного гостеприимного землепашца, в обществе своего осла и хозяйской коровы. Сита представилась женой кузнеца из окрестностей Джаландхара, возвращающейся из Агры с осиротевшим племянником, сыном мужнина брата. Она купила горячей еды и буйволиного молока на базаре, где наслушалась разных пугающих слухов, один хуже другого, а потом, когда Аш заснул, присоединилась к кучке судачащих деревенских жителей.

Сидя глубоко в тени, она слушала рассказы о мятеже, вести о котором принесли утром в деревню несколько гуджаров, а после полудня подтвердили пятеро сипаев из 54-го туземного полка, накануне присоединившихся к повстанцам у Кашмирских ворот, а теперь спешивших в Сирдану и Музаффарнагар с сообщением, что власть Компании наконец свержена и в Дели снова правит Могол. В своем рассказе сипаи не пожалели красок, и, выслушав эту историю в пересказе деревенских старейшин, Сита безоговорочно приняла все на веру – после того, что она видела своими глазами с момента, когда солдаты 3-го кавалерийского полка пронеслись мимо нее по Мирутской дороге.

Все англичане в Мируте перебиты, сказали старейшины, подтверждая слова соваров на понтонном мосту, и в Дели тоже все белые истреблены – как в самом городе, так и в военном городке. И не только в Дели и Мируте, ибо полки восстали по всей Индии и скоро в стране не останется в живых ни одного фаранги, даже ребенка. Всех, кто пытается спастись бегством, ловят и убивают, а тех, кто додумался спрятаться в джунглях, растерзают дикие звери, если они прежде не умрут сами от голода, жажды и нестерпимого зноя. Их время закончилось. Они исчезнут, как пыль, несомая ветром, и ни один не останется в живых, чтобы вернуться

на родину с историей об их бесславном конце. Индийцы отомстили за позор Плесси⁴, сто лет порабощения подходят к концу, и больше не нужно платить налоги.

– Значит, Эшмитт-сахиб тоже убит? – спросил кто-то исполненным благоговейного страха голосом, имея в виду, надо полагать, местного окружного инспектора, по всей вероятности единственного белого человека, которого когда-либо видели жители этой деревни.

– Конечно. В пятницу – так говорит Дурга Дасс – он отправился в Дели, чтобы встретиться с комиссаром-сахибом, а разве рябой сипай не сказал, что все ангези в Дели перебиты? Он наверняка погиб. Он и все прочие представители его проклятого народа.

Сита все выслушала, всему поверила, а потом тихонько отступила в темноту и торопливо вернулась на базар, где купила глиняную миску и ингредиенты для изготовления коричневой краски, которая на человеческой коже держалась так же стойко, как на бумажной ткани. Замоченная на ночь смесь к утру настоялась до готовности, и задолго до пробуждения деревни Сита подняла Аша, вывела из-под навеса в предрассветные сумерки, торопливо раздела, присев на корточки за кактусовой живой изгородью, и тряпичкой нанесла на тело краску, работая отчасти на ощупь и настойчивым шепотом наказывая мальчику никому об этом не рассказывать и запомнить, что отныне он будет зваться Ашоком.

– Ты не забудешь, сердце моего сердца? Ашок. Обещай мне, что не забудешь.

– Это такая игра? – заинтересованно спросил Аш.

– Да-да, игра. Мы будем играть, будто тебя зовут Ашок и ты мой сын. Мой настоящий сын, а твой отец умер – и это истинная правда, видят боги. Так как тебя зовут, сынок?

– Ашок.

Сита горячо поцеловала малыша, еще раз строго-настроено наказала не отвечать ни на какие вопросы, а затем вернулась вместе с ним под навес. Съев скудный завтрак и расплатившись за постой, они двинулись в путь через поля, и к полудню деревня осталась далеко позади, а Дели и Мирутская дорога превратились всего лишь в ужасное воспоминание.

– Мы пойдем на север. Может, в Мардан, – сказала Сита. – На севере мы будем в безопасности.

– В долину? – спросил Аш. – Мы пойдем в нашу долину?

– Пока еще нет, золотко мое. Но однажды обязательно пойдем. Однако она тоже находится на севере, и потому мы направимся на север.

И они правильно сделали, что пошли на север: земля за ними горела, охваченная пожаром кровопролитного насилия. В Агре, Алипуре, Нимуче, Насирабаде и Лакхнау, по всему Рохилкханду, Центральной Индии и Бунделкханду, в городах и военных поселениях по всей стране люди поднимались против британцев.

В Канпуре Нана, приемный сын покойного пешвы, не признанный британскими властями, восстал против угнетателей и осадил прискорбно ненадежные укрепления англичан. А когда через двадцать дней оставшиеся в живых приняли предложение сдаться в обмен на охранную грамоту и сели в предоставленные им лодки, чтобы доплыть до Аллахабада, лодки были подожжены и обстреляны с берега. Тех, кому удалось добраться до берега, взяли в плен. Мужчин расстреляли, а около двухсот женщин и детей (все, что осталось от гарнизона, в начале осады насчитывавшего тысячу человек) заперли в маленьком здании – биби-гурхе, где позже всех зарубили по приказу Наны, а тела умирающих и мертвых бросили в ближайший колодец.

В Джханси та самая вдова раджи, о чьих горьких бедах писал Хилари в своем последнем докладе, – Лакшми-Баи, прекрасная бездетная рани, которую Ост-Индская компания лишила права усыновить наследника и обобрала до нитки, отняв наследство, – отомстила за несправед-

⁴ В битве при Плесси в 1757 г. Индия была завоевана Робертом Клайвом и Ост-Индской компанией. Существовала легенда, что правление Компании продлится лишь сто лет, считая от этой даты.

ливість, истребив британський гарнізон, неразумно погодившись здатися в обмін на охоронну грамоту.

«Чому люди миряться з таким положенням речей? – однажды спит Хилари Акбархана. – Чому нічого не підприємляють?» Лакшми-Баи, не прощаючи обид, підприємляла кое-що. Она оплатила за жестоку несправедливість, сотворенну з неї генерал-губернатором і советом Ост-Индської компанії, деянням столь же несправедливим. Ібо не тільки чоловіки, но і жінки і діти тих, хто прийняв пропозицію здатися в обмін на охоронну грамоту, були звязані разом і звірски убиті: діти, жінки і чоловіки – в такому порядку...

Ост-Индська компанія посеяла бурю. Но многие из тех, кому пришлось пожинать бурю, были так же ни в чем не повинны и сбиты с толку, как Сита и Аш-баба, подхваченные и несомые страшным ураганом, точно два беспомощных жалких воробушка в штормовой день.

3

Был октябрь, и листья уже начинали золотиться, когда Сита и Аш-баба достигли Гулкота, крохотного княжества у северной границы Пенджаба, где равнины постепенно сменялись предгорьями Пир-Панджала.

Путешествие затянулось, поскольку большую часть пути они проделали пешком (осла у них реквизировали какие-то сипаи в конце мая), а из-за жаркой погоды могли совершать переходы лишь в прохладные предрассветные часы или после захода солнца.

Упомянутые сипаи прежде служили в 38-м пехотном полку, который распался в тот день, когда туда прибыли совары 3-го кавалерийского полка из Мирута. Они возвращались домой, нагруженные награбленным добром, и поведали множество разных историй о восстании, в том числе историю о казни последних оставшихся в Дели фаранги – двоих мужчин и пятидесяти женщин и детей, – содержавшихся в тюрьме императорского дворца.

– Нам необходимо очистить страну от всех иностранцев, – пояснил рассказчик, – но мы, солдаты, отказались убивать женщин и ребятишек, уже полумертвых от страха и голода после многодневного заточения в темной камере. Несколько придворных тоже высказались против казни, – мол, убийство женщин и детей или любых других военнопленных идет вразрез с принципами мусульманской веры. Но когда Миза Маджхли попытался спасти несчастных, толпа потребовала его крови, и в конечном счете слуги правителя зарубили всех мечами.

– Всех? – пролепетала Сита. – Но... но чем дети-то виноваты? Неужто нельзя было пощадить хотя бы малышей?

– Вот еще! Глупо щадить детенышей змеи, – насмешливо произнес сипай, и Сита снова задрожала от страха за Аш-бабу: «змееныш» безмятежно играл в пыли всего в двух шагах от них.

– Истинно так, – согласился один из его товарищей, – потому что они вырастут и наплодят себе подобных. Мы правильно поступили, уничтожив тех, кто стал бы угнетать и грабить нас в будущем.

Затем он реквизировал осла, а когда Сита попыталась протестовать, сбил ее с ног ударом приклада мушкета. Второй же мужчина схватил Аша, бросившегося на обидчика подобно маленькому тигренку, и швырнул в терновые кусты. Когда Аш, весь в синяках, исцарапанный и оборванный, всхлипывая, выполз из колючих зарослей, Сита лежала без чувств на обочине, а сипаи с ослом уже удалились на изрядное расстояние.

Это был черный день для них. Оставалось утешаться лишь тем, что мужчины не позарились на узелок Ситы. Вероятно, им просто не пришло в голову, что среди вещей одинокой женщины и маленького оборвыша может найтись что-нибудь ценное, и они так и не узнали, что по меньшей мере половина монет, которые Хилари некогда держал в жестяной коробке под кроватью, хранилась в замшевом мешочке на дне узелка. Как только Сита очнулась и вновь обрела способность ясно мыслить, она достала деньги оттуда и положила к остальным, которые держала в складке широкого пояса из куска ткани, обмотанного вокруг талии под сари. Пояс стал тяжелым и неудобным, но там деньги находились в большей безопасности, чем в узелке, а поскольку осла у них отняли, ей так или иначе приходилось нести все на себе.

Похищение осла стало для них тяжелым ударом по причинам не только практического, но и сентиментального свойства. Аш нежно привязался к маленькому животному и печалился об утрате еще долгое время после того, как даже самые глубокие царапины на его теле зажили, не оставив о себе никаких воспоминаний. Но этот случай и рассказы сипаев вновь напомнили Сите об опасностях, подстерегающих на большаках между городами и крупными селениями. Разумнее было держаться троп для скота и крохотных деревушек, где жизнь текла размеренно и монотонно и куда редко доходили новости извне.

Время от времени слабое эхо отдаленной грозы доносилось даже до таких глухих цитаделей покоя, и тогда они слышали рассказы об израненных и умирающих от голода сахиб-логах, которые прятались в джунглях или среди скал и выползали из укрытий, чтобы выманивать пищу у самых бедных путников. Однажды вслед за слухом об успешных восстаниях, поднятых по всему Ауду и Рохилкханду, пришло известие о мятеже и кровавой бойне в Фирозпуре и далеком Сиялките, и именно оно заставило Ситу отказаться от недавно возникшего и еще не вполне оформившегося намерения доставить Аша в Мардан, где находился брат его матери со своим Корпусом разведчиков. После того как полки в Фирозпуре и Сиялките тоже взбунтовались, на что теперь могут надеяться британцы любого военного городка в любом уголке страны? Даже если кто-нибудь из них и остался в живых до сих пор, что представлялось сомнительным, все они скоро погибнут – все, кроме Аш-бабы, который отныне был ее сыном Ашоком.

Сита никогда больше не называла мальчика иначе чем «сын», и Аш принял такие отношения без всяких вопросов. Уже через неделю он забыл, что они начинались как игра и что прежде он называл Ситу не мамой, а как-то по-другому.

По мере того как они продвигались на север вдоль хребта Сивалик, слухи о мятежах и беспорядках становились реже, а люди все больше разговаривали о посевах, урожае и местных проблемах да обсуждали сплетни маленьких деревенских общин, для которых мир ограничивался окрестными полями. Нестерпимо знойный июнь закончился проливными дождями, когда над выжженными равнинами Индии пронесся муссон, превративший поля в болота, а все каналы и овраги – в полноводные реки, из-за чего покрываемое беглецами за день расстояние сократилось до минимума. Ночевать под открытым небом стало невозможно, приходилось искать пристанище на ночь – и платить за него.

Сита отчаянно сэкономила деньги, ведь они составляли неприкосновенный запас, который нельзя расходовать беспечно. Они принадлежали Аш-бабе, и она должна была сохранить что-нибудь к тому времени, когда он подрастет. Вдобавок существовала опасность произвести впечатление слишком богатой женщины и тем самым спровоцировать нападение и ограбление, а посему представлялось разумным тратить лишь самые мелкие монетки, причем только после долгого и упорного торга. А еще Сита купила ярд грубого домотканого холста, чтобы Аш укрывался под ним от дождя, хотя прекрасно понимала, что он предпочел бы обходиться без такой защитной меры и ходить с непокрытой головой и босиком. Бабушка Аша по отцовской линии была шотландкой с западного побережья Аргайлшира, и, вероятно, именно потому, что в жилах мальчика текла ее кровь, он с таким наслаждением подставлял лицо под хлесткие струи дождя. А может, просто-напросто он, как и все дети, любил шлепать по грязи и лужам.

От постоянного пребывания под дождем почти вся краска смылась с его тела, и кожа обрела прежний цвет, который сразу узнали бы Хилари и Акбар-хан. Однако Сита не стала обновлять краску. Теперь они находились близ предгорий Гималаев, а так как у горцев кожа светлее, чем у жителей юга (вдобавок у многих из них светлые глаза – голубые, серые, карие, – и рыжие или каштановые волосы здесь встречаются не реже, чем черные), ее сын Ашок не привлекал к себе внимания и на самом деле был даже малость смуглее бледнокожих индусских ребятишек, с которыми играл в деревнях по пути. Мучительная тревога за него постепенно отступала, и Сита больше не жила в вечном страхе, что он выдаст себя каким-нибудь неосторожным упоминанием о бара-сахибе и былых днях, поскольку мальчик, казалось, забыл о них.

Но Аш ничего не забыл. Просто он не хотел думать или говорить о прошлом. Во многих отношениях он был не по годам развитым ребенком: на Востоке дети созревают рано и становятся полноценными мужчинами и женщинами в возрасте, когда их ровесники на Западе еще учатся в старших классах школы. Все всегда обращались с ним как с равным, никто не окружал его тепличной атмосферой детской комнаты. Он имел полную свободу действий в отцовской экспедиции с тех пор, как научился ползать, и прожил свою короткую жизнь среди взрослых,

которые в общем и целом относились к нему как к взрослому, пусть и привилегированному, потому что все любили его. Когда бы не Хилари и Акбар-хан, возможно, Аша избаловали бы. Но хотя методы воспитания у них были разными, они оба прилагали все усилия к тому, чтобы он не вырос испорченным неженкой: Хилари – потому, что терпеть не мог нытья и капризов и хотел, чтобы его сын с малолетства вел себя как разумный человек, а Акбар-хан – потому, что намеревался вырастить из мальчика великого полководца, за которым однажды солдаты пойдут на смерть, а баловством и излишним потворством такого не достичь.

Сита была единственным человеком, сюсюкавшим с ним и певшим ему детские песенки, ибо Акбар-хан рано внушил Ашу, что он мужчина и не должен допускать, чтобы с ним цацкались. Таким образом, песенки и сюсюканье оставались секретом, известным только Ашу и его кормилице, и отчасти именно потому, что у них двоих был такой секрет, мальчик принял необходимость держать в тайне многое другое и ничем не выдал их обоих в самом начале злощастного путешествия в Дели. Сита велела никогда не заводить разговоров о бара-сахибе и дяде Акбаре или о походной жизни и обо всем прочем, что они оставили позади, и Аш подчинился как из-за потрясения и недоумения, так и из послушания. Стремительность, с которой разрушился привычный ему мир, и непостижимость причин, приведших к этому, были подобны черному омуту, куда он боялся заглядывать из страха увидеть там вещи, помнить которые не хотел, – ужасные вещи вроде сцены, когда дядю Акбара бросают в яму и засыпают землей, или вызвавший сильнейшее потрясение вид бара-сахиба, плачущего над свеженасыпанным холмиком, хотя сколько раз и он, и дядя говорили, что слезы льют только женщины.

Лучше повернуться спиной к подобным вещам и никогда не вспоминать о них, и Аш именно так и сделал. В настоятельных просьбах Ситы не было никакой необходимости: даже если бы она вдруг захотела, чтобы он заговорил о прошлом, вряд ли ей удалось бы вытянуть из него хоть слово. Однако она думала, что Аш все забыл, и радовалась, что у детей такая короткая память.

Главной ее заботой стали поиски какой-нибудь тихой заводи, достаточно удаленной от оживленных городов и торных дорог Индии, где никто и слыхом не слыхивал о таких событиях, как подъем или падение Компании. Какого-нибудь селения, достаточно маленького, чтобы ускользнуть от внимания людей, которые придут к власти, но достаточно большого, чтобы женщина с ребенком могли затеряться в нем, не возбудив чьего-то любопытства своим прибытием. Какого-нибудь места, где для нее найдется работа, где они обоснуются и начнут жизнь заново, где обретут покой, довольство и избавление от всех страхов. Ее родная деревня не годилась: там Ситу знают, ее возвращение станет поводом для различных догадок и расспросов со стороны ее собственного семейства и родственников покойного мужа, и правда неизбежно всплывет. Ради безопасности мальчика Сита не может пойти на такой риск, да и о самой себе нужно подумать. Ей вряд ли удастся скрыть смерть Даярама от его родителей, а как только об этом станет известно, Ситу заставят вести себя как подобает вдове, бездетной вдове, – нет худшей участи в Индии, где на вдовую женщину возлагается ответственность за смерть мужа, так как считается, что она навлекла на него несчастье своими дурными поступками, совершенными в прошлой жизни.

Вдова не вправе носить цветные наряды или украшения, она должна обривать голову и одеваться только в белое. Она не вправе снова выйти замуж и обречена до конца своих дней задарма ишачить на семью мужа, всеми презираемая в силу своего пола и всеми ненавидимая как человек, приносящий несчастье. Не приходится удивляться, что раньше, пока Компания не отменила такой закон, многие вдовы предпочитали стать сати и сгореть заживо на погребальном костре вместе с телом мужа, чем много лет влачить жалкое существование в рабстве и унижении. Но в чужом городе Сита сможет выдать себя за кого пожелает – и кто там узнает, что она вдова, или взволнуется по данному поводу? Она скажет, что муж подался на юг в поисках заработка или бросил ее и скрылся в неизвестном направлении. Какое это имеет значение? Она

сможет ходить с высоко поднятой головой, как мать маленького сына, и носить яркую одежду и свои немногочисленные скромные украшения. А когда она найдет работу, то будет работать на мальчика и на себя, а не трудиться бесплатно на семью Даярама.

Несколько раз за месяцы, прошедшие со времени побега из Дели, Сите казалось, что она нашла нужное место – тихую гавань, где они закончат свои странствия и найдут работу и безопасность. Но каждый раз что-нибудь гнало женщину дальше: прибытие вооруженной шайки сипаев из какого-нибудь мятежного полка, рыщущей по стране в поисках беглых англичан; вид семейства изнуренных от голода фаранги, которые нашли приют у доброго селянина и которых гогочущая толпа выволакивает из укрытия и предает смерти; прохожий путник, щеголяющий в форме убитого офицера, или группа соваров, галопом проносящихся по хлебным полям...

– Мы когда-нибудь где-нибудь остановимся? – с тоской спрашивал Аш.

Июнь сменился июлем, а июль – августом. Пахотные угодья остались позади, а впереди были только джунгли. Но Сита и Аш хорошо знали джунгли. В тишине знойных влажных чащ они чувствовали себя в большей безопасности, чем в деревнях, и здесь они находили съедобные корни и ягоды, воду и топливо, тень от палящего солнца и укрытие от дождя.

Однажды, следуя по звериной тропе через заросли высокой травы, они нос к носу столкнулись с тигром. Но огромный зверь был сыт и расположен благодушно. Обменявшись с незваными гостями долгим удивленным взглядом, он свернул в сторону и скрылся в траве. Сита стояла неподвижно пять долгих минут, покуда сварливое кудахтанье кустарниковой курицы ярдах в тридцати справа от них не указало, в каком направлении ушел хищник, а потом повернула назад и обошла то место стороной. Удивительно, что они не заблудились в простирившихся на много миль диких чащах деревьев, пеннисетума и бамбука, среди скал и непролазных зарослей ползучих растений. Но здесь Сите помогло безошибочное чувство ориентировки, и, поскольку они двигались не к какой-то определенной цели, а просто на север, не имело особого значения, каким именно путем идти.

К концу августа они с трудом выбрались из джунглей и вновь оказались на открытой местности, а в сентябре дожди пошли на убыль. Снова нещадно пекло солнце, и каждый вечер тучи москитов поднимались от широко разлившихся джхилов, прудов и канав. Но впереди, на краю равнины, за предгорьями, вздымались над знойным маревом высокие голубые хребты Гималаев, и ночной воздух стал чуть свежее. В разбросанных далеко друг от друга селениях никто не слышал о восстании и кровопролитиях, ибо проходимых троп здесь осталось мало, а дорог так и вовсе никогда не было, и местность эта была малонаселенной. Деревушки состояли из нескольких хижин и нескольких акров возделанных полей, окруженных каменистыми пастбищными землями, которые простирались на много миль окрест и на юге граничили с джунглями, а на севере – с предгорьями.

В ясные дни впереди виднелись снежные пики, служившие Сите постоянным напоминанием о том, что время странствий истекает, что приближается зима и надо подыскать какое-нибудь жилье до наступления холодов. В такой местности, как эта, у нее было мало шансов найти работу и обеспечить Ашу хорошее будущее, и потому, несмотря на крайнюю усталость, до крови стертые ноги и бесконечную утомленность путешествием, она не поддавалась искушению задержаться здесь. Они проделали длинный путь с того апрельского утра, когда покинули безмолвный лагерь Хилари и двинулись к Дели, и оба остро нуждались в отдыхе. И вот в октябре, когда листья уже начали золотиться, они пришли в Гулкот, и Сита поняла, что наконец-то нашла место, которое искала. Место, где они могут спрятаться и ничего не опасаться.

Независимое княжество Гулкот было слишком маленьким, слишком труднодоступным и вдобавок слишком бедным, чтобы представлять интерес для генерал-губернатора и чиновников Ост-Индской компании. И поскольку регулярная армия здесь насчитывала менее сотни

солдат – в основном седых стариков, вооруженных тулварами да ржавыми джезайлами, – а правитель пользовался популярностью у народа и не выказывал никакой враждебности, Компания оставила его в покое.

Главный город, давший имя маленькому княжеству, находился на высоте примерно пяти тысяч футов над уровнем моря, в самой высокой точке огромного треугольного плато в предгорьях Гималаев. Гулкот возводился как укрепленный город, и здесь до сих пор сохранилась массивная стена, которая окружала тесное скопление домов, единственную главную улицу, тянущуюся от Лахорских ворот на юге до Лал-Дарвазы – Красных ворот – на севере, три храма, мечеть и лабиринт узких переулков. Над местностью господствовал беспорядочно выстроенный дворец-крепость раджи Хава-Махал – Дворец ветров, стоящий на вершине могучей скалы примерно в тысяче ярдов от городских ворот.

Родоначальником правящей династии был вождь раджпутов⁵, который прибыл на север в годы царствования Сикандара Лоди и остался здесь, чтобы основать княжество для себя и своих последователей. С течением веков княжество неуклонно сокращалось в размерах, и ко времени, когда Пенджаб перешел к сикхам с Ранджитом Сингхом во главе, оно представляло собой лишь несколько деревушек, разбросанных на территории, которую всадник мог пересечь в любом направлении за день. То, что оно вообще уцелело, по-видимому, объяснялось тем обстоятельством, что в настоящее время его границей с одной стороны служила река без мостов, а с другой – широкая полоса густого леса, тогда как на южных подступах к нему простиралась пустынная, каменистая, изрезанная глубокими оврагами местность, где правил родственник раджи, а сразу за ним складчатые лесистые предгорья вздымались ввысь, к белым пикам Дур-Хаймы и громадной заснеженной гряде, защищавшей Гулкот с севера. Двинуть войско на столь удачно расположенное со стратегической точки зрения княжество представлялось делом трудным, а поскольку в этом никогда не возникало необходимости, оно ускользнуло от внимания Великих Моголов, маратхов, сикхов и Ост-Индской компании и продолжало безмятежно жить своей жизнью в удалении от стремительно меняющегося мира XIX века.

В день, когда Сита и Аш прибыли туда, в древнем городе царило праздничное настроение: бедному люду раздавали дары из дворца в виде пищи и сластей по случаю рождения ребенка у старшей рани. Сие событие отмечалось скромно, так как родилась девочка, но горожане с радостью устроили себе выходной: пировали, веселились, украшали свои дома гирляндами и бумажными флажками. Мальчишки бросали патаркары – самодельные петарды – под ноги прохожим на запруженных народом базарах, а после наступления темноты в ночное небо взмыли тонкой струйкой фейерверки, распустившиеся пышным букетом над плоскими кровлями, где толпились женщины, точно стаи щебечущих птиц.

Ситу и Аша, привыкших за долгие месяцы странствий к тишине и одиночеству (или, по крайней мере, к скромному обществу обитателей крохотных деревушек), яркие краски, толкотня и гомон беспечных толп привели в неопишное возбуждение. Они досыта наелись дарами раджи, полюбовались фейерверком и нашли наемную комнату в доме торговца фруктами, стоявшем в переулке близ базара Чандни.

– Мы останемся здесь? – сонно спросил Аш, пресыщенный лакомствами и впечатлениями. – Мне здесь нравится.

– Мне тоже, сынок. Да, мы здесь останемся. Я найду работу, и мы заживем счастливо. Одно лишь плохо...

Сита вздохнула и не закончила фразу. Ее мучили угрызения совести, ведь она не выполнила приказ бара-сахиба вернуть его сына к сородичам. Но Сита не представляла, что еще она могла сделать. Возможно, однажды, когда ее мальчик станет мужчиной... Но сейчас они оба слишком устали от странствий, и здесь они хотя бы находятся в горах – и в безопасности. Про-

⁵ *Раджпуты* – каста, возводящая себя к древней легендарной касте кшатриев (воинов).

веденные в городе час-полтора убедили ее в этом, ибо ни в разговорах на базаре, ни в болтовне празднующихся гуляк она не услышала ни слова о волнениях, сотрясающих Индию, и ни единого упоминания о мятежниках или сахиб-логах.

Гулкот интересовали только собственные дела и последние дворцовые сплетни. Город обращал мало – или вовсе никакого – внимания на события, происходящие в мире за его пределами, и в данный момент главной темой разговоров, помимо вечной темы урожая и налогов, являлось ослабление позиций старшей рани и усиление влияния наложницы по имени Джану, девушки-нотч из Кашмира, которая приобрела такую власть над пресыщенным правителем, что недавно он убедил себя жениться на ней.

Джану-Баи подозревали в занятиях черной магией. Как еще могла обычная танцовщица возвыситься до положения рани и занять в сердце раджи место матери маленьких принцесс, чья власть не оспаривалась по меньшей мере три года? Она слыла одновременно красивой и безжалостной, а пол новорожденного младенца служил очередным доказательством ее колдовской силы. «Она ведьма, – говорили жители Гулкота. – Конечно ведьма. Придворные говорят, что именно она приказала раздать голодным пищу и сласти по случаю рождения ребенка. Радует, что это не мальчик, и хочет дать знать сопернице о своей радости. Теперь, если сама она родит сына!..»

Наслушавшись подобных разговоров, Сита исполнилась уверенности: никакая опасность не грозит здесь Ашоку, сыну саиса Даярама, который, как она сообщила жене торговца фруктами, убежал с бесстыжей цыганкой, предоставив ей самой кормить себя и ребенка.

В правдивости ее истории никто не усомнился, и позже она нашла работу в лавке, расположенной в лощине Кханна-Лал за храмом Ганеши, где стала вырезать из разноцветной бумаги и яркой ткани цветы, какие используются в гирляндах и для украшения домов во время свадеб и различных праздников. Платили Сите мало, но на самое необходимое им хватало. Она всегда была искусной рукодельницей, и работа пришлась ей по душе. Вдобавок она могла подрабатывать, плетя корзины для торговца фруктами и время от времени помогая ему в лавке.

Как только они вселились в свою комнатку, Сита вырыла ямку в земляном полу и спрятала туда деньги, полученные от Хилари, а потом старательно притоптала землю и тщательно разровняла коровий навоз по всему полу, чтобы никто не заметил ничего подозрительного. На руках у нее оставалась лишь завернутая в промасленный шелк тонкая пачка писем и документов, которую она предпочла бы сжечь. Хотя Сита не могла прочитать бумаги, она понимала, что в них наверняка содержатся свидетельства происхождения Аша. Страх и ревность побуждали ее уничтожить документы. Попадись они кому-нибудь в руки, Аша, скорее всего, убьют, как убивали детей сахиб-логов в Дели, Джханси, Канпуре и десятках других городов, да и сама она может поплатиться жизнью за попытку спасти мальчика. И даже если он избежит столь страшной участи, бумаги все равно докажут, что он ей не родной сын, а к настоящему времени эта мысль казалась Сите невыносимой. Однако она не смогла заставить себя уничтожить письменные свидетельства, ибо они тоже были неприкосновенной доверительной собственностью: бара-сахиб передал бумаги ей в руки, и, сожги она их, его призрак или его Бог разгневаются на нее и отмстят за такой поступок. Лучше было сохранить их, но так, чтобы они никогда никому не попались на глаза. А коли их сожрут термиты, в том не будет ее вины.

Сита выскребла небольшое углубление внизу стены в самом темном углу комнатки, засунула туда пакет и замаскировала тайник так же, как недавно замаскировала тайник с деньгами: замазала отверстие глиной и коровьим навозом. И, только покончив с этим делом, она почувствовала, что невероятная тяжесть свалилась у нее с плеч и что Аш теперь поистине принадлежит ей.

Серые глаза и румяные щеки мальчика не привлекли ничьего внимания в Гулкоте: многие подданные раджи были родом из Кашмира, Кулу и Гиндукуша, да и сама Сита была горянкой. Аш подружился с сыновьями и внуками местных жителей и скоро уже ничем не отличался

(для любого постороннего взгляда, но не для любящих глаз) от сотен непослушных базарных мальчишек, которые кричали, шалили и дрались на улицах Гулкота. И Сита успокоилась. Она по-прежнему верила тому, что сказали сипаи, встреченные по дороге: все англичане погибли и власть Компании навсегда свергнута. Дели находился далеко, а Гулкот граничил с Пенджабом, где сохранялось относительное спокойствие, и хотя время от времени по базарам проходили слухи о беспорядках и волнениях, они всегда были смутными, искаженными, сильно устаревшими и касались главным образом бедствий, постигших британцев...

Никто не говорил об армии, поспешно собранной в Амбале. Или о длинном переходе разведчиков (пятьсот восемьдесят миль от Мардана до Дели, покрытых за двадцать два дня в самый разгар лета), предпринятом для участия в осаде Дели; о гибели Николсона, о капитуляции последнего Могола и о смерти его сыновей, казненных Уильямом Ходсоном, командиром Ходсоновского кавалерийского полка. Никто не говорил о том, что осада Лакхнау продолжается до сих пор и что великое восстание, начавшееся с мятежа 3-го кавалерийского полка в Мируте, никоим образом не закончилось...

Шайтан-ке-Хава – Ветер дьявола – по-прежнему дул над Индией с ураганной силой, погибли многие тысячи людей, но здесь, в надежно укрытом Гулкоте, жизнь текла размеренно и мирно.

В том октябре Ашу было пять лет, и только осенью следующего, 1858 года Сита узнала от странствующего садху кое-какие сведения о событиях, происходящих во внешнем мире. Дели и Лакхнау снова захвачены британцами, Нана Сахиб бежал, а отважная рани из Джханси убита в бою, где сражалась до последнего, переодетая мужчиной. Компания низложена, но фаранги, по словам садху, снова пришли к власти, умножив свою силу против прежнего, и чинят жестокую расправу над всеми, кто сражался с ними в ходе великого восстания. И хотя Компания прекратила свое существование, вместо нее теперь правит белая рани Виктория. Вся Индия отныне стала собственностью британской короны, и ею управляет британский вице-король и британские войска.

Сита попыталась убедить себя, что садху ошибается или лжет. Ведь если он говорит правду, значит ей придется отвести Аша к англичанам, а подобная перспектива казалась неприемлемой. Это неправда, наверняка неправда. Она подождет, не станет ничего предпринимать, пока не узнает все точно. А до тех пор нет никакой нужды делать что-либо...

Она прождала всю зиму, а весной пришли новости, подтвердившие все, что поведал ей садху. Но Сита по-прежнему бездействовала. Ашок принадлежал ей, она не могла отказаться от него и не собиралась отказываться. Было время, когда она могла сделать это, но тогда она еще не считала мальчика своим сыном. Кроме того, она ни у кого не отбирает этого ребенка: Ашок потерял обоих родителей, и если кто-нибудь на свете и имеет право на него, то лишь она одна. Разве не она любила и опекала малыша с самого его рождения? Разве не она извлекла его из материнской утробы и вскормила собственной грудью? Он не знает никакой другой матери и верит, что он ее сын, так что она никого не обкрадывает. Теперь он не Аш-баба, а ее сын Ашок, и она сожжет бумаги, спрятанные в тайнике, и ничего никому не скажет, и никто никогда не узнает правды.

В общем, они остались в Гулкоте и жили счастливо. Но Сита не сожгла бумаги Хилари. В последний момент страх перед возможной мстью призрака бара-сахиба возобладал над страхом перед разоблачительными свидетельствами, содержащимися в документах.

В городе снова пировали и пускали фейерверки – на сей раз по случаю рождения мальчика у Джану-Баи, в прошлом танцовщицы, а ныне фактической правительницы Гулкота, ибо она подчинила себе раджу настолько, что малейшее ее желание беспрекословно выполнялось.

Подданные раджи получили приказ праздновать рождение младенца – и праздновали, хотя и без особого воодушевления. Нотч не пользовалась популярностью у народа, и мысль о возможном принце, произведенном ею на свет, никого не радовала. Нет, ребенок не был

наследником престола, ведь первая жена раджи, впоследствии умершая в родах, подарила своему супругу сына по имени Лалджи, то есть «возлюбленный», – ныне восьмилетнего ювраджа, в котором отец души не чаял и которым гордились все жители Гулкота. Но в Индии жизнь – штука ненадежная, и кто знает, доживет ли мальчик до взрослого возраста? Его мать за пятнадцать лет супружества родила девять детей, и все они, за исключением Лалджи (и последней мертворожденной девочки), умерли в младенчестве. Сама она скончалась при родах, и ее муж вскоре снова женился – на дочери чужеземца, прелестной юной девушке, получившей в Гулкоте прозвище фаранги-рани.

Отец фаранги-рани был русским наемником, поочередно служившим в войсках разных воюющих индийских князей. На службе у последнего из них, Ранджита Сингха, прозванного Львом Пенджаба, он значительно возвысился, а после смерти Ранджита благоразумно ушел в отставку, чтобы закончить свои дни в удаленном независимом княжестве Гулкот. Ходили слухи, будто в прошлом он был офицером казачьих войск, приговоренным к пожизненному заключению, но сбежал из тюрьмы и добрался до Индии через северные перевалы. Оставив службу в Пенджабе, он не выказывал ни малейшего желания вернуться на родину и жил в свое удовольствие на богатства, накопленные за десять лет пребывания на высоких должностях, вместе с компанией наложниц и своей индийской женой Кумаридеви, дочерью раджпутского князя, над которым одержал победу в бою и у которого потребовал дочь в качестве трофея, – они случайно встретились во время разграбления города и полюбили друг друга с первого взгляда.

Фаранги-рани была последним и единственным выжившим ребенком Кумаридеви, чье появление на свет стоило матери жизни. К тому времени некогда прекрасная принцесса превратилась в зрелую женщину, изнуренную выкидышами и рождением мертвых детей, что по большей части объяснялось бесчисленными тяготами походной жизни, поскольку Кумаридеви сопровождала мужа во всех военных походах. Ее дочь воспитывалась вместе с целым выводком незаконнорожденных единокровных братьев и сестер, и все они возликовали, когда слухи о ее красоте дошли до раджи Гулкота и он сделал предложение о браке, понимая, что ни о каком другом союзе не может быть и речи, так как со стороны матери она принадлежала к более царственному роду, чем его собственный.

Какое-то время фаранги-рани была счастлива. Никто из сводных братьев и сестер или их матерей не питал к ней особой приязни, и она с радостью покинула родной дом ради показного великолепия Дворца ветров. Враждебность женщин в Хава-Махале не слишком ее беспокоила: она привыкла к женским интригам, а раджа, влюбленный в нее до безумия, ни в чем ей не отказывал. И она не особо горевала, когда через год после свадьбы умер ее отец, никогда не уделявший большого внимания своему многочисленному потомству. Если фаранги-рани о чем-то и сожалела, то единственно о своей бездетности, хотя в отличие от чисто восточных женщин она не была одержима страстным желанием рожать детей и в любом случае не сомневалась, что это всего лишь дело времени. Но жадный интерес, зависть и торжество других женщин в связи с этим большим вопросом (а также злорадные намеки, что она, полукровка, бесплодна) уязвляли ее, и она уже начала беспокоиться и нервничать ко времени, когда наконец зачала ребенка – сына. Конечно сына, иначе и быть не могло.

До сих пор из всех женщин раджи только первая жена рожала сыновей, и из них выжил лишь один. Но одного сына для мужчины мало: у него должно быть много сыновей, дабы его род продлился, что бы ни случилось. Как женщина, занимающая главное положение во дворце и в сердце раджи, фаранги-рани почитала своим долгом родить мужу сыновей и очень обрадовалась, когда понесла. Но по какой-то причине – возможно, в силу своего чужеземного происхождения – фаранги-рани переносила беременность хуже, чем остальные женщины, и вместо того, чтобы расцвести и похорошеть, как они, с первых дней стала мучиться сильной тошнотой

и приступами рвоты, быстро приобрела изможденный вид и землистый цвет лица и в считанные недели утратила свою красоту и жизнерадостность.

Раджа искренне любил фаранги-рани, но, как большинство мужчин, не находил удовольствия в обществе больных и увечных, а потому предпочел держаться от нее подальше в надежде, что она скоро оправится. К несчастью для нее, как раз в то время один из придворных министров устроил в честь раджи пир, где гостей развлекала труппа танцовщиц. Среди них была кашмирская девушка Джану, обольстительная чаровница с золотистой кожей и темными глазами, прекрасная и хищная, как черная пантера.

Джану была малого роста – по грудь радже – и имела легкую склонность к полноте. Но сейчас она была молода, и мужчинам, перед которыми она извивалась и раскачивалась под рокот барабанов и пение ситаров, танцовщица казалась живой копией тех сладострастных богинь, что улыбаются с фресок Аджанты или изваяны в камне на Черной пагоде в Конараке. Она в избытке обладала тем не поддающимся определению качеством, которое будущие поколения назовут словом «сексапильность», и была не только красива, но и умна; эти три своих бесценных достоинства она использовала с таким успехом, что уже через сутки прочно обосновалась во дворце, а через неделю всем стало ясно, что звезда фаранги-рани закатывается и появилась новая фаворитка, коей следует льстить и угождать, если желаешь снискать милость раджи.

Но даже тогда никому не пришло в голову, что это нечто большее, чем мимолетное увлечение, которое скоро пройдет, как проходили все остальные. И никто не принял никаких мер против нотч. Джану была честолюбива и с детства обучена искусству ублажать и развлекать мужчин. Она больше не довольствовалась подарками в виде пригоршни монет или какой-нибудь безделушки; она увидела свой шанс взойти на престол, разыграла свои карты – и выиграла. Раджа женился на ней.

Двумя неделями позже фаранги-рани разрешилась от бремени, но вместо сына, который смог бы отчасти восстановить ее утраченный престиж, она родила маленькую, невзрачную, бледную девочку.

– На большее она не способна, – презрительно сказала Джану-Баи. – Стоит только один раз посмотреть на нее, и сразу становится понятно, что такая бледная немочь никогда не станет матерью сыновей. Вот когда родится *мой* сын...

Джану ни минуты не сомневалась, что ее первым ребенком будет сын. И это действительно оказался сын, здоровый крепыш, каким гордился бы любой отец. В ночное небо взмывали фейерверки, осыпавшиеся над городом звездным дождем. В храмах ревели раковины и гудели гонги, и бедный люд пировал по случаю рождения нового принца, а среди прочих и маленький Ашок со своей матерью Ситой, чьи проворные пальцы сплели многие из блестящих разноцветных гирлянд, в тот день украшавших улицы.

Шестилетний сын Хилари и Изабеллы объедался халвой и джелаби, кричал и запускал патаркары с друзьями и жалел, что сын у раджи рождается не каждый день. Он не жаловался на жизнь, хотя Сита кормила его самой простой пищей и отнюдь не до отвала, а сласти, изредка ему перепадавшие, она чаще всего не покупала, а незаметно утягивала с какого-нибудь прилавка на базаре, рискуя быть пойманной и избитой разъяренным торговцем. Аш был сильным и рослым мальчиком, высоким для своего возраста и проворным, как мартышка. Спартанская диета бедняков не позволяла ему набрать ни унции лишнего жира, а каждодневные игры с друзьями в пятнашки на городских улицах и крышах – не говоря уже о налетах на базарные прилавки со сладостями и фруктами и стремительных бегствах от погони – укрепили его мускулы и развили природную резвость ног.

На другом конце мира, в уютных детских комнатах высшего и среднего класса Викторианской Англии, пяти-шестилетние дети считались еще слишком маленькими для занятий более сложных, чем учить алфавит с помощью разноцветных кубиков да катать обручи под

заботливым присмотром нянек. Но дети бедняков в таком возрасте уже трудились бок о бок с родителями на рудниках, фабриках и фермах – и в далеком Гулкоте Аш тоже стал зарабатывать на хлеб.

Ему едва исполнилось шесть с половиной, когда он начал работать подручным конюха в конюшнях Дуни Чанда, богатого землевладельца, имевшего в своей собственности дом рядом с храмом Вишну и несколько ферм в сельской местности за городской чертой.

Дуни Чанд держал лошадей, на которых навевывался на свои поля и ездил на соколиную охоту в бесплодную овражистую местность у реки, и в обязанности Аша входило носить зерно и воду, заботиться о сбруях и помогать во всех делах, начиная от косьбы травы и кончая чистой животных скребницей. Работа была трудной, а жалованье скудным, но благодаря тому, что первые годы жизни мальчик провел среди лошадей, познакомившись с ними в самом раннем возрасте стараниями своего мнимого отца Даярама, он никогда не испытывал ни малейшего страха перед ними. Ухаживать за лошадьми Ашу нравилось, а несколько ан, заработанных своим трудом, придавали ему чувство собственной значимости. Теперь он мужчина и добытчик и может, коли пожелает, купить халвы у торговца сладостями, а не красть лакомство. Это был первый шаг вверх по общественной лестнице, и Аш сообщил Сите, что решил стать саисом и накопить достаточно денег ко дню, когда они наконец отправятся на поиски своей долины. По слухам, Мохаммед Шариф, старший саис, зарабатывал двенадцать рупий в месяц – огромная сумма, в которую не входил дастори (взимаемый саисом сбор в виде одной аны с каждой рупии, потраченной на покупку продуктов, инструментов и снаряжения в конюшню), в два с лишним раза превосходивший собственно жалованье.

– Когда я стану старшим саисом, – важно заявил Аш, – мы переедем в большой дом и найдем слугу, чтобы он готовил пищу, и тебе никогда больше не придется работать, мата-джи.

Вполне вероятно, что Аш выполнил бы свой план и прослужил бы всю жизнь на конюшне у какого-нибудь мелкого вельможи, ибо, как только стало ясно, что он может ездить верхом на любом четвероногом, Мохаммед Шариф признал в нем прирожденного наездника, разрешил мальчику выезжать своих подопечных и научил его множеству ценных секретов, касающихся искусства верховой езды, так что год, проведенный на конюшнях Дуни Чанда, оказался для него очень удачным. Однако судьба, не без человеческого участия, распорядилась иначе, и падение старой выветренной плиты песчаника изменило весь ход жизни Аша.

Это случилось апрельским утром, ровно через три года после того далекого утра, когда Сита вывела Аша из ужасного, заповоленного стервятниками лагеря в Тераи и пустилась с ним в долгий путь к Дели. Юный наследный принц Лалджи, юврадж Гулкота, ехал по городу к храму Вишну, чтобы совершить там жертвоприношение. И когда он проезжал под аркой древних Чарбагских ворот, стоявших на перекрестке улицы Медников и базара Чандни, один из карнизных камней сорвался со своего места и упал на дорогу.

Аш стоял в первых рядах толпы, куда пробрался ползком, протискиваясь между ног взрослых, и краем глаза заметил движение наверху. Он увидел, как плита дрогнула и заскользила вниз, едва голова лошади ювраджа показалась из тени под аркой, и, почти не раздумывая (времени на размышление не было), прыгнул вперед, ухватился за уздечку и остановил испуганное животное за долю секунды до того, как тяжелый камень с грохотом рухнул на мостовую и распался на сотню острых осколков прямо под бьющими по воздуху копытами. Разлетевшиеся во все стороны осколки сильно поранили Аша, лошадь и нескольких зрителей, и кровь была повсюду: на горячей белой пыли, на праздничных нарядах толпы и на парадной попоне.

Зрители завопили и подались назад, а лошадь, обезумевшая от боли и шума, непременно понесла бы, если бы не Аш, который гладил ее по морде и ласковым голосом успокаивал испуганное животное, покуда ошеломленные солдаты из эскорта не бросились вперед и не окружили принца, выхватив у Аша поводья и оттерев его в сторону. Затем последовали несколько минут невероятной сумятицы, истерических криков, вопросов, ответов, пока солдаты оттес-

няли толпу назад и в ужасе таращились на обвалившийся карниз, а один седобородый всадник бросил Ашу монету – аж целый золотой мухур! – и сказал: «Браво, малыш! Отличная работа».

Убедившись, что никто серьезно не пострадал, толпа одобрительно заревела, и процессия двинулась дальше под иступленные приветственные крики. Юврадж прямо сидел в седле, сжимая поводья заметно дрожащими руками. Он с похвальной ловкостью удержался на взвившейся на дыбы лошади, но его маленькое лицо под украшенным драгоценными камнями тюрбаном было напряженным и бледным, когда он оглянулся через плечо, ища взглядом мальчика, по воле небес столь своевременно прыгнувшего к его лошади.

Какой-то незнакомый мужчина в толпе посадил Аша к себе на плечо, чтобы он видел удаляющуюся процессию, и несколько мгновений мальчишки пристально смотрели друг на друга: испуганные черные глаза юного принца встретились с любопытными серыми глазами малолетнего конюшонка. Потом между ними нахлынула толпа, и через полминуты процессия достигла конца улицы Медников и скрылась за поворотом.

Сита была приятно поражена видом золотой монеты, а рассказ об утреннем происшествии произвел на нее даже еще более сильное впечатление. После долгого обсуждения они решили отнести монету Бхагвану Лалу, ювелиру, имевшему репутацию честного человека, и выменять на нее соответствующее количество серебряных украшений, которые Сита сможет носить до той поры, покуда им не понадобятся наличные деньги. Ни один из них не ожидал продолжения этой истории – если не считать неизбежных расспросов, похвал и поздравлений со стороны заинтересованных соседей, – но на следующее утро в дверь дома Дуни Чанда постучал тучный и надменный дворцовый чиновник, сопровождаемый двумя пожилыми слугами. Наследный принц, высокомерно объяснил чиновник, желает немедленно видеть этого жалкого щенка во дворце, где он получит жилье и какую-нибудь незначительную должность при его дворе.

– Но я не могу, – запротестовал Аш, охваченный смятением. – Мама не захочет жить одна, а я не могу ее бросить. Она не захочет...

– Желания твоей матери не имеют никакого значения, – грубо перебил его чиновник. – Принц требует, чтобы ты служил у него, и тебе лучше поторопиться и привести себя в надлежащий вид. Нельзя являться во дворец в таких лохмотьях.

Ашу пришлось подчиниться. Его отвели в лавку торговца фруктами, где он торопливо переоделся в единственный свой сменный костюм и успокоил обезумевшую от горя Ситу, велел ей не волноваться, поскольку он скоро вернется. Очень скоро...

– Не плачь, мама. Для слез нет причин. Я скажу ювраджу, что хочу остаться с тобой, а раз я спас его от увечья, он позволит мне вернуться. Вот увидишь. К тому же они не смогут удержать меня там против моей воли.

Уверенный в этом, он обнял Ситу на прощание и двинулся следом за слугами ювраджа – через городские ворота, а потом вверх к Хава-Махалу, дворцу-крепости раджи Гулкота.

4

К Дворцу ветров вела крутая дорога, вымощенная гранитными плитами, на которых многие поколения проходивших здесь людей, слонов и лошадей оставили свои следы. Камень холодил босые ноги Аша, бредущего за слугами ювраджа, и, взглянув на вздымающиеся над ним крепостные стены, мальчик вдруг почувствовал страх.

Он не желал жить и работать в крепости. Он хотел остаться в городе, где жили его друзья, хотел ухаживать за лошадьми Дуни Чанда и учиться уму-разуму у Мохаммеда Шарифа, старшего конюха. Хава-Махал казался местом мрачным и враждебным, а Бадшахи-Дарваза, Ворота падишаха, через которые он вошел, лишь усилили такое впечатление. Окованные железом огромные створы открылись в темноту. За ними, в тени каменной перемычки, праздно сидели часовые, вооруженные кривыми саблями и джезайлами. Мошеная дорога проходила под обшарпанным балконом, откуда на них смотрели черные пушечные жерла, а потом солнечный свет словно отсекло мечом, когда они вошли в длинный тоннель, по обеим сторонам которого теснились ниши, караульные помещения и коридоры, тянувшиеся вверх сквозь недра скалы.

Переход с теплого солнечного света в холодную тень и жутковатое эхо шагов под черными сводами усилили тревогу Аша. Оглянувшись через плечо на огромные ворота, в проеме которых виднелся город, нежащийся в знойном мареве, мальчик почувствовал искушение пуститься наутек. Внезапно у него возникло ощущение, будто он входит в тюрьму, откуда нет пути назад, и если он не убежит сейчас, сию же минуту, то навсегда потеряет свободу, друзей, счастье и всю свою жизнь проведет за решеткой, как говорящий скворец в клетке над дверью гончарной мастерской. Это была новая и пугающая мысль, и Аш задрожал словно от холода. Но проскочить мимо стольких часовых представлялось делом нелегким, и будет унижительно, если его поймают и приволокут во дворец силой. Кроме того, мальчику хотелось увидеть все, что находится внутри Хава-Махала: никто из его знакомых никогда не бывал во дворце, и ему будет чем похвастаться перед друзьями. Но о том, чтобы остаться здесь и работать на ювраджа, он даже думать не желает, и они сильно ошибаются, если полагают, что сумеют его заставить. Он перелезет через стену и вернется обратно в город, а если за ним опять придут, тогда они с мамой убегут подальше отсюда. Мир велик, и где-то далеко в горах укрыта их долина – безопасное место, где они заживут в свое удовольствие.

Тоннель круто повернул направо и вышел в открытый внутренний дворик, где находились еще несколько часовых и еще несколько старинных бронзовых пушек. Ворота на противоположной стороне вели в широкий четырехугольный двор, где в тени чинара стояли на привязи два слона раджи, а десяток болтающих женщин стирали белье в зеленой воде каменного водоема. За двором возвышалась громада дворца – фантастическая мешанина стен, парапетов с бойницами, деревянных балконов, украшенных резьбой окон, стройных башенок и резных галерей, которую от наблюдателей в городе почти полностью заслонял наружный бастион.

Никто не знал, когда была основана эта крепость, но, если верить легенде, она противостояла войскам Сикандара Дулхана (Александра Македонского), когда молодой завоеватель вторгся в Индию через северные перевалы. Однако главная часть современной цитадели была возведена в начале XV века неким атаманом разбойников, которому требовалась неприступная твердыня, чтобы совершать из нее налеты на плодородные земли за рекой и возвращаться обратно в случае опасности. В нынешние дни она носила название Кала-Кила – Черная крепость, но не из-за цвета, ибо была построена из твердого серого камня, составлявшего пласт обнаженной скальной породы, на котором она стояла, а из-за своей репутации, в высшей степени темной. Вождь раджпутского племени, впоследствии захвативший данную территорию, значительно расширил крепость, а его сын, построивший обнесенный стеной город на равнине

внизу и ставший первым раджой Гулкота, превратил Кала-Килу в огромную, пышно украшенную резиденцию, благодаря своему расположению на значительной высоте получившую название Хава-Махал – Дворец ветров.

Нынешний раджа жил именно здесь, среди обветшалого великолепия затейливого лабиринта залов с персидских коврами, пыльными портьерами с золотым шитьем, настенными орнаментами из нефрита или чеканного серебра со вставками из рубинов и необработанной бирюзы. Здесь же, в роскошных покоях зенаны, за сквозными деревянными ширмами, отделавшими приемный зал от сада с розами и фруктовыми деревьями, обитала рани Джану-Баи – ее соперница, фаранги-рани, умерла от лихорадки, хотя иные считали, что от яда, прошлым летом. А в беспорядочном лабиринте комнат, занимавших целое крыло дворца, проводил свои дни маленький юврадж, более известный под своим «молочным» именем Лалджи, в окружении толпы слуг, мелких чиновников и прихлебателей, приставленных к нему отцом.

Когда Аша провели к Лалджи через многочисленные коридоры и прихожие, наследный принц Гулкота сидел с поджатыми ногами на бархатной подушке и дразнил взъерошенного какаду, который имел такой же мрачный и сердитый вид, как и его мучитель. Вчерашний великолепный парадный костюм уступил место узким муслиновым шароварам и простому полотняному ачкану, и в таком наряде мальчик выглядел гораздо моложе, чем вчера, когда восседал на белом жеребце в середине процессии. Накануне он выглядел истинным принцем с ног до головы, увенчанной лазурным тюрбаном с высоким плюмажем и сверкающей алмазной застежкой. А теперь это был просто маленький мальчик. Пухлый бледный ребенок, который казался не старше, а младше Аша на два года и был не столько сердит, сколько испуган.

Именно последнее обстоятельство успокоило и ободрило Аша, еще минуту назад обьятого благоговейным трепетом. Он тоже порой искал спасения от страха за показным раздражением и потому сразу узнал чувство, явно скрываемое ювраджем от скучных взрослых, находившихся в комнате. Внезапно Аш проникся симпатией к будущему радже Гулкота. И почувствовал острое желание принять его сторону против толстокожих взрослых, которые кланяются столь почтительно и говорят такими фальшивыми льстивыми голосами, но сохраняют при этом холодное и хитрое выражение лица.

Вид у них не особо дружелюбный, подумал Аш, украдкой рассматривая присутствующих. Все они были слишком толстыми, холеными и самодовольными, а один из них – богато одетый щеголь с красивым порочным лицом, носящий бриллиантовую серьгу в одном ухе, – демонстративно приложил к носу надушенный платок, словно испугавшись, что этот городской щенок принес с собой запах нищеты и конюшен. Аш отвел от него глаза и низко поклонился принцу, поднеся сложенные ладони ко лбу, как требовал обычай, но при этом взгляд у него был дружелюбным и заинтересованным, и юврадж несколько просветлел лицом.

– Оставьте меня! – приказал юврадж своим придворным, отсылая их прочь повелительным взмахом царственной длани. – Я хочу поговорить с этим мальчиком наедине.

Щеголь с бриллиантовой серьгой низко наклонился к нему, схватил за руку и принялся горячо шептать что-то на ухо, но юврадж вырвал руку и громко и сердито сказал:

– Ты болтаешь вздор, Биджурам! Зачем ему нападать на меня, если вчера он спас мне жизнь? Вдобавок он не вооружен. Ступай прочь!

Молодой человек отступил назад и поклонился с покорной почтительностью, которая никак не вязалась с мерзким выражением, внезапно появившимся у него на лице. Аш был немало изумлен, поймав на себе взгляд, исполненный лютой злобы, совершенно несообразной с пустячностью повода. Очевидно, Биджурам не обрадовался полученному выговору и счел Аша повинным в пережитом унижении. Это было явно несправедливо, если учесть, что Аш не произнес ни слова, да и вообще не хотел являться во дворец, коли на то пошло.

Юврадж нетерпеливо махнул рукой, и мужчины удалились. Два мальчика смерили друг друга оценивающими взглядами. Но Аш продолжал молчать, и именно юврадж нарушил минутное молчание, наступившее после ухода придворных:

– Я рассказал отцу, как ты спас мне жизнь, и он позволил мне взять тебя в слуги. Ты будешь получать хорошее жалованье, и я... Мне здесь не с кем играть. Во дворце живут одни только женщины и взрослые. Ты останешься?

До сих пор Аш твердо намеревался отказаться, но сейчас он заколебался и неуверенно проговорил:

– Моя мать... Я не могу бросить ее, и вряд ли она...

– Это легко устроить. Она может тоже жить здесь и ухаживать за моей маленькой сестренкой, принцессой. Так, значит, ты ее любишь?

– Конечно, – удивленно ответил Аш. – Она же моя мать.

– Понятно. Везет тебе. А вот у меня нет матери. Она была рани, ты знаешь. Но она умерла, когда я родился, и я совсем ее не помню. Может, если бы она не умерла... Мать моей сестры Анджали тоже умерла – говорят, от порчи или от яда. Но, вообще-то, она была фаранги и постоянно хворала, так что, возможно, *этой* не пришлось прибегать к колдовству, или к яду, или к помощи... – Он осекся, быстро оглянулся через плечо, а потом проворно встал и сказал: – Пойдем отсюда. Давай выйдем в сад. Здесь слишком много посторонних ушей.

Посадив какаду обратно на жердочку, юврадж вышел через занавешенный портьерами дверной проем и прошел мимо кланяющихся слуг в сад с ореховыми деревьями, фонтанами и маленькой беседкой, отражающейся в пруду, полном водяных лилий и золотых карпов. Аш последовал за ювраджем. В дальнем конце сада, по краю отвесного обрыва высотой двести футов, спускавшегося к плато, тянулся низкий каменный парапет, а с трех других сторон возвышались стены дворца: ярус за ярусом резного дерева и камня, с сотнями окон, из которых открывался вид на город и далекий горизонт.

Лалджи сел на берегу пруда и принялся бросать камешки в карпов.

– Ты видел, кто толкнул камень?

– Какой камень? – недоуменно спросил Аш.

– Тот самый, что упал бы на меня, если бы ты не остановил моего коня.

– Ах, этот. Его никто не сталкивал. Он сам упал.

– Нет, его именно толкнули, – убежденно прошептал Лалджи. – Данмайя, моя няня... бывшая... всегда говорила, что если *эта* родит сына, она найдет способ сделать его наследником престола. А я... я...

Мальчик прикусил язык, не желая признаться, пусть даже другому ребенку, что он боится. Но произнесенное слово легко угадывалось по дрожи в голосе и неловкости рук, швыряющих камешки в спокойную воду. Аш нахмурился, вспоминая движение, привлекшее его внимание за секунду до того, как упал карнизный камень, и впервые задаваясь вопросом, почему он упал именно в тот момент и не человеческая ли рука толкнула его.

– Биджурам говорит, что я все выдумываю, – продолжил юврадж тихим голосом. – Он говорит, что никто не посмел бы. Даже *эта* не посмела бы. Но когда камень упал, я вспомнил слова своей няни, и тогда я подумал... Данмайя говорит, что я не должен никому доверять, но ты спас мне жизнь, и если ты останешься здесь, возможно, со мной ничего не случится.

– Я не понимаю, – произнес озадаченный Аш. – Чего тебе опасаться? Ты же юврадж, у тебя есть слуги и стражники, а однажды ты станешь раджей.

Лалджи невесело усмехнулся:

– Еще недавно так оно и было. Но теперь у моего отца есть другой сын. Ребенок *этой*... ребенок нотч. Данмайя говорит, она не успокоится, пока не добьется, чтобы он занял мое место: она хочет, чтобы трон достался ее сыну, и она крепко держит моего отца в руках... вот так. – Он сжал кулак с такой силой, что костяшки побелели, а потом разжал пальцы и уставился

на камешек, лежащий на ладони. На его маленьком лице пролегли недетские резкие складки. – Я его сын. Старший сын. Но он сделает все, лишь бы угодить ей, и...

Его голос пресекался, и тихий плеск фонтана заглушил последние слова. Внезапно Аш вспомнил другой голос, принадлежавший почти забытому человеку, который давным-давно, в другой жизни и на другом языке, говорил ему: «В мире нет ничего хуже несправедливости. Быть несправедливым – значит поступать бесчестно». С ювраджем хотят поступить бесчестно, а следовательно, этого нельзя допустить. Необходимо что-то предпринять.

– Хорошо. Я останусь, – сказал Аш, героически отказываясь от беспечной жизни в городе и приятной перспективы дослужиться до старшего конюха у Дуни Чанда.

Беззаботные годы остались позади.

Тем же вечером он передал весточку Сите, и она тотчас извлекла из тайников деньги и маленький пакет с бумагами, увязала в узел скудные пожитки и отправилась в Хава-Махал. На следующее утро Ашу сообщили, что отныне он придворный ювраджа с ежемесячным жалованьем в целых пять серебряных рупий, а Сита получила должность служанки при маленькой дочери покойной фаранги-рани, принцессе Анджали.

По дворцовым меркам предоставленное им жилье было весьма скромным: три комнаты без окон, одна из которых служила кухней. Но по сравнению с единственной комнатой в городе оно казалось верхом роскоши, а отсутствие окон возмещалось тем фактом, что все три двери выходили в маленький отдельный дворик, обнесенный восьмифутовой стеной и затененный ветвями сосны. Сита пришла в восторг от нового жилья и скоро стала относиться к нему как к настоящему дому, хотя ее печалило, что Ашок не может ночевать там. По роду своих обязанностей, состоявших главным образом в прислуживании ювраджу, Аш должен был спать в передней комнате, смежной с опочивальней принца.

Никто не назвал бы такую работу трудной, однако вскоре Аш начал находить ее довольно утомительной. Отчасти это объяснялось вспыльчивым характером и причудами юного хозяина, но в основном – происками молодого щеголя Биджурама, который почему-то страшно невзлюбил Аша. Лалджи называл Биджурама Биччху – Скорпион – или Биччху-джи, но больше никто не осмеливался обращаться к нему так, ибо он вполне оправдывал свое прозвище, будучи существом злобным и ядовитым, способным разъяриться и ужалить по малейшему поводу.

В случае с Ашем никакого повода и не требовалось. Биджурам явно получал удовольствие, всячески отравляя Ашу жизнь. Он никогда не упускал возможности посмеяться над мальчиком и сделал его мишенью бесчисленных злых шуток, призванных единственно причинить боль и унижить, а поскольку шутки обычно были не только жестокими, но и непристойными, Лалджи хихикал над ними, а придворные неизменно раздражались подобострастным хохотом.

Лалджи часто находился в дурном расположении духа и всегда вел себя непредсказуемо, чему не приходилось удивляться, ведь до появления нотч он был избалованным любимцем всего дворца, все его прихоти и капризы беспрекословно исполнялись любящим отцом, обожающими обитательницами зенаны и льстивыми придворными и слугами. Его первая мачеха, очаровательная и добрая фаранги-рани, жалела маленького сироту и любила всем сердцем, как своего родного сына. Но ни сама она и никто другой никогда не пытались воспитывать его, и не приходилось удивляться, что прелестный пухлый младенец превратился в испорченного властного мальчика, абсолютно неспособного примениться к переменам обстановки во дворце, произошедшим, когда новая фаворитка родила сына, а фаранги-рани умерла. Внезапно юный юврадж утратил прежнюю значительность, и даже его слуги стали заметно менее угодливыми, а придворные, еще недавно лебезившие и раболепствовавшие перед ним, поспешили снискать милость новой притязательницы на власть.

Комнаты и слуги ювраджа приобрели неряшливый и запущенный вид. Теперь не все его приказы выполнялись, а постоянные предостережения преданной няни – старой Данмайи,

которая нянчила еще его мать и последовала за ней в Гулкот, когда та отправилась туда в качестве невесты, – нисколько не облегчали переживаний юного принца и не улучшали положения дел. Данмайя с готовностью отдала бы жизнь за Лалджи, и вполне вероятно, она имела основания бояться за своего любимца. Но беспрестанные разговоры о возможных опасностях и неодобрительные высказывания о том, как невнимательно относится к нему отец, лишь усугубляли подавленное состояние мальчика и зачастую доводили его чуть ли не до истерики. Он не понимал, что происходит, и от этого испытывал скорее страх, нежели раздражение. Но гордость не позволяла ювradжу выказывать страх, и он нашел спасение во вспышках гнева, от которых страдали люди, прислуживавшие ему.

Несмотря на свой малый возраст, Аш многое понимал в сложившейся ситуации. И хотя понимание позволяло ему извинять многие выходки Лалджи, легче от этого не становилось. К тому же Аш был чужд всякого подострастия, которого ювradж, за свою короткую жизнь привыкший к нему, ожидал от всех своих слуг, даже от пожилых мужчин и почтенных старцев. Поначалу Аш был сильно впечатлен значительностью наследника престола и важностью своих обязанностей, к которым он, как свойственно ребенку, относился отчасти серьезно, отчасти как к игре. К сожалению, близко узнав ювradжа, он вскоре почувствовал презрение к своему повелителю, а затем и скуку. Временами он ненавидел Лалджи так сильно, что убежал бы, если бы не Сита. Но он знал, что Сита здесь счастлива, а если он убежит, ей тоже придется покинуть дворец – не только потому, что он не может бросить ее здесь, но и потому, что Лалджи наверняка станет обращаться с ней дурно в отместку за его дезертирство. Однако, как ни странно, от побега Аша удерживала не только любовь к Сите, но и сочувствие к Лалджи.

У двух мальчиков было мало общего, и стать близкими друзьями им мешали самые разные причины: кастовая принадлежность, воспитание и окружение, наследственность и глубокая социальная пропасть, разделяющая наследника престола и сына простой служанки. Помимо всего прочего, играла роль разница характеров и темпераментов, а в какой-то мере и разница в возрасте. Впрочем, это как раз не имело особого значения: хотя Лалджи был старше на два года, рядом с ним Аш зачастую чувствовал себя взрослым, а следовательно, обязанным защищать слабого от злых сил, подспудное действие которых в громадном древнем дворце ощущали даже самые толстокожие.

Аш никогда не был толстокожим, и, хотя поначалу он счел предостережения Данмайи болтовней глупой старухи, ему не потребовалось много времени, чтобы изменить мнение. Пусть праздная, бессмысленная жизнь во дворце текла мирно и тихо, но за видимым покоем скрывались подводные течения интриг, заговоров и контрзаговоров, и в бесчисленных коридорах и укромных комнатах Хава-Махала шептал не один только ветер.

Продажность, злокозненность и алчность населяли пыльные дворцовые покои, таились за каждой дверью, и даже ребенок не мог не сознавать этого. Однако Аш не воспринимал все это достаточно серьезно до тех пор, пока не нашел случайно тарелку с любимыми пирожными Лалджи в маленькой беседке у пруда в личном саду ювradжа...

Лалджи гонялся по саду за ручной газелью, и именно Аш первым увидел пирожные и лениво покрошил одно из них в пруд, где жирные карпы жадно сожрали лакомый корм. Через несколько минут рыбы плавали вверх брюхом среди кувшинок, а Аш в ужасе таранился на них, не веря своим глазам: он понял, что они умерли, и понял отчего.

Обычно Лалджи не притрагивался к пище, пока блюдо не пробовал слуга, исполняющий обязанности дегустатора. Но найди он соблазнительные пирожные в беседке, то обязательно схватил бы и проглотил одно из них так же жадно, как карпы. Аш быстро отнес тарелку с отравленным лакомством к парапету в дальнем конце сада и швырнул вниз с обрыва. Пока пирожные падали, вращаясь в свете вечернего солнца, с высоты к ним устремилась ворона и подхватила на лету одно из них, а в следующий миг она тоже падала в пропасть безжизненным черным комком перьев.

Аш никому не рассказал об этом случае, хотя казалось естественным немедленно сообщить о происшедшем любому, кто станет слушать. Но слишком раннее знакомство со всевозможными опасностями научило его осторожности, и он посчитал, что об этом деле лучше помалкивать. Рассказав все Лалджи, он добьется лишь того, что страхи мальчика усугубятся, а старая Данмайя окончательно обезумеет от тревоги. И даже если будет проведено расследование, вне всяких сомнений, настоящего преступника не найдут и отвечать за все придется какому-нибудь ни в чем не повинному бедолаге. Благодаря своему опыту жизни во дворце Аш прекрасно понимал, что ни на какую справедливость рассчитывать не приходится, коли в деле замешана Джану-Бай, особенно с недавнего времени, когда она еще сильнее упрочила свое положение рождением второго сына.

Мальчику ни разу не пришло на ум, что упомянутым бедолагой может стать он сам или что пирожные в беседке могли предназначаться ему, а не ювраджу.

Поэтому Аш хранил спокойствие, ибо детям остается лишь принимать мир таким, какой он есть, и мириться с тем фактом, что взрослые всемогущи, если даже не многоумны. Он постарался выбросить из головы историю с пирожными и, приняв свое рабство в Хава-Махале как неизбежное зло, на данный момент неустрашимое, покорился необходимости терпеть до времени, когда юврадж станет взрослым и перестанет нуждаться в его услугах. По крайней мере, теперь он ел досыта и ходил в чистой одежде, хотя обещанного жалованья так и не получал из-за ненасытности ногч, истощившей казну раджи до угрожающего предела. Но такая жизнь казалась ужасно скучной, пока не появился Туку, маленький мангуст, который стал навещать в сад Ситы и которого Аш развлечения ради приручил и выдрессировал.

Туку был первым живым существом, всецело принадлежавшим ему. Хотя Аш знал, что безраздельно владеет сердцем Ситы, он не имел возможности общаться с ней, когда пожелает. У Ситы были свои служебные обязанности, и они могли видаться только в определенные часы дня. Но Туку постоянно следовал за ним по пятам или сидел у него на плече, ночью спал у него на груди, свернувшись клубочком, и мгновенно приходил на зов. Аш любил грациозного, бесстрашного зверька и чувствовал, что Туку понимает это и отвечает взаимной любовью. Эта дружба приносила Ашу глубокое удовлетворение и продолжалась более полутора лет – до того черного дня, когда Лалджи, утомленный скукой, изъявил желание поиграть с Туку, а затем принялся немилосердно дразнить зверька, за что и был укушен острыми зубами. Следующие две минуты были истинным кошмаром, воспоминание о котором неотступно преследовало Аша многие месяцы и так никогда и не стерлось из памяти.

Лалджи, укушенный до крови, завопил от страха и боли и приказал одному из слуг убить мангуста немедленно – немедленно! Слуга выполнил приказ прежде, чем Аш успел вмешаться. Единственный удар меча в ножнах перебил Туку позвоночник. Несколько мгновений зверек корчился в смертных муках и пронзительно визжал, а потом испустил дух – и в руках у Аша остался лишь безжизненный комочек меха.

У него в голове не укладывалось, что Туку умер. Всего минуту назад он распушал хвост и недовольно свиристел, рассерженный грубым обхождением Лалджи, а теперь...

– Не смотри на меня так! – в ярости воскликнул Лалджи. – Подумаешь, велика важность! Он просто животное, дикое, злобное животное. Видишь, как он укусил меня?

– Ты дразнил его, – прошептал Аш. – Это ты дикое, злобное животное!

Ему захотелось закричать, заорать, завопить во все горло. Ярость вскипела в нем, и, уронив тельце Туку на пол, он бросился на Лалджи. Это была не настоящая драка, а детская потасовка. Постыдная потасовка, в которой Лалджи плевался, пинался и визжал дурным голосом, пока дюжина слуг, вбежавших в комнату со всех сторон, не растащила мальчиков.

– Я ухожу, – задыхаясь проговорил Аш, пытаясь вырваться из крепкой хватки объятых ужасом слуг и испепеляя Лалджи ненавидящим взглядом. – Я не останусь с тобой ни минуты. Уйду сейчас же и никогда не вернусь.

– А я говорю, ты никуда не уйдешь! – провизжал Лалджи, вне себя от ярости. – Ты не уйдешь без моего позволения, а если попытаешься – убедишься, что не можешь. Я позабочусь об этом.

Биджурам, который в знак своей готовности защитить ювраджа выхватил длинноствольный пистолет, по счастью незаряженный, небрежно указал стволом на Аша и лениво проговорил:

– Вам следует заклеить этого жалкого конюшонка, как клеймят лошадей или мятежных рабов. Тогда у него не будет возможности скрыться: в нем сразу опознают вашу собственность и вернут вам.

Возможно, он не рассчитывал, что принц отнесется к предложению серьезно, но Лалджи, ослепленный гневом и плохо соображавший, ухватился за него. Встать на защиту Аша оказалось некому, ибо, к несчастью, единственный придворный ювраджа, имевший на него хоть какое-то влияние, в тот день лежал в постели с приступом лихорадки. Прямо на месте дело было сделано, причем самим Биджурамом. В комнате находилась горящая жаровня, поскольку стояла зима и во дворце было холодно, и Биджурам, с обычным своим мерзким смешком, сунул ствол пистолета в докрасна раскаленные угли. Хотя Ашу тогда едва исполнилось восемь лет, потребовалось четверо мужчин, чтобы удержать его. Он был сильным и ловким мальчиком, а когда понял, что должно произойти, стал драться, как дикая кошка, яростно кусаясь и царапаясь, так что досталось всем четверым. Однако в исходе схватки сомневаться не приходилось, и сопротивление было бесполезно.

Биджурам намеревался выжечь клеймо на лбу, и это, возможно, убило бы Аша. Но Лалджи, несмотря на ярость, все же сохранил толику здравого смысла и понял, что отец может не вполне одобрить такой поступок, а поэтому лучше заклеить Аша в таком месте, где отметина не привлечет внимания раджи. Биджураму пришлось удовольствоваться тем, что он прижал дуло пистолета к обнаженной груди жертвы. Раздалось шипение, запахло горелым мясом, и, хотя Аш поклялся себе, что скорее умрет, чем доставит Биччху удовольствие услышать свой крик, он не сумел сдержаться. Пронзительный вопль боли вызвал у щеголя очередной мерзкий смешок, но на Лалджи произвел неожиданное воздействие, пробудив в нем лучшие качества его натуры. Юврадж бросился к Биджураму и оттащил его назад, истерически крича, что сам во всем виноват, а Ашок совершенно ни при чем. В следующий миг Аш лишился чувств.

– Он умирает! – провизжал Лалджи, охваченный раскаянием. – Ты убил его, Биччху! Сделайте же что-нибудь! Пошлите за хакимом! Приведите Данмайю! О Ашок, не умирай! Пожалуйста, не умирай!

Аш вовсе не собирался умирать и довольно скоро очнулся. Безобразный ожог благополучно зажил благодаря умелому уходу Ситы и Данмайи, а также крепкому здоровью мальчика, но шрам остался у него до конца жизни: не полный круг, а полумесяц, потому что он дернулся в сторону, почувствовав прикосновение раскаленного металла, и дуло прижалось к груди не полностью, а Лалджи оттащил Биджурама назад прежде, чем тот успел исправить оплошность.

– Я собирался выжечь на твоей груди солнце, – впоследствии сказал Биджурам, – но, похоже, ты этого недостоин. Своим трусливым поведением ты превратил солнце в ущербную луну.

Из осторожности он сказал это в отсутствие Лалджи, который не желал, чтобы ему напоминали о прискорбном эпизоде.

Как ни странно, после этого мальчики сошлись ближе. Аш прекрасно сознавал тяжесть своего проступка и знал, что в былые времена его за такое удавили бы или затоптали насмерть слонами раджи. Самое малое, его могли бы лишиться руки или глаза, поскольку рукоприкладство по отношению к наследнику престола считалось отнюдь не мелким преступлением и многие взрослые мужчины заплатились жизнью за гораздо менее серьезные провинности, а потому он обрадовался сравнительной легкости наказания и удивился тому, что юврадж вступился за

него. Тот факт, что Лалджи не только помешал довести дело до конца, но и во всеуслышание признал свою вину, произвел глубокое впечатление на Аша, хорошо понимавшего, чего стоило принцу такое признание.

Аш безумно тосковал по Туку, но не предпринял попытки приручить другого мангуста. Он вообще больше не заводил никаких животных, сознавая, что никогда уже не сможет доверять Лалджи и что для него полюбить какое-нибудь живое существо – значит дать в руки ювраджу оружие, которое тот сможет использовать против него в следующий раз, когда будет не в духе или пожелает наказать своего слугу. Однако, несмотря на это (и, уж конечно, не по собственному желанию), Аш получил неожиданную замену любимому Туку. Только на сей раз не животное, а крохотного человечка – Анджали-Баи, робкую, всеми заброшенную малолетнюю дочку несчастливой фаранги-рани.

Одним из достоинств Лалджи, а он обладал многими хорошими качествами, которые в нормальных обстоятельствах вполне могли бы перевесить дурные, было неизменно доброе отношение к маленькой сводной сестренке. Малышка часто навевалась в его покои, поскольку в силу своего возраста еще не подлежала заточению в зенане и могла разгуливать везде, где ей вздумается. Она была крохотным худеньким созданием, с виду всегда полуголодным и одетым в убогие обноски, какие сочли бы неприличными во многих крестьянских семьях. Такое положение дел объяснялось враждебностью нотч, не видевшей причин тратить деньги или время на дочь умершей соперницы.

Джану-Баи не знала наверное, унаследовала ли девочка от матери часть красоты и очарования, некогда пленивших сердце раджи, и не желала допустить, чтобы он полюбил свою дочь или стал гордиться ею, а потому распорядилась перевести ребенка в самое дальнее крыло дворца и приставила к нему горстку неряшливых, не получающих жалованья слуганок, которые прикармливали скудные средства, выдаваемые на содержание принцессы.

Раджа редко спрашивал о своей дочери и со временем почти забыл о ее существовании. Джану-Баи заверяла мужа, что о девочке хорошо заботятся, и неизменно делала какое-нибудь пренебрежительное замечание по поводу ее невзрачности, которая сильно затруднит поиски хорошей партии для нее. «Такое маленькое угрюмое существо», – с притворным сочувствием вздыхала Джану-Баи. Она дала малышке прозвище Каири, что означает «маленький незрелый плод манго», и возликовала, когда оно прижилось во дворце.

Каири-Баи предпочитала покои сводного брата своим собственным: они были светлее и лучше обставлены, а кроме того, Лалджи иногда угощал ее сладостями и позволял играть со своими мартышками, какаду или ручной газелью. Его слуги тоже обращались с ней ласковее, чем приставленные к ней женщины, и девочка сильно привязалась к самому юному из них, Ашоку, – он однажды нашел ее в дальнем уголке сада, где она тихо плакала от боли, укушенная мартышкой, которую дернула за хвост. Аш отвел Каири к Сите, чтобы она утешила и приласкала бедняжку, и Сита перевязала рану, дала малышке кусочек сахарного тростника и рассказала историю про Раму, прекрасная жена которого была похищена царем демонов с острова Ланка и впоследствии спасена с помощью Ханумана, царя обезьян.

– Так что дергать обезьян за хвост никак нельзя: это не только задевает их чувства, но и вызывает гнев Ханумана. А сейчас мы с тобой нарвем ноготков и сплетем маленький веночек – я покажу тебе, как это делается, – который ты отнесешь к алтарю Ханумана в знак своего раскаяния. Мой сын Ашок отведет тебя туда.

Интересная история и плетение венка успешно отвлекли девочку от боли в укушенном пальце, и она, безбоязненно взяв Ашока за руку, радостно отправилась вместе с ним приносить извинения Хануману у алтаря возле слоновника, где гипсовая статуя обезьяньего царя плясала в сумерках. После этого она часто навевалась в комнаты Ситы, хотя привязалась не к Сите, а к Ашу, и постоянно ходила за ним по пятам, точно упрямый бездомный щенок, который выбрал себе хозяина и от которого так просто не отделаешься. Впрочем, Аша это не слишком

тяготило, тем более что Сита велела, чтобы он относился к одинокой маленькой девочке с особой добротой – не потому, что она принцесса, и не потому, что она сирота, обделенная вниманием и заботой, а потому, что родилась в день, вдвойне для него знаменательный: в годовщину его собственного рождения и в день их прибытия в Гулкот.

Главным образом поэтому Аш почувствовал себя в известном смысле ответственным за Каири, смирился с ролью предмета ее обожания и стал единственным человеком, который никогда не обращался к ней по прозвищу. Он называл девочку либо Джали (так она сама переименовала свое имя, еще не умея свободно выговорить все три слога), либо, в редких случаях, Ларла, то есть «милая», относился к ней с терпеливой нежностью, какую выказывал бы надоедливому котенку, и по мере своих сил защищал от насмешек или наглых выходок дворцовой челяди.

Слуги ювраджа в отместку дразнили Аша нянькой и называли айя-джи, покуда на помощь к нему неожиданно не пришел юврадж, который гневно отчитал своих людей, посоветовав не забывать, что Анджали-Баи – его сестра. После этого они смирились с ситуацией и со временем свыклись с ней. В любом случае до девочки никому не было дела, и вряд ли она, такая хилая и тощая, сумеет благополучно перенести обычные детские болезни и дожить до взрослого возраста, а на Ашока так и вовсе всем наплевать – похоже, даже ювраджу.

Но в последнем своем предположении слуги ошибались. Лалджи по-прежнему доверял Ашу, хотя сам не смог бы объяснить почему, и не собирался отпускать его. Об убийстве Туку и последовавшей за этим драке у них никогда не заходило разговора, но в скором времени Аш понял, что Лалджи не бросал слов на ветер, когда угрожал помешать ему покинуть Хава-Махал. Во дворец вели лишь одни ворота, Бадшахи-Дарваза, и с того самого дня Ашу не разрешалось выходить через них одному – только в обществе избранных слуг или чиновников, которые зорко следили, чтобы он не отбил от них и вернулся обратно.

– Это приказ, – вежливо сказали Ашу часовые и отправили его назад.

То же самое повторилось на следующий день и во все последующие дни, а когда Аш обратился с вопросом к Лалджи, тот ответил встречным вопросом:

– А зачем тебе выходить из дворца? Или тебе плохо здесь живется? Если что-нибудь нужно, ты только скажи Раму Дассу – и он пошлет кого-нибудь за этим. Тебе нет никакой нужды ходить по базарам.

– Но я хочу повидаться с друзьями, – возразил Аш.

– Разве я тебе не друг? – спросил юврадж.

На этот вопрос у Аша не было ответа, и он так никогда и не узнал, кто именно отдал приказ не выпускать его из дворца: раджа, сам Лалджи, который сказал, что не он, но его словам нельзя было верить, или же Джану-Баи, по каким-то своим причинам. Так или иначе, приказ оставался в силе, и Аш всегда сознавал это. Он был узником в крепости, хотя и имел относительную свободу передвижения в пределах ограниченного крепостными стенами пространства, а поскольку Хава-Махал занимал огромную площадь, Аш не мог пожаловаться на слишком уж строгое заключение. Как не мог пожаловаться и на одиночество, ведь в тот год он обзавелся двумя хорошими друзьями во дворце и нашел по меньшей мере одного союзника среди придворных ювраджа.

Тем не менее Аш остро сознавал свое положение узника. С крепостных стен, из полуразрушенных башен и венчающих их деревянных павильонов он видел мир, простиравшийся перед ним подобием разноцветной карты, – мир, который манил к свободе и далеким горизонтам. На юго-западе находился город, а за ним раскинулось широкое плато, на дальнем своем краю круто спускавшееся к реке и плодородным землям Пенджаба – порой, в ясные дни, даже можно было разглядеть пенджабские равнины. Но Аш редко обращал взор в ту сторону, ибо к северу от Хава-Махала начинались предгорья, а за ними, на всем горизонте от востока до

запада, вздымались настоящие горы и зубчатая громада Дур-Хаймы, прекрасная и таинственная, поросшая рододендронами и гималайскими кедрами и увенчанная снежной шапкой.

Аш не знал, что появился на свет неподалеку от заснеженных пиков Дур-Хаймы и первые годы жизни провел высоко в Гималаях, что вечером перед сном он видел эти снежные шапки окрашенными в розовые тона заката или посеребренными луной, а по пробуждении наблюдал, как они меняют цвет с абрикосового и янтарного на ослепительно-белый с наступлением солнечного утра. Память о них хранилась лишь в его подсознании, потому что когда-то давно он накрепко запомнил их, как иной ребенок запоминает рисунок обоев на стене детской. Но, глядя на них сейчас, он точно знал, что где-то среди этих гор находится долина, о которой в прошлом Сита часто рассказывала на ночь. Их собственная долина. Безопасное укромное место, куда однажды они придут после многодневного путешествия по горным дорогам и через перевалы, где ветер пронзительно воет между черными скалами и зелеными ледниками, а холодный блеск снежных полей слепит глаза.

Теперь Сита редко заводила разговор о долине: днем она была слишком занята, а ночи Аш проводил в покоях ювраджа. Однако история, которую в детстве Аш часто слушал на сон грядущий, по-прежнему владела воображением мальчика, и он уже забыл, что речь в ней идет о вымышленном месте, а возможно, никогда и не сознавал этого. Он твердо верил в реальность долины и всякий раз, когда мог увильнуть от исполнения своих обязанностей – утром или вечером, но чаще в течение долгих праздных послеполуденных часов, когда весь дворец погружался в дрему и солнце нещадно припекало крепостные стены, – он поднимался на крытый балкончик, прилепившийся к стене Мор-Минар – Павлиньей башни, и, лежа там на теплом камне, замороженно смотрел на горы и думал о них. И строил планы.

Кроме него, о существовании балкончика знала только Каири. Они обнаружили его по счастливой случайности, так как из самой крепости он не был виден, скрытый за изгибом стены Мор-Минар. Мор-Минар являлась частью первоначальной крепости, сторожевой башней и наблюдательным постом, обращенным к предгорьям. Но крыша и лестница там давно обвалились, а вход в башню преграждала куча битого камня. Балкончик был пристроен позднее, вероятно для удовольствия какой-нибудь давно умершей рани, и казался здесь совершенно неуместным: изящная маленькая беседка из мрамора и красного песчаника, с ажурными узорчатыми стенками, увенчанная индусским куполом.

На ржавых дверных петлях болтались обломки истлевших досок, но хрупкие на вид ажурные стенки сохранились в целости, если не считать места, где в прошлом находилось вырезанное в мраморном кружеве окно, из которого рани со своими придворными дамами могла любоваться горами. Здесь, в передней части балкона, между изящными арками зияла пустота, а ниже стена башни отвесно уходила на сорок футов вниз, к поросшим кустарником скалам, которые, в свою очередь, круто уходили вниз на расстояние вчетверо большее – к самому плато. Через кустарник пролегали козы тропы, но не многие люди отваживались забираться на такую высоту. А если бы даже кто и забрался, то едва ли заметил бы беседку, теряющуюся на фоне истрепанной дождями и ветрами каменной стены Мор-Минар.

В погоне за дикой мартышкой Аш и Каири перелезли через кучу камня при входе в башню и, посмотрев наверх, увидели беглянку на полпути к проему, зиявшему на месте рухнувшей крыши. Очевидно, некогда в башне были комнаты, и хотя перекрытия в них полностью исчезли, от обвалившейся лестницы, которая вела к ним, сохранились обломки ступенек, порой такие крохотные, что и мартышке-то нелегко было уместить ногу. Но куда может забраться мартышка, туда зачастую может последовать и проворный ребенок, а Аш в свое время поднатерел в лазании по городским крышам и не боялся высоты. Каири тоже лазила ловко, как белка, и подъем по обвалившейся лестнице оказался делом не особо трудным, если смести с разбитых ступенек неряшливые кучи прутьев и яичной скорлупы, оставленные здесь многими поколениями сов и галок. Дети благополучно забрались наверх и, проследовав за

мартышкой в один из дверных проемов, очутились на крытом балкончике с ажурными стенками, который висел на головокружительной высоте, надежный и недоступный, как ласточкино гнездо.

Аш пришел в восторг от находки. Вот оно, наконец-то: укромное местечко, где он сможет уединиться в тяжелые минуты жизни, любоваться миром с высоты, мечтать о будущем – и наслаждаться одиночеством. Гнетущая атмосфера дворца с его неумолчным шепотом вероломства и интриганства, с постоянными заговорами, кознями и соперничеством здесь отступала, рассеянная чистым воздухом, который струился сквозь мраморное кружево, омывая и освежая маленькую беседку. И что самое замечательное, никто не станет оспаривать у Аша право собственности на нее, ибо, кроме мартышек, сов, ворон и крохотных желтых бюльбюлей с хохолками, сюда явно никто не навещался уже лет пятьдесят и наверняка все давно забыли о существовании беседки.

Будь у Аша выбор, он без раздумий обменял бы свой балкончик на разрешение выходить в город, когда захочется, и, получив таковое, он не убежал бы – хотя бы из-за Ситы. Но, лишенный этого права, он обрадовался вдвойне, получив в свое распоряжение укромное убежище, где можно отдыхать от ссор и сплетен, вспышек раздражения и докучных разговоров. Убогие комнатухи, где обретались они с Ситой, не отвечали нужным требованиям, поскольку любой слуга, посланный на поиски Аша, всегда в первую очередь направлялся туда. Желательно было иметь укрытие понадежнее, откуда его не погонят выполнять какое-нибудь пустячное задание или отвечать на вздорный вопрос, который юврадж частенько успевал забыть к приходу своего слуги. С обнаружением этого балкона жизнь Аша в Хава-Махале стала терпимее. А с обретением двух таких друзей, как Кода Дад-хан, управляющий конюшнями, и его младший сын Зарин, он почти смирился с перспективой остаться во дворце навсегда...

Кода Дад был патаном, который в юности покинул родные пограничные горы и пустился в странствование по северным окраинам Пенджаба в поисках счастья. Он случайно забрел в Гулкот, где своим искусством соколиной охоты привлек внимание молодого раджи, всего два месяца назад вззошедшего на престол после смерти отца. С тех пор минуло более тридцати лет, но Кода Дад так и не вернулся в родные края, разве только изредка туда навещался. Он остался в Гулкоте служить при дворе раджи и ныне, в должности управляющего конюшнями, пользовался значительным влиянием в княжестве. О лошадях он знал абсолютно все и, по слухам, владел лошадиным языком – даже самые свирепые и норовистые жеребцы становились кроткими и послушными, когда он разговаривал с ними. Кода Дад стрелял так же хорошо, как ездил верхом, а в соколах и соколиной охоте разбирался не хуже, чем в лошадях. Сам раджа, человек весьма сведущий в данном предмете, часто спрашивал у него советов и неизменно им следовал. После первого визита в родные края Кода Дад вернулся с женой, которая в должный срок родила ему троих сыновей, и к настоящему времени он был гордым дедом нескольких внуков и порой разговаривал с Ашем об этих образцах совершенства:

– Они как две капли воды похожи на меня в молодости. Во всяком случае, так говорит моя мать, которая часто их навещает, ведь мы родом из страны юсуфзаев, что расположена неподалеку от Хоти-Мардана, где служит мой сын Авал-шах со своим полком и второй мой сын Афзал тоже.

Два старших сына Коды Дада поступили на службу к британцам, в тот самый Корпус разведчиков, где служил дядя Аша, Уильям, и теперь только Зарин-хан, самый младший, жил со своими родителями, хотя тоже мечтал о военной карьере.

Зарин был почти на шесть лет старше Аша и по азиатским меркам уже считался взрослым мужчиной. Но если не обращать внимания на разницу в росте, они двое очень походили друг на друга телосложением и мастью, ибо Зарин, как многие патаны, был сероглазым и светлокожим. Человек посторонний легко принял бы их за братьев, и Кода Дад действительно относился к ним как к таковым, называя обоих «сынок» и задавая обоим одинаково суровые трепки, когда

полагал, что они заслуживают наказания. Подобные знаки внимания Аш почитал за великую честь, поскольку Кода Дад являлся реинкарнацией друга и героя его младенческих лет, чей образ потускнел в памяти, но оставался незабвенным, – мудрого, доброго и всезнающего дяди Акбара.

Именно Кода Дад научил Аша охотиться с соколом, дрессировать необъезженных жеребят, на полном скаку выдергивать из земли палаточный колышек острием копья и стрелять по движущейся мишени, попадая в нее девять раз из десяти, а по неподвижной мишени так вообще без единого промаха. И именно Кода Дад растолковал Ашу, что сдержанность благо-разумна, а импульсивность опасна, и отчитал за привычку говорить или действовать без должного размышления. Речь шла, в частности, о его нападении на ювраджа и угрозе покинуть дворец.

– Если бы ты тогда придержал язык, то сейчас мог бы выходить в город, когда пожелаешь, а не сидел бы здесь взаперти, – сурово сказал Кода Дад.

Зарин тоже хорошо относился к мальчику и обращался с ним как с младшим братом, то награждая подзатыльниками, то поощряя добрым словом. И что самое замечательное, изредка Ашу разрешалось выходить с ними из Хава-Махала, каковые прогулки почти не отличались от одиночных вылазок: хотя Коде Даду и Зарину тоже строго было приказано не спускать с него глаз, они двое, в отличие от слуг ювраджа, нисколько не смахивали на тюремных конвоиров и с ними он наслаждался иллюзией свободы.

Аш успел забыть пушту, которым в малолетстве овладел в экспедиции отца, но сейчас снова научился говорить на нем, поскольку это был родной язык Коды Дада и Зарина, а Аш, как свойственно мальчишкам, хотел подражать своим героям во всем. В их обществе он говорил только на пушту, что приятно удивляло Коду Дада, но страшно раздражало Ситу – она стала ревновать мальчика к старому патану, как некогда ревновала к Акбар-хану.

– Он не поклоняется богам, – с осуждением сказала Сита. – Вдобавок хорошо известно, что все патаны – прирожденные преступники. Они воры, душегубы и убийцы коров, и меня печалит, Ашок, что ты проводишь столько времени в обществе дикарей. Они научат тебя плохому.

– Мама, разве плохо ездить верхом, стрелять и охотиться с соколом? – возразил Аш.

Он считал, что перечисленные достоинства с лихвой окупают такие незначительные недостатки, как склонность к воровству и убийству, и, несмотря на все наставления Ситы и предостережения жрецов, никогда не понимал, почему коров следует почитать за священных животных. Будь это лошади, или слоны, или тигры, он бы еще понял. Но коровы...

Удержать в голове всех богов маленькому мальчику было трудно, ведь их так много: Брахма, Вишну, Индра и Шива, которые все один и тот же бог, но одновременно разные боги; Митра, повелитель солнца, и грозная Кали, повелительница черепов и крови, она же Парвати, милостивая и прекрасная; Кришна Многолюбимый, Хануман-обезьяна и толстопузый Ганеша со слоновьей головой, рожденный, как ни странно, от союза Шивы и Парвати. Всех этих и сотни других богов и богинь надлежало умиловать дарами, приносимыми жрецам. Однако Кода Дад говорил, что есть лишь один Бог, чьим пророком является Магомет. Разумеется, это сильно упрощало дело, разве только порой казалось непонятным, кому же поклоняется Кода Дад в действительности: Богу или Магомету. Бог, по словам Коды Дада, живет на небе, но его почитатели не вправе произносить молитвы, покуда не обратятся лицом в сторону Мекки, где родился Магомет. И хотя Кода Дад с презрением отзывался об идолах и идолопоклонниках, он рассказал Ашу про священный камень в Мекке, который все мусульмане почитали святыней и которому поклонялись точно так же, как индусы – своим каменным изваяниям, символизирующим Вишну.

Не желая идти ни против Ситы, ни против Коды Дада, Аш после долгих раздумий решил, что лучше выбрать для поклонения своего собственного идола. Это право, по мнению маль-

чика, давала одна молитва, однажды услышанная Ашем в городском храме от священника, обращавшегося к богам следующим образом:

О бог, прости мне ограниченность природы человеческой.
Повсюду ты, но я тебе свершаю поклонение здесь.
Бесформен ты, но поклоняюсь я тебе в сих формах.
Ты не нуждаешься в хвалах, но возношу тебе молитвы и хвалы.
Прости мне ограниченность природы человеческой.

Такой подход к делу показался Ашу в высшей степени разумным, и после непродолжительного размышления он выбрал группу заснеженных пиков, вид на которые открывался с балкона Павлиньей башни. Остроконечные вершины, возносившиеся над далекими горными грядами подобием крепостных башен некоего сказочного города, были известны в Гулкоте под названием Дур-Хайма – Далекие Шатры. Аш счел горы более приятным предметом поклонения, чем уродливый, размалеванный красной краской лингам⁶, которому приносила жертвы Сита, и вдобавок он мог обращаться к ним лицом во время молитвы, как Кода Дад обращался в сторону Мекки. Кроме того, рассудил Аш, кто-то же создал их. Возможно, тот же самый «кто-то», кого признают и Сита со своими жрецами, и Кода Дад со своими мусульманами. Как наглядное проявление могущества этого существа, горы определенно достойны поклонения. И это был его личный объект поклонения. Выбранный им самим защитник, покровитель и благодетель Ашока, сына Ситы и слуги ювраджа Гулкота.

– О бог, – прошептал Аш, обращаясь к Дур-Хайме, – повсюду ты, но я тебе свершаю поклонение здесь...

Принятый в качестве такового, прекрасный многовершинный горный массив сразу обрел свою неповторимую индивидуальность и в конце концов стал казаться Ашу живым существом – тысячеликкой богиней, которая в отличие от символических каменных изображений Вишну и священного камня в Мекке принимала разные обличья при каждой перемене погоды и смене сезона, в каждый час каждого дня. Подобная мерцающему пламени на заре и блистающему серебру в полдень. Золотая и розовая на закате, сиреневая и бледно-лиловая в сумерках. Серовато-синяя на фоне грозových облаков, темная на фоне звездного неба. А в дождливый сезон она одевалась в многочисленные покровы туманов и пряталась за стальной завесой ливней.

Отправляясь в свое убежище, Аш всякий раз брал с собой пригоршню зерна или букетик цветов и клал их на осыпающийся край балкона как приношение Дур-Хайме. Птицы и белки с благодарностью поедали зерно и со временем стали на удивление ручными: они безбоязненно прыгали и шмыгали взад-вперед по телу лежащего мальчика, словно он был каменным изваянием, и требовали корма с настойчивостью профессиональных попрошаек.

– Где ты был, милый? – ворчливо спрашивала Сита. – За тобой приходили, и я сказала, что ты наверняка болтаешься где-нибудь с презренным патаном и его соколами или торчишь на конюшне с его никчемным сыном. Придворному ювраджа негоже водить знакомство с такими людьми.

– Похоже, слуги ювраджа считают меня твоим сторожем, – брюзжал Кода Дад. – Они явились сюда с расспросами: «Где он?», «Чем сейчас занимается?», «Почему его здесь нет?»

– Где ты шлялся? – сердито осведомлялся Лалджи. – Биджурам и Мохан искали тебя повсюду. Я не желаю, чтобы ты пропал где-нибудь неведомо где. Ты мой слуга. Я хотел поиграть в чаупар⁷.

⁶ *Лингам* – основной символ Шивы.

⁷ *Чаупар* – древняя индийская настольная игра; является представителем игр типа «крест и круг». – *Примеч. ред.*

Аш извинялся и говорил, что гулял в одном из садов либо навещался в конюшни или в слоновник, а потом они садились играть в чаупар, и история забывалась – до следующего раза. В громадном Хава-Махале было легко затеряться, а Лалджи знал, что мальчику никак не выйти за ворота одному и что рано или поздно его разыщут. Но все же юврадж предпочитал постоянно иметь Ашока где-нибудь поблизости, интуитивно чувствуя, что он единственный, кого нельзя подкупить или склонить к измене. Впрочем, поскольку «несчастные случаи» больше не повторялись, он постепенно начинал приходить к мысли, что страхи старой Данмайи являлись в значительной мере плодом воображения и что Биджурам был прав, когда сказал, что никто, даже нотч, не посмеет причинить ему вреда. Коли так, у него больше не было причин держать Ашока при себе, тем более что он не находил мальчика таким занятным собеседником, как Пран, Мохан или Биджурам, который – пусть он не заслуживал доверия и был почти на десять лет старше (Биджураму уже стукнуло двадцать) – всегда с охотой развлекал его разными скандальными историями из жизни обитательниц зенаны или приобщал к каким-нибудь приятным порокам. На самом деле если бы не странная уверенность, что Ашок для него все равно что талисман, оберегающий от опасности, Лалджи, наверное, уволил бы его, уж слишком часто в пристальном взгляде младшего мальчика читалось чувство, очень похожее на презрение, а его решительное нежелание смеяться непристойным остроумиям Биджурама или жестоким выходкам Пунвы отдавало осуждением, унижавшим достоинство Лалджи. Помимо всего прочего, он начинал ревновать к Ашоку.

Все началось из-за Анджали, хотя в данном случае юврадж испытывал лишь самое слабое недовольство, так как она была всего-навсего глупым ребенком, к тому же невзрачным. Будь она красивой или обаятельной девочкой, он бы видел в ней соперницу в борьбе за любовь отца и ненавидел бы ее, как ненавидел проклятую нотч и ее старшего сына, своего сводного брата Нанду. Но Лалджи помнил доброе отношение к себе фаранги-рани и оплатил за него добрым отношением к ее дочери, молчаливо утвердив Ашока в должности неофициального наставника, воспитателя и защитника этого «маленького незрелого плода манго», Каири-Баи. Но он почувствовал досаду, когда один из его конюших, Хиралал, проникся симпатией к мальчику, и еще сильнее разозлился, когда Кода Дад, которого все молодые щеголи во дворце почитали живой легендой, сделал то же самое. Ибо Кода Дад пользовался благосклонным вниманием раджи и хорошо отзывался о мальчике.

Правитель Гулкота был тучным, апатичным мужчиной, который из-за непомерного пристрастия к вину, женщинам и опиуму преждевременно утратил былое здоровье и в свои пятьдесят с небольшим выглядел гораздо старше. Он любил своего старшего сына и испытал бы неопишное потрясение при одной мысли, что кто-то может желать зла его наследнику. И он без колебаний предал бы смерти даже саму нотч, если бы узнал наверное, что она покушалась на жизнь мальчика. Но, будучи человеком немолодым и обремененным лишним весом, раджа избегал отрицательных эмоций. Он заметил, что всякий раз, когда он уделяет хоть самое малое внимание Лалджи, у него тут же начинаются неладья с очаровательной Джану-Баи. Посему в интересах собственного спокойствия он крайне редко виделся со своим старшим сыном, и Лалджи, любивший отца пылкой, ревнивой любовью, глубоко переживал такое небрежение и ужасно злился, если во время своих коротких визитов тот обращался хотя бы с несколькими словами еще к кому-либо.

Раджа заговаривал с Ашем только потому, что Кода Дад как-то заметил в беседе с ним, что мальчику стоит дать достойное воспитание, а также благодаря смутным воспоминаниям, что однажды мальчик спас жизнь Лалджи и это обстоятельство дает ему право на известное внимание. Поэтому он обращался с Ашем милостиво и иногда брал его с собой, когда выезжал опробовать нового сокола в охоте на пернатую дичь, в изобилии водившуюся на равнинных участках плато. В таких случаях Лалджи всегда впадал в хандру и раздражение, а впоследствии обязательно осуществлял какую-нибудь мелкую злобную месть. Например, неотлучно

держал Аша при себе по многу часов подряд, не позволяя ни есть, ни пить, ни даже при-сесть на минутку, пока у того не начинала кружиться голова от усталости, или же, обнаруживая изощренное коварство, намеренно выводил его из себя бессмысленно жестоким обращением с одним из своих ручных животных, чтобы потом подвергнуть наказанию за неизбежную вспышку негодования.

Придворные Лалджи, равняясь на своего господина, всячески старались испортить жизнь малолетнему выскочке-конюшонку, чье неожиданное возвышение всегда их возмущало, и единственным исключением здесь был Хиралал, служебные обязанности которого туманно определялись названием «конюший ювраджа».

Хиралал единственный из всех относился к Ашу благожелательно, и он один никогда не восхищался садистскими выходками Биджурама и не смеялся его сальным шуткам. Вместо этого он обычно зевал и с рассеянным видом, явственно свидетельствующим о скуке, покорности обстоятельствам и отвращении, принимался теребить черную жемчужину, висящую у него в ухе. Сам по себе сей жест был всего лишь привычкой, но неизменно приводил в ярость Биджурама, подозревавшего (справедливо), что огромная жемчужина является умышленной пародией на бриллиантовую серьгу, которую носил он сам, и что на фоне ее редкой красоты (жемчужина имела форму груши и переливчатый цвет голубинового пера) его собственный бриллиант кажется дешевой стекляшкой – точно так же, как рядом со скромным серым шелковым ачканом конюшего его яркие наряды выглядели безвкусными и плохо скроенными.

Хиралал вроде бы никогда не утруждал себя никакой работой и всегда имел сонный вид, но его лениво прикрытые веками глаза были отнюдь не такими ненаблюдательными, какими казались, и на самом деле ничто не ускользало от них. По природе своей добродушный и покладистый, он славился леностью, которая стала постоянным предметом шуток во дворце и снискала ему репутацию своего рода придворного шута, чьи высказывания не следует принимать всерьез.

– Не обращай на них внимания, малец, – ободряюще говорил он Ашу. – Они жалкие тупицы, изнывающие от скуки, и за неимением иных развлечений вынуждены искать, кого бы подразнить и помучить. При виде замешательства и растерянности другого существа они ощущают собственную значимость, даже если это существо – всего лишь малый ребенок или ручная газель. Если ты не станешь показывать, что тебя это трогает, им скоро надоеет такая забава. Верно ведь, Биччху-джи?

Обращение по прозвищу было дополнительным оскорблением, и Биджурам вперял в Хиралала яростный взгляд прищуренных глаз, а остальные придворные сердито хмурились и недовольно ворчали. Но Лалджи делал вид, будто ничего не слышал. Он знал, что не может наказать или уволить Хиралала, приставленного к нему самим раджой (как порой подозревал Лалджи, по наущению ненавистной мачехи-нотчи), и потому предпочитал притвориться глухим. Вдобавок следовало признать, что конюший – шпион он или нет – умел быть и остроумным, и занятым: он отпускал смешные шутки и придумывал разные дурацкие игры, которые развеселили бы любого даже в самый безрадостный день, и жизнь без него стала бы гораздо скучнее.

Аш проникся признательностью к Хиралалу и извлек пользу из его совета, оказавшегося весьма разумным. Он научился скрывать свои чувства и стоически переносить наказания. Но хотя со временем он приобрел умение сохранять равнодушный вид во всех обстоятельствах, кипевшие у него в душе эмоции оставались прежними – и даже более сильными, поскольку за неимением выхода загонялись глубже и не стихали дольше. Однако именно Хиралал заставил мальчика понять, что Лалджи заслуживает скорее жалости, чем неприязни, и что его собственное положение неизмеримо лучше положения озлобленного и растерянного маленького принца.

– Притесняя тебя, он просто мстит за недостаток любви, в которой нуждается, но которой не получает, – сказал Хиралал. – Если бы Лалджи никто никогда не любил, сейчас он вел бы

себя иначе, ибо многие вырастают без любви и не знают, что они потеряли. Но, однажды познав любовь, он понял, сколь тяжело ее лишиться. Вот почему он чувствует себя несчастным. Когда он изводит, мучает и несправедливо наказывает тебя, ты всегда можешь пойти пожаловаться своей матери, и она утешит тебя и поплачет над твоими ранами. Но Лалджи не к кому обратиться за утешением, если не считать этой старой ведьмы, няни Данмайи, которая только пугает беднягу вечными предостережениями об опасности, заставляя бояться собственной тени. Будь терпелив с ним, Ашок, ведь ты счастливее его.

Аш старался сохранять терпение, хотя это давалось ему с трудом. Но более ясное понимание незавидного положения ювраджа, безусловно, помогало делу, и за это мальчик был благодарен Хиралалу.

На следующий год Лалджи женили, и за суетой приготовлений к свадьбе и празднеству вражда была временно забыта. Погруженный в дрему громадный дворец ожил и загудел, точно потревоженный улей, когда в него толпой хлынули художники и маляры с ведрами извести и красок. Обшарпанные пыльные стены, потолки, арки засверкали свежими яркими росписями и позолотой. Нотч, как и следовало ожидать, возревновавшая к пасынку, который стал центром всеобщего внимания, то дулась, то закатывала скандалы, а родственники невесты вызвали значительное волнение во дворце прямо накануне свадьбы, внезапно потребовав удвоить предварительно оговоренный выкуп за невесту и тем самым приведя отца жениха в такую ярость, что он чуть было не отменил бракосочетания. Но таким поступком он навлек бы позор на всех заинтересованных лиц, поэтому после нескольких часов споров, лстивых уговоров и ожесточенного торга стороны достигли компромисса и приготовления к свадьбе продолжились.

Невестой была восьмилетняя дочь раджи маленького горного княжества, которая после свадьбы возвращалась к родителям до времени, пока не станет достаточной взрослой, чтобы осуществить брачные отношения. Впрочем, данное обстоятельство никак не влияло на продолжительность и замысловатость тщательно разработанного церемониала. Это растянутое и утомительное мероприятие обошлось радже в огромные деньги, которые он мог бы употребить с большим толком на оказание помощи беднякам или на ремонт дорог в Гулкоте, – правда, подобная мысль даже не приходила на ум ни самому правителю, ни подданным, а если бы вдруг кому и явилась, то была бы единодушно отвергнута всеми в пользу веселья и развлечений, какие сулит истинно пышная свадьба.

Все гулкотцы от души наслаждались роскошным празднеством, дарами в виде пищи и денег, раздававшихся беднякам, и зрелищем небывалого великолепия. Фейерверки, оркестры, шествие к храму по освещенному факелами городу, гарцующие всадники и тяжело ступающие слоны в пополах из сверкающей парчи, с полными разодетых гостей серебряными паланкинами на спинах пленяли взоры горожан и истощали казну. Это нисколько не волновало раджу, но очень злило нотч, которая громко негодовала по поводу бессмысленной траты денег и успокоилась, только получив в подарок от правителя княжества горсть рубинов и алмазов.

5

Аш наслаждался свадебными торжествами не меньше любого другого, а четырехлетняя Каири впервые за свою короткую жизнь принимала участие в официальной церемонии в качестве принцессы Гулкота.

Как сестра ювраджа, именно Каири имела почетное право вручить невесте первые дары, что она и сделала, облаченная в непривычный пышный наряд и украшенная сверкающими драгоценностями, поначалу восхитившими малышку переливчатым блеском, но вскоре утомившими своей тяжестью и тем, что больно царапали кожу острыми краями. Но поскольку до сих пор единственным ее украшением была маленькая перламутровая рыбка, которую она носила на шнурке на шее как талисман (прежде безделушка принадлежала ее матери и являлась фишкой из китайского набора), девочка упивалась сознанием собственной значимости, придаваемой ей драгоценностями. Было замечательно хоть раз в жизни почувствовать себя важной особой, и Каири нашла облегчение в этом чувстве и выполнила свои обязанности с должной серьезностью.

Церемонии и празднества продолжались более недели, а когда они завершились и новобрачная и гости отбыли домой, все украшения у Каири мигом забрали и вернули обратно в один из многочисленных сундуков, теснившихся в сокровищнице раджи, и только потрепанные гирлянды, увядшие венки, застоявшийся запах курений и осыпавшиеся сухие цветы продолжали напоминать о знаменательном событии. Хава-Махал и раджа вновь погрузились в летаргический сон, а рани Джану-Баи принялась строить планы гораздо более зрелищных бракосочетаний для своих собственных маленьких сыновей.

Что же касается Лалджи, то, когда все возбуждение улеглось и осталось в прошлом, он обнаружил, что почетное положение женатого мужчины несколько не прибавило ему значимости в глазах окружающих и что, несмотря на всю важность события, он вполне мог бы обойтись без этих долгих, утомительных церемоний. Свою жену он считал маленьким глупым существом, причем не особо привлекательным, и мог лишь надеяться, что с возрастом она похорошеет. Данмайя сказала, что непременно похорошеет, но Данмайя скажет все, что угодно, только бы он был доволен. После отбытия гостей отец потерял всякий интерес к нему, и Лалджи снова томился смертельной скукой и был раздражен и подавлен, как никогда прежде. По этой причине он постоянно ссорился со своими придворными и сделал жизнь Аша настолько невыносимой, что именно тогда, в тот унылый, тягостный период, последовавший за свадьбой, Аш впервые завел с Ситой разговор о побеге из Гулкота.

Сита пришла в ужас от одной этой мысли, но вовсе не потому, что беспокоилась о своем благополучии, ибо была готова пожертвовать всем ради любимого сына. Просто она считала, что лучше, чем здесь, Ашоку нигде не будет и что нынешнее его настроение является всего лишь естественной реакцией на грубое и вздорное поведение ювраджа, который скоро успокоится. Сита знала обо всех проблемах Лалджи, поскольку во дворце мало что оставалось секретом. И хотя женщину сердило, что он срывает свое раздражение на ее любимом сыне, она, как и Хиралал, не могла не испытывать жалость к лишенному матери, обделенному вниманием наследнику, чей отец не желал оказать ему никакой поддержки и чья мачеха молилась о его безвременной смерти. Безусловно, такие приступы хандры и вспышки жестокости вполне естественны для несмышленного мальчонки, оказавшегося в столь невыносимом положении, и Ашок должен смириться с ними и постараться не обращать на них внимания. Помимо всего прочего, юврадж никогда не позволит ему покинуть дворец, а значит, следует выбросить из головы всякую мысль о побеге. Бежать отсюда невозможно, а если даже получится – куда, спрашивается, они направятся? Где еще они смогут жить в таком же благополучии и безопасности, как здесь, во дворце раджи, и иметь высокое жалованье и положение придворных слуг?

– Значит, тебе платят жалованье, мама? – с горечью спросил Аш. – А вот мне не платят, хотя и обещали. Да, мне выдают еду и одежду. Но только не деньги. А если я спрашиваю, мне говорят: «Позже. В другой раз. В следующем месяце». У меня нет ни пайсы, чтобы дать тебе или потратить самому.

– Но, милый, мы оба сыты и одеты, – сказала Сита. – У нас есть крыша над головой и очаг, чтобы греться возле него. Кроме того, не забывай: в один прекрасный день юврадж станет раджей, и тогда он вознаградит тебя и осыплет своими милостями. Он всего лишь мальчик, Ашок, маленький несчастный мальчик. Вот почему он порой бывает несправедлив. Но с возрастом он поумнеет. Вот увидишь. Тебе нужно только потерпеть и подождать еще немного.

– Сколько еще ждать? Год? Два? Три? Ах, мама...

– Знаю, сынок, знаю. Но я уже не так молода, как прежде, и...

Сита не закончила фразы, но Аш внимательно посмотрел на нее и впервые заметил с легким испугом, что в последнее время мать сильно похудела, а серебряных волос у нее, прибавлявшихся с каждым годом, уже стало больше, чем темных, и теперь она скорее седая, нежели черноволосая. Она выглядела усталой, и Аш задался вопросом, не заставляют ли ее слишком много работать в отведенном Каири крыле дворца. Он должен поговорить с Каири, объяснить, что его маму нельзя расстраивать или обременять непосильным трудом. Однако в данный момент именно он расстраивал ее, и, осознав это, Аш крепко обнял Ситу в неожиданном приступе раскаяния и сказал, что, конечно, они останутся, он просто пошутил и, покуда она здесь счастлива, они не покинут Хава-Махал.

Аш никогда больше не заводил разговора на эту тему и впоследствии всегда делал вид, будто при дворе ювраджа все в порядке. Он изо всех сил старался не показывать матери, что недоволен или несчастен. Каири, которую он строго отчитал за недостаточно уважительное отношение к Сите, горячо заверила мальчика, что ее обязанности вовсе не тяжелы.

– Думаю, она устает, потому что старая, – осмелилась предположить Каири после минутного раздумья. – Старые женщины всегда устают, ты же знаешь. Данмайя постоянно жалуется на усталость.

Но мама вовсе не старая, подумал Аш, совсем не такая, как сморщенная, седовласая Данмайя. И он снова почувствовал страх. Именно под влиянием страха он заговорил с Каири грубо и сказал, что она глупая, безмозглая и ничего не понимает и что он сам не знает, зачем тратит время на разговоры с ней или почему позволяет, чтобы она бегала за ним, точно бездомный котенок, не давая ему ни минуты покоя. «Мяу! Мяу! Девчонки!» – с чисто мужским презрением произнес Аш и зло добавил, что, к его счастью, у него нет сестер. Каири горько расплакалась и не успокоилась, пока он не разрешил повязать себе на запястье шелковый шнурок, став таким образом ее «браслетным братом» в согласии с древним обычаем, позволяющим женщине подарить или отослать браслет любому мужчине, который, приняв дар, впоследствии обязан всегда приходить к ней на помощь по первому зову, как к настоящей сестре.

Но хотя упорное обожание Каири зачастую досаждало Ашу, в конце концов он искренне полюбил маленькую девочку и проникся к ней чувством собственности, какого не испытывал со времени смерти Туку. В качестве преданного ручного существа Каири устраивала мальчика даже больше, чем Туку, ведь она умела разговаривать. Как и Туку, малышка любила его, повсюду ходила за ним и зависела от него, и со временем она заняла в сердце Аша пустое место, прежде принадлежавшее маленькому мангусту. Было приятно сознавать, что наконец-то у него есть живое существо, которое можно ласкать и защищать без всякого опасения, что Лалджи или кто другой причинит ему вред. Но из осторожности он велел Каири не проявлять слишком открыто своих нежных чувств к нему.

– Я всего лишь слуга твоего брата, а потому Лалджи и остальным это может не понравиться, – объяснил он.

Несмотря на свой малый возраст, Каири все поняла и впоследствии редко заговаривала с Ашем при посторонних – только когда они находились наедине или с Ситой. Они придумали способ общаться друг с другом через разговоры, происходящие у них с третьими лицами, и вскоре научились извлекать подлинный смысл из ничего не значащих с виду фраз, обращенных к Лалджи, к одному из придворных или же, чаще всего, к попугаю либо ручной мартышке. Они оба находили удовольствие в такой игре и вскоре настолько в ней наловчились, что никто, кроме Хиралала, от чьего внимания ничего не ускользало, ни разу не заподозрил, что болтовня маленькой девочки и редкие брошенные вскользь замечания мальчика имеют двойной смысл. Таким образом они часто открыто договаривались о встрече в определенные часы дня и в определенных местах, для каждого из которых придумали кодовое название: либо во дворике Ситы, либо на балконе Павлиньей башни, где они кормили птиц и белок, обсуждали последние события во дворце или сидели в приятном молчании, задумчиво глядя на далекие снежные вершины.

В тот год Аш лишился одного из своих немногочисленных друзей. Осенью Зарин покинул Хава-Махал, чтобы присоединиться к своим старшим братьям, служившим соварами в Корпусе разведчиков.

– Зарин – прирожденный наездник, и я научил его всему, что знаю сам об искусстве стрельбы и владения мечом, – сказал Кода Дад. – Настало время ему самому пробивать себе дорогу в жизни. Война – мужское дело, а на границе всегда идут бои.

Кода Дад позаботился о том, чтобы сыну выдали лучшего коня во всем Гулкоте. Поступить в Корпус разведчиков стремились многие, но принимали туда только самых искусных наездников и самых метких стрелков из длинного списка претендентов. Ни Аш, ни Зарин ни минуты не сомневались в успехе, и Зарин уехал прочь, уверенный в своих силах, на прощание пообещав Ашу вернуться в первый же свой отпуск.

– А когда ты станешь совсем взрослым, то приедешь в Мардан и тоже станешь соваром, – заверил мальчика Зарин. – Мы с тобой будем ходить в атаки и участвовать в разграблении городов. Так что постарайся научиться всему, чему может научить тебя мой отец, чтобы мне не пришлось краснеть за тебя, когда ты явишься туда в качестве новобранца.

После отъезда Зарина жизнь в Хава-Махале показалась еще скучнее, чем прежде, и, когда из Мардана пришло известие, что он вступил в рисалу (кавалерию) и стал соваром, владевшее Ашем беспокойство возросло, а вместе с ним укрепилось намерение последовать примеру друга и стать солдатом. Поэтому мальчик никогда не упускал возможности поупражняться в верховой езде и стрельбе с Кодой Дадом, хотя Сита всячески старалась отговорить его от новых планов на будущее. Одно упоминание о разведчиках приводило в ужас Ситу, чье враждебное отношение к Коду Дад и Зарину объяснялось главным образом их связью с этим полком. Она испытала сильнейшее потрясение, когда поняла, что даже здесь, в Гулкоте, где она полагала себя в полной безопасности, Ашок завел дружбу с людьми, которые однажды могут обратить на него внимание его дяди-ангези. И она сделала все возможное, чтобы предотвратить такую беду.

Солдаты – люди грубые, утверждала Сита; они получают низкое жалованье и ведут опасную, беспорядочную жизнь; спят в палатках или на голой земле и у них никогда нет крыши над головой или уютного дома для семьи. С чего вдруг Ашок решил пойти в солдаты?

Она казалась такой расстроенной и встревоженной, что Аш оставил всякие разговоры на эту тему и сделал вид, будто просто пошутил. Он решил, что мысль о военной службе не понравилась матери только потому, что ее подсказали Кода Дад и Зарин, всегда вызывавшие у нее неприязнь, и даже не заподозрил, что у Ситы есть иные причины для возражений. Мальчик никогда больше не заговаривал о своих планах с Ситой, но продолжал обсуждать их с Кодой Дадом и часто заводил речь о своем решении стать солдатом с Каири, которая, несмотря на свой малый возраст и недостаток понимания, оказалась благодарным и сочувственным слушателем.

Каири была готова часами слушать любые рассказы Аша, и он обнаружил, что ей не надо ничего объяснять – она, похоже, понимала его интуитивно, хотя вряд ли что-нибудь задерживалось у нее в памяти надолго, кроме историй про долину. Каири отдавала предпочтение этому предмету перед всеми прочими, долина стала для нее таким же реальным местом, как и для Аша, и девочка считала само собой разумеющимся, что она тоже отправится туда и поможет строить дом. Двое детей придумывали план дома комната за комнатой, добавляя новые помещения и различные декоративные элементы, постепенно превращая скромную хижину во дворец, но в конце концов, утомленные великолепием, уничтожали все взмахом руки и начинали планировать заново – на сей раз крохотное жилище с низкими потолками и тростниковой крышей.

– Но даже такой домик будет стоить уйму денег, – встревоженно говорила Каири. – Много, много раз по десять рупий.

Она умела считать лишь до десяти.

Однажды девочка принесла Ашу серебряную монетку достоинством в четыре аны, сказав, что пора начинать копить деньги на дом. Мальчик уже давно не держал в руках даже такой мелкой монеты, и она показалась ему целым состоянием. Он с удовольствием потратил бы ее на множество разных вещей, но вместо этого спрятал под расшатавшимся камнем в полу балкона Павлиней башни, сказав Каири, что они будут добавлять к ней другие монетки по мере их поступления. Они так ничего больше и не добавили к своим накоплениям, поскольку жалованье в Хава-Махале платили крайне неохотно, хотя кормили там сытно и новую одежду исправно выдавали, когда старая приходила в негодность. Прежняя жизнь в городе представлялась Ашу чудесной порой благополучия и свободы, и он с тоской вспоминал о своем скромном жалованье конюшонка у Дуни Чанда.

Было унижительно сознавать, что сейчас он не в состоянии внести в общее дело даже такую скромную лепту, какую внесла Каири, и что, даже если он когда-нибудь получит разрешение оставить службу у ювраджа и преодолет предубеждение Ситы против военной карьеры, он все равно не сможет присоединиться к Зарину. Когда Дад говорил, что в кавалерию разведчиков может поступить только силладар, то есть тот, кто является в полк со своим конем, а также с деньгами на покупку обмундирования, и эта сумма возвращается ему по увольнении. У Зарина были и конь, и деньги, но Аш не смог бы достать ни того ни другого.

– Когда я выйду замуж, я дам тебе столько денег, сколько нужно, – утешила мальчика Каири.

Вопрос о ее помолвке уже обсуждался на женской половине Хава-Махала.

– Да какой в этом толк? – неблагодарно ответил Аш. – Будет уже слишком поздно. Ты не выйдешь замуж еще много лет – ты ведь совсем ребенок.

– Мне скоро исполнится шесть, – с горячностью возразила Каири, – а Аруна говорит, что в таком возрасте уже выходят замуж.

– Тогда тебя увезут далеко-далеко отсюда, на расстояние многих дней пути, и, какой бы богатой ты ни стала, ты не сможешь переслать деньги в Гулкот, – ответил Аш, настроенный смотреть на вещи мрачно. – В любом случае твой муж может и не дать тебе денег.

– Даст, даст, не сомневайся. Если я стану махарани, у меня будет много кроров⁸ рупий, как у Джану-рани. И еще алмазы, жемчуг, слоны и...

– И старый, жирный, лысый муж, который будет тебя бить, а потом помрет, когда ты будешь совсем молодой, и тебе придется стать сати и сгореть заживо на погребальном костре вместе с ним.

– Не говори так!

⁸ Крор – десять миллионов рупий.

Голос Каири задрожал, ее маленькое личико побледнело. Ворота сати со скорбным фризом из красных отпечатков рук всегда наводили на нее ужас, и она не могла без содрогания видеть это трагическое напоминание о десятках и сотнях женщин, оставивших там эти отпечатки, – жен и наложниц, которых сожгли заживо вместе с телами покойных раджей Гулкота и которые окунали ладони в красную краску и прижимали к камню, когда выходили через Ворота сати из дворца, отправляясь в свой последний короткий путь к погребальному костру. Такие изящные маленькие ручки, иные размером не больше, чем у нее самой. Британцы запретили варварский обычай сожжения вдов, но все знали, что он по-прежнему практиковался в отдаленных и независимых княжествах, где белые люди появлялись редко, и добрая половина жителей Гулкота помнила, как бабушка Каири, старая рани, горела в пламени, пожиравшем тело ее мужа, вместе с тремя младшими женами и семнадцатью наложницами.

– На твоём месте, Джали, я бы вообще не стал выходить замуж, – сказал Аш после минутного раздумья. – Это слишком опасно.

Европейцы крайне редко посещали Гулкот. Хотя после мятежа сипаев 1857 года княжество официально стало частью территории, подпадающей под юрисдикцию Британской короны, отсутствие там дорог и мостов по-прежнему отпугивало путешественников, а поскольку Гулкот не доставлял никаких неприятностей, власти временно оставили его в покое и сосредоточились на более насущных проблемах субконтинента. Осенью 1859 года раджа, желая предупредить вмешательство в дела Гулкота, отправил своего премьер-министра и делегацию из представителей знати договориться о заключении союза с новыми правителями, но только весной 63-го полковник Фредерик Бинг из политического департамента нанес официальный визит правителю Гулкота, прибыв в сопровождении нескольких своих секретарей и отряда сикхской кавалерии под командованием британского офицера.

Данное событие вызвало огромный интерес у гулкотских подданных, чье знакомство с европейцами до сих пор ограничивалось упомянутым выше колоритным казаком-наемником Сергеем Водвиченко и его злополучной дочерью-полукровкой, фаранги-рани. Гулкотцам не терпелось увидеть, как выглядят сахиб-логи и как они станут вести себя. А еще больше всем хотелось насладиться празднеством, которое устраивалось по случаю сего знаменательного события. Торжества обещали стать поистине великолепным праздником, и никто не ждал его с большим нетерпением, чем Аш, хотя Сита ясно дала понять, что крайне не одобряет визитов чужестранцев в княжество, и всячески старалась отговорить сына от участия в каких-либо церемониях или даже от присутствия при дворе во время пребывания там англичан.

– С какой стати они приезжают сюда и суются в наши дела? – ожесточенно говорила Сита. – Нам вовсе не нужно, чтобы какие-то фаранги указывали нам, что можно и что нельзя, и причиняли всем беспокойство и неприятности... задавали разные вопросы. Обещай мне, Ашок, что ты и близко не подойдешь к ним.

Страстность матери приводила в недоумение Аша, который так и не забыл высокого седого мужчину, часто читавшего ему лекции о преступности всякой несправедливости. Больше о том мужчине он не помнил ничего, если не считать странного и неприятного воспоминания о мертвенно-бледном безжизненном лице, мельком увиденном в тусклом свете лампы, и еще о злобной грызне шакалов в пустынном лагере – эти звуки вселили в него такой ужас, что он до сих пор не мог слышать шакальего воя без содрогания. Но Аш давно понял, что матери не нравятся любые упоминания о прошлом, и потому решительно не желал о нем заговаривать. Возможно, когда-то фаранги обошлись с ней дурно, и именно поэтому сейчас она так старается оградить его от встречи с английскими гостями. Однако с ее стороны неразумно рассчитывать, что он оставит свои служебные обязанности на время пребывания британцев во дворце: это никак невозможно, ведь в ходе предстоящего визита Лалджи потребуются услуги всех придворных.

Однако накануне прибытия полковника Бинга Аш по непонятной причине тяжело занемог, поев приготовленной матерью пищи, и следующие несколько дней пролежал пластом в постели в комнатах Ситы, не в силах думать ни о чем, кроме жестокой головной боли и мучительных желудочных колик. Сита самозабвенно ухаживала за ним, со слезами и горькими сетованиями виня себя в том, что накормила бедняжку испорченной пищей. Она не пустила на порог хакима, посланного к больному Хиралалом, и отпаивала Аша травяными отварами собственного приготовления, которые оказывали усыпляющее и отупляющее действие. Ко времени, когда мальчик оправился, гости уже уехали, и ему пришлось довольствоваться рассказами Каири, Коды Дада и Хиралала о минувшем празднестве.

– Ты немного потерял, – сардонически сказал Хиралал. – Полковник был старый и жирный, а его секретари – молодые и глупые, и один только командир эскорта говорил на нашем языке более или менее бегло. Сикхи сказали, что он чистый дьявол – в похвальном смысле слова. Ты уже выздоровел? Каири-Баи выразила уверенность, что тебя отравили ядом, чтобы ты не увидел торжеств, но мы велели ей не болтать вздора – кому какое дело, увидишь ты их или нет? Лалджи уж всяко здесь ни при чем, что бы там ни думала его маленькая неразумная сестренка. Наш любимый юврадж последние дни слишком исполнен сознания собственной значимости, чтобы занимать голову такими вещами.

Последнее утверждение соответствовало истине: будучи наследником престола, Лалджи играл значительную роль в официальных торжествах в честь полковника Бинга и упивался всеобщим вниманием. Эти мероприятия оказались гораздо более увлекательными и гораздо менее утомительными, чем растянутые церемонии по случаю его бракосочетания, а так как отец среди всего прочего рассчитывал ослепить варваров блеском роскоши, выданные ювраджу наряды и украшения затмили своим великолепием даже его свадебный костюм. Лалджи любил щеголять в пышных одеждах, а поскольку такая возможность представлялась крайне редко, он с восторгом воспользовался случаем покрасоваться рядом с отцом в ярких узорчатых нарядах, жестких от золотого и серебряного шитья, в усыпанных алмазами газовых тюрбанах, в жемчужных бусах и ожерельях из сверкающих драгоценных камней, с мечом в бархатных ножнах, расшитых мелким жемчугом.

Толстый англичанин, скверно говоривший на хиндустани, держался в высшей степени любезно и обращался с ним как со взрослым мужчиной, и хотя отец представил гостям и старшего сына нотч, маленький Нанду не произвел на них благоприятного впечатления: будучи испорченным, капризным ребенком, он постоянно вопил, ныл, хныкал и так плохо вел себя, что раджа потерял с ним всякое терпение и отослал прочь в середине первого торжественного приема. Больше Нанду не разрешалось показываться на глаза, и только Лалджи, один Лалджи сидел, стоял, шествовал или ехал на коне рядом с отцом в течение всех четырех дней празднества. А когда все закончилось, великолепные наряды и украшения у него не забрали, а оставили ему на хранение, и отец по-прежнему требовал его присутствия рядом и обращался с ним на удивление ласково.

Лалджи был счастлив, как никогда прежде, и его счастливое расположение духа проявлялось буквально во всем. Он перестал дразнить свою маленькую сестру или мучить ручных животных и стал относиться к придворным милостиво и доброжелательно. Перемена, произошедшая с гневливым, вздорным ювраджем, премного всех обрадовала, и один только Хиралал предсказывал скорую беду. Впрочем, Хиралал был известным циником. Остальные придворные Лалджи наслаждались мирной атмосферой, установившейся в покоях молодого господина, и видели в ней свидетельство, что мальчик превращается в мужчину и наконец вознамерился оставить ребяческое поведение. Всех также приятно удивило, что раджа продолжал искать общения со своим старшим сыном. Придворные полагали, что оно прекратится с отъездом гостей, и были изумлены, когда юный юврадж стал ежедневно проводить значительное время в обществе отца, посвящавшего его в курс государственных дел. Все это доставляло великую

радость многочисленным врагам нотч, которые истолковали сложившуюся ситуацию как признак ослабления ее власти, тем более что последний ребенок, недавно рожденный ею своему супругу, оказался тщедушной, болезненной девочкой. Однако последующие события показали, что они снова недооценили нотч.

Джану-рани пришла в страшную ярость, когда визжащего Нанду удалили из зала для торжественных приемов, а его ненавистный сводный брат, наследник престола, произвел на всех самое благоприятное впечатление. Она рвала и метала два дня, а следующие семь дней ходила мрачнее тучи. Но обычного результата не достигла. Раджа в ответ просто стал обходить стороной покои жены и проводить время на своей половине дворца в ожидании, когда она успокоится, и такая неожиданная реакция испугала рани в той же мере, в какой обрадовала ее врагов.

Джану посмотрелась в зеркало и увидела то, что до сих пор отказывалась замечать: она утратила былую стройность и начала полнеть. Возраст, роды и праздная жизнь сделали свое дело, и оболстительная девушка с золотистой кожей превратилась в низенькую пухлую женщину, которая уже теряла прежний нежный цвет лица и скоро растолстеет, но пока еще не утратила ни своего ума, ни влияния, ни очарования. Трезво оценив ситуацию, Джану поспешно устроила примирение с супругом, и настолько успешно, что в скором времени снова оказалась на коне. Однако она не забыла того короткого приступа ужаса и теперь, к великому удивлению двора, принялась добиваться дружбы своего пасынка.

Это было непросто, ибо ревнивая ненависть мальчика к женщине, занявшей место фаранги-рани и поработившей его отца, успела расцвести пышным цветом и глубоко пустить корни. Но на свою беду, Лалджи всегда был падок на лесть, и нотч тешила его тщеславие неискренними комплиментами и щедрыми подарками. Отказавшись от прежней политики, она настойчиво советовала радже уделять больше внимания старшему сыну и в конечном счете добилась если не дружбы, то хотя бы перемирия с Лалджи.

– Кто-нибудь, – сказал Кода Дад, нисколько не тронутый внезапной переменой настроения рани, – должен напомнить мальчику о тигре из Титагунджи, который притворился вегетарианцем и пригласил буйволена на обед.

Придворные тоже поначалу отнеслись к новому положению дел скептически и предсказывали, что оно не продлится долго. Но недели текли одна за другой, а рани по-прежнему оставалась в добрых отношениях со своим пасынком. В конце концов ситуация утратила новизну и со временем стала восприниматься как должное, что очень радовало раджу и нравилось почти всем придворным ювраджа, кроме старой Данмайи, которая решительно отказывалась доверять нотч, и Хиралала, разделявшего ее мнение.

– Никогда не доверяй змее или шлюхе, – сардонически процитировал он известную поговорку.

Положение Аша тоже ненадолго улучшилось с переменой обстановки при дворе. Ювраджу, счастливому и довольному жизнью, хотелось загладить прежнюю несправедливость к мальчику, который все-таки однажды спас ему жизнь, хотя Лалджи больше не подозревал свою мачеху в причастности к тому происшествию. Теперь он не сомневался: то был несчастный случай, а коли так, значит у него больше нет необходимости настаивать на присутствии Ашока во дворце и нет никаких веских причин ограничивать его свободу. Казалось естественным разрешить мальчику выходить в город, когда он пожелает. Но Лалджи был невероятно упрям, и гордость не позволяла ему отменить однажды отданный приказ. Однако он решил впредь обращаться с Ашоком лучше.

На какое-то время юврадж восстановил Аша в прежнем положении своего товарища и доверенного лица. Но это продолжалось недолго. Мальчик не знал за собой никакой вины и не понимал, почему он снова попал в немилость, как не понимал и того, почему недавно юврадж неожиданно опять приблизил его к себе. Но факт оставался фактом: Лалджи вновь без вся-

кого видимого повода ополчился против него и с тех пор относился к нему с беспричинной и неуклонно возрастающей враждебностью. Положенная не на место вещица, разбитая бездельюшка, порванная занавеска или захворавший попугай – эти и десятки других мелких неприятностей вменялись в вину Ашу, и он нес должное наказание за них.

– Но почему я? – спросил Аш, озадаченный необъяснимой переменой настроения Лалджи, по обыкновению делясь своими бедами с Кодой Дадом. – Что плохого я сделал? Это нечестно! Почему он так обращается со мной? Какая муха его укусила?

– Одному Аллаху ведомо, – пожал плечами Кода Дад. – Возможно, какой-нибудь придворный возревновал к благосклонности, которую юврадж снова стал проявлять к тебе, и нашептал ему клеветнические измышления против тебя. Благосклонность принцев порождает зависть и вражду окружающих, а тебя многие не любят. Например, некто по прозвищу Биччху.

– Ах, он! Биджурам всегда меня ненавидел, хотя я понятия не имею почему. Я не делал ему ничего плохого и никогда не становился у него на пути.

– В этом я не слишком уверен, – сказал Кода Дад. Аш вопросительно взглянул на него, и Кода Дад сухо произнес: – Тебе никогда не приходило в голову, что он может работать на рани?

– Биджурам? Но... но такого быть не может, – пробормотал ошеломленный Аш. – Он не стал бы... ведь он пользуется чрезвычайной благосклонностью Лалджи и получает от него дорогие подарки, и... Нет, он не пошел бы на такое...

– Почему? Не сам ли юврадж прозвал его Биччху? И с полным на то основанием. Говорю тебе, у Биджурама такая же холодная кровь, как у его тезки. Более того, в моих родных краях за Хайбером есть поговорка: «У змеи, скорпиона и шинвари⁹ нет сердца», и, видит Аллах, в отношении шинвари это истинная правда. Послушай, сынок, в городе, да и здесь, в Хава-Махале, поговаривают, что этот человек – ставленник рани и получает от нее хорошие деньги за свою работу. Если это правда, в чем я не сомневаюсь, тогда и у него, и у этой женщины есть все основания ненавидеть тебя.

– Да. – Голос мальчика прозвучал еле слышно, и он зябко поежился, почувствовав, что земля уплывает у него из-под ног. – Бедный Лалджи!

– Поистине бедный, – спокойно согласился Кода Дад. – Разве я не говорил тебе много раз, что у высокопоставленных особ жизнь не всегда легка и безмятежна?

– Да, но в последнее время он так сильно переменялся к лучшему. Он стал гораздо счастливее – и добрее тоже. Со всеми, не только со мной. Но теперь вдруг я оказался единственным, кого он постоянно бранит и наказывает, причем всегда за то, чего я не делал. Это несправедливо, Кода Дад! Это несправедливо!

– Чушь! Это слова малого ребенка, – проворчал Кода Дад. – Люди всегда несправедливы – и молодые, и старые. Тебе уже давно пора понять это, сынок. А что говорит Хиралал?

Но Хиралал просто подергал свою серьгу и сказал:

– Я же предупреждал: быть беде.

А поскольку он не пожелал ничего добавить к данному замечанию, оно не особо помогло делу.

Спустя несколько дней Лалджи обвинил Аша в порче своего любимого лука, сломавшегося во время стрельбы по мишени. Мальчик заявил, что не притрагивался к нему, но Лалджи не поверил и велел крепко вздуть его. Именно после этого Аш попросил у ювраджа разрешения оставить службу и покинуть Хава-Махал. На свою просьбу он получил отказ и вдобавок был поставлен в известность, что он не только остается на службе, но и отныне не имеет права покидать крепость ни при каких обстоятельствах. Иными словами, ему запрещалось сопровождать Лалджи и раджу во время выездов на соколиную охоту на равнины или в предгорья и выходить в город с Кодой Дадом или любым другим человеком. Хава-Махал наконец пре-

⁹ Пуштунское племя. –Примеч. ред.

вратился в ту самую тюрьму, которой представился Ашу, когда он впервые вошел во дворец: ворота закрылись за ним, и пути к бегству не было.

С наступлением холодов Сита простудилась и начала покашливать сухим кашлем. В этом не было ничего необычного: она и прежде частенько простужалась. Но на сей раз она никак не могла оправиться, хотя отказалась обратиться за советом к хакиму и заверила Аша, что хворь пустяковая и пройдет, как только свежие зимние ветры прогонят влажную жару затянувшегося сезона дождей. Однако жара на плато уже спала, и дувший с гор прохладный ветер приносил слабый запах сосновой хвои и снега.

Из Мардана пришли вести от Зарина, но вести плохие. Разведчики вступили в сражение с одним из пограничных племен, и его брат Афзал, средний сын Коды Дада, пал в бою. «Такова воля Аллаха, – сказал Кода Дад. – Написанного в Книге Судеб не изменить. Но он был самым любимым у матери».

Это была печальная осень для Аша, и она была бы еще печальнее, если бы не стойкая поддержка маленького, но преданного союзника – Каири-Баи. Ни порицания, ни прямые запреты не оказывали никакого действия на Каири. Она ускользала от своих служанок с легкостью, приобретенной за годы практики, и каждый день тайком прибегала к Ашу на балкон Павлинъей башни, очень часто принося с собой фрукты или сласти, либо утаенные из своей собственной порции, либо украденные у Лалджи.

Лежа там и глядя на белые пики Дур-Хаймы, двое детей придумывали бесчисленные планы побега Ашока из дворца – или, вернее, Аш выдвигал разные варианты, а Каири слушала. Но все планы обсуждались не всерьез, поскольку оба понимали, что Аш не оставит свою мать, слабеющую с каждым днем. Сита, всегда такая деятельная и энергичная, теперь часто устало сидела в своем дворике, прислонившись спиной к стволу сосны и уронив вялые руки на колени, и дети по взаимной договоренности старались не упоминать при ней о неприятностях Аша. А неприятностей у него было много, и не последней из них являлась уверенность, что кто-то снова предпринимает попытки убить наследника престола.

Три года – немалый срок для ребенка, и Аш уже почти забыл давнюю историю с отравленными пирожными в беседке Лалджи, когда внезапно похожий эпизод пробудил в нем неприятные воспоминания.

Однажды они обнаружили коробку халвы с орехами, любимого лакомства Лалджи, на мраморной скамье в беседке у пруда, и юврадж сразу схватил халву, предположив, что она оставлена здесь одним из слуг. Но в следующий миг в памяти Аша, словно высвеченное яркой вспышкой, возникло отвратительное видение трех жирных карпов, плавающих вверх брюхом среди кувшинок, и он прыгнул вперед и вырвал коробку из руки ювраджа.

Он действовал чисто инстинктивно и оказался в западне, когда Лалджи в бешенстве потребовал у него объяснений. Никому не рассказав про отравленные пирожные тогда, он не мог рассказать про них и сейчас, не навлекши на себя обвинения во лжи или в сокрытии факта покушения на жизнь ювраджа. Правда не сослужила бы ему доброй службы, и потому Аш прибег ко лжи: мол, халву оставил здесь он, но она непригодна в пищу после того, как к ней ненароком прикоснулся метельщик – представитель низшей касты, а он, Аш, принес сюда оскверненное лакомство, чтобы скормить голубям. Лалджи в ужасе отшатнулся, и Аша сурово наказали за то, что он принес нечистую пищу в сад. Однако воспоминание трехлетней давности не обмануло мальчика: позже вечером он бросил кусочек халвы вороне, и ворона издохла. Но поскольку он промолчал раньше, то не осмелился заговорить и сейчас.

На следующей неделе произошел еще один пренеприятный случай, связанный с коброй, непонятно каким образом заползшей в опочивальню Лалджи. Дюжина слуг могла поклясться, что змеи там не было, когда юврадж укладывался спать, но в первые часы после полуночи она точно находилась там, ибо что-то вдруг разбудило Аша среди ночи и через несколько минут он услышал, как часы пробили два раза. Его соломенный тюфяк лежал у самого порога комнаты

ювраджа, и никто не мог проникнуть туда, не разбудив мальчика, даже змея. Но, лежа в темноте и напрягая слух, он услышал звук, который не мог спутать ни с каким другим: сухой шорох чешуек по не покрытому ковром полу.

Аш испытывал перед змеями всю меру свойственного европейцам ужаса, и инстинкт самосохранения приказывал ему лежать тихо и не шевелиться, чтобы не привлечь внимания ползучей твари. Но звук доносился из комнаты ювраджа, а Аш знал, что Лалджи спит спокойно и в любой момент может откинуть руку в сторону, перевернуться на бок или сделать любое другое резкое движение, способное спровоцировать атаку. Поэтому Аш поднялся на ноги, дрожа от непреодолимого страха, и ощупью добрался до занавешенного портьерами дверного проема, ведущего в наружное помещение. Там тускло горела масляная лампа с прикрученным фитилем, и Аш вывернул в ней огонь до предела и разбудил слуг.

Кобра, обследовавшая фрукты и питье на низком столике у кровати Лалджи, была убита под пронзительный визг последнего и вопли переполошенных слуг, придворных и стражников. Никто так никогда и не выяснил, каким же образом змея ухитрилась проникнуть в опочивальню, хотя все склонились к мнению, что она проползла по сточному желобу ванной комнаты. И только Данмайя увидела в появлении кобры злой умысел против своего любимца.

– Она глупая старуха, эта Данмайя, – сказала Сита, выслушав рассказ Аша о ночном происшествии. – У кого хватило бы духу поймать живую кобру и пронести во дворец? А если бы они и сумели сделать такое, их непременно заметили бы, ведь змея-то была не из мелких. Помимо всего прочего, кто здесь, в Гулките, может желать мальчику зла? Уж всяко не рани: всем известно, как она полюбила Лалджи в последнее время. Она обращается с ним ласково, будто со своим родным сыном, и уверяю тебя: совсем не обязательно самой произвести ребенка на свет, чтобы полюбить его всем сердцем. Ювраджа родила не Данмайя, однако она тоже любит мальчика, да так сильно, что повсюду видит заговоры и злые умыслы против него. Она сумасшедшая.

Аш промолчал и не рассказал Сите о найденных давным-давно пирожных и об отравленной халве, совсем недавно подброшенной в тот же сад, как не упомянул о словах Коды Дада насчет рани и Биджурама. Он понимал: подобные мерзкие истории только напугают мать. Но очень скоро скрывать их от нее стало невозможно. Каири случайно узнала нечто такое, что изменило жизнь Ситы и Аша так же круто, как это сделала холера ужасной весной, когда умерли Хилари и Акбар-хан.

Принцессе Анджали – Каири-Баи, «маленькому незрелому плоду манго» – тогда едва исполнилось шесть лет, и, родись она в любой западной стране, она бы еще считалась малым ребенком. Но девочка родилась не просто на Востоке, а в восточном дворце, и благодаря раннему знакомству с заговорами, кознями и интригами индийского двора ум у нее изощрился и развился не по годам.

Помня предостережение Ашока и зная о неблагоприятном отношении к нему Лалджи, Каири никогда не заговаривала с мальчиком и даже не смотрела в его сторону при посторонних. Но система условных знаков и кодовых слов, посредством которых они могли незаметно общаться на глазах у придворных, верно служила им, и через три дня после случая с коброй девочка вбежала в покои ювраджа и ухитрилась подать Ашу сигнал срочного вызова, использовавшийся лишь в самых чрезвычайных обстоятельствах. При первой же возможности Аш незаметно выскользнул из комнаты и поспешил на балкон Павлиньей башни, где его ждала Каири, бледная и вся в слезах.

– Ты сам виноват, – прорыдала Каири. – Она сказала, что ты выбросил какие-то сласти и спас его от кобры. Я вовсе не хотела подслушивать, но побоялась, что она рассердится, если найдет меня в своем саду, а Миан Митау залетел туда, и я должна была поймать его... должна была. В общем, когда раздалися шаги, я спряталась в кустах за беседкой и слышала... слышала все, что она говорила. О Ашок, она плохая! Плохая и злая. Она хотела убить Лалджи и теперь

злится на тебя из-за кобры и еще из-за каких-то сладостей. Она сказала, что ты слишком много знаешь и они должны убить тебя немедленно, и не важно, каким способом, потому что ко времени, когда тебя хватятся, коршуны и вороны уже покончат с тобой, а кто станет поднимать шум из-за смерти базарного мальчишки... Это про тебя, Ашок, она говорила, про тебя. А потом она велела им сбросить тебя со стены, чтобы все решило, будто ты залез туда и сам свалился. Я правду говорю. Они собираются убить тебя, Ашок. Ой, что же нам делать, что делать?

Каири бросилась к нему, завывая от ужаса, и Ашок обнял девочку и принялся машинально убаюкивать ее, лихорадочно обдумывая услышанное. Да, это, несомненно, правда: Каири в жизни не придумала бы такого разговора. Джану-рани всегда хотела убить Лалджи и поставить своего сына на его место, и она достоверно знает, что Ашок как минимум три раза помешал ей осуществить задуманное – или четыре, если учесть, что именно он нашел и выбросил отравленные пирожные несколько лет назад. Знает ли она об этом? Вряд ли кто-то видел его тогда. Но сейчас это не имеет значения. Рани намерена позаботиться о том, чтобы он больше не нарушал ее планов, и убить его будет гораздо легче, чем Лалджи, ибо кто станет тщательно расследовать смерть или исчезновение столь незначительной особы, как сын одной из служанок никому не нужной Каири-Баи? Он так и не рассказал Лалджи про отравленные пирожные и халву, и уже слишком поздно рассказывать. К тому же Лалджи давно убедил себя, что падение плиты песчаника было всего лишь несчастным случаем, и два дня назад обозвал Данмайю старой злонамеренной смутьянкой, которой следует отрезать язык, когда старуха выразила свои подозрения по поводу истории с коброй. От ювраджа ждать помощи не приходится.

«Джали права, – в отчаянии подумал Аш. – Я сам виноват, что ничего не рассказал Лалджи и не показал карпов, подошедших от пирожных, и ворону, умершую от отравленной халвы». Теперь у него нет никаких доказательств, и даже располагай он таковыми, это не поможет, ведь ныне Лалджи совершенно уверен, что рани – его друг, а он, Ашок, не может доказать ее причастность к покушениям или рассказать о разговоре, подслушанном Каири, поскольку все сочтут это детскими выдумками. Но рани-то будет знать, что никакие это не выдумки, и, не исключено, убьет и девочку тоже, а также Ситу, если та станет задавать слишком много вопросов по поводу его смерти...

Под куполом балкона Павлиньей башни начинали сгущаться сумеречные тени. Каири, обессилевшая от рыданий, тихо лежала в объятиях Аша, который мерно покачивал девочку, глядя поверх ее головы на заснеженные вершины гор. Слабый ветерок дышал зимней свежестью; октябрь подходил к концу, и дни становились все короче. Солнце уже почти скрылось за горами, и пики Дур-Хаймы казались подобием бледно-розовых и золотисто-желтых островерхих шатров на фоне опалового неба, где мерцала единственная звездочка, похожая на один из бриллиантов Джану-Баи.

Аш зябко поежился и, отпустив Каири, отрывисто произнес:

– Нам пора идти. Скоро совсем стемнеет, и, возможно, меня станут искать.

Но они оставались на балконе до тех пор, пока далекие снега не сменили цвет с розового на фиолетовый и только самый высокий пик Дур-Хаймы – Таракалас (Звездная башня) – еще тускло светился последними отблесками закатного солнца.

Сегодня Аш не принес с собой риса, но на запястье у Каири был браслетик, сплетенный из поздних роз, и мальчик взял у нее нехитрое украшение и рассыпал розовые бутоны на краю балкона, надеясь, что Дур-Хайма примет во внимание чрезвычайные обстоятельства и простит, что он не принес свой собственный жертвенный дар.

– Помоги мне, – обратился Аш с мольбой к своему личному божеству. – Пожалуйста, помоги мне! Я не хочу умирать.

Багровые отсветы заката на высоком пике постепенно погасли, и вся горная гряда виделась сиреневым силуэтом на фоне темнеющего неба, где уже мерцала не одна-единственная звездочка, а целая тысяча звезд. Крепчающий ночной ветер смел с балкона розовые бутоны, и Аш несколько успокоился, решив, что Дур-Хайма приняла жертву. Двое детей разом повернулись кругом, ощупью спустились вниз по лестнице полуразрушенной башни и направились во дворик Ситы, крепко держась за руки, напрягая зрение и слух в попытке уловить самый тихий звук, самое незаметное движение, которые выдадут соглядатая, притаившегося в густой тени.

Сита стряпала ужин, и Аш оставил Каири с ней, а сам сломя голову помчался в покои ювраджа по лабиринтам коридоров и внутренних дворов, занимавших треть Хава-Махала. Сердце у него бешено колотилось, и он ощущал неприятный холодок между лопаток – в месте, куда запросто могли всадить нож. Мальчик испытал огромное облегчение, обнаружив, что никто не заметил его отсутствия, поскольку Лалджи получил в подарок от рани набор украшенных драгоценными камнями шахматных фигур и сейчас играл в шахматы с Биджурамом.

С десяток льстивых придворных стояли вокруг игроков, выражая бурное восхищение каждым ходом своего молодого господина, а в дальнем конце комнаты, под висящей лампой, в одиночестве сидел, поджав ноги, человек, поглощенный книгой и не обращающий внимания на игру. Аш на цыпочках подошел к нему и шепотом попросил позволения переговорить с ним наедине. Хиралал лениво поднял взгляд и несколько мгновений внимательно всматривался в лицо мальчика, прежде чем снова опустил глаза в книгу.

– Нет. Говори здесь, – неторопливо произнес он приглушенным голосом, не доносившимся до группы придворных. – Если дело важное, нам лучше не выходить отсюда, иначе кто-нибудь последует за нами и узнает то, что ты хочешь скрыть. Повернись к ним спиной, чтобы они не видели твоего лица, и не надо шептать. Им в голову не придет, что ты станешь секретничать при таком скоплении народа, а потому можешь говорить, что тебе угодно.

Аш подчинился. Он нуждался в разумном совете, а из всех придворных ювраджа один лишь Хиралал относился к нему дружески. Придется довериться Хиралалу. Близится ночь, которую надо пережить, а Аш не знает, сколько придворных работает на нотч: возможно, половина из них или даже все они. Но только не Хиралал. Интуиция подсказывала Ашу, что на Хиралала можно положиться, и интуиция его не обманула. Хиралал слушал молча, рассеянно теребя тонкими пальцами свою серьгу, скользя по комнате блуждающим взглядом и всем своим видом показывая людям, собравшимся подле игроков, что он отчаянно скучает и слушает невнимательно. Но когда Аш закончил, он спокойно произнес:

– Ты правильно сделал, что рассказал мне. Я позабочусь о том, чтобы с тобой ничего не случилось сегодня ночью. Но рани – женщина опасная, и она в состоянии хорошо заплатить, чтобы достичь своей цели. Тебе и твоей матери придется покинуть Гулкот. Другого выхода нет.

– Я не могу... – Голос у мальчика прервался. – Юврадж никогда не разрешит мне уvolиться, а стражники не выпустят меня за ворота одного.

– Ты не станешь просить об увольнении. А что касается ворот, мы найдем какой-нибудь другой путь. Завтра ступай к управляющему конюшнями и расскажи ему все, что рассказал мне. Кода Дад – умный человек, он что-нибудь придумает. А сейчас пора заканчивать разговор: Биджурам уже второй раз смотрит в нашу сторону.

Хиралал широко зевнул, захлопнул книгу и, поднявшись на ноги, произнес достаточно громко, чтобы все услышали:

– Лошадей я еще могу терпеть, но соколов – нет. Не рассчитывай заинтересовать меня болтовней о существах, которые кусаются, дурно пахнут и рассыпают перья и блох по всему полу. Тебе уже пора взрослеть, мальчик, и изучать творения поэтов. Это разовьет твой ум, коли у тебя таковой имеется.

Хиралал бросил книгу Ашу и неторопливо подошел к группе придворных, наблюдавших за шахматной партией. Но он сдержал свое слово. Той ночью переднюю комнату с Ашем разде-

лил один из телохранителей раджи, чье присутствие расценили как знак недовольства его высокочества нерадивостью слуг, допустивших проникновение кобры в опочивальню наследника.

Ночь прошла без происшествий, но Аш спал плохо и на следующее утро, воспользовавшись первой же возможностью улизнуть из покоев ювраджа, направился к Коде Дад-хану. Хиралал успел побывать там до него.

– Все уже устроено. – Кода Дад поднял ладонь, останавливая едва успевшего открыть рот мальчика. – Мы сошлись во мнении, что ты должен покинуть дворец сегодня ночью. Через ворота тебе не пройти, а значит, придется бежать через стену. Для этого нам понадобится всего лишь веревка – длинная веревка, ведь стена очень высокая. Но на конюшнях веревок более чем достаточно, так что с этим проблем не будет. Трудность заключается в том, что затем тебе придется спускаться со скалы по козьим тропам, которые и днем-то найти непросто, а ночью и подавно. По счастью, ночи сейчас лунные.

– Но... но как же мама? – заикаясь проговорил Аш. – Она же такая слабая, она не сможет...

– Нет-нет, Сита выйдет через ворота. Ей это не запрещено. Она должна сказать, что хочет купить одежду или побрякушки на базаре и собирается погостить день-другой у старой подруги. Никто не усомнится в ее словах, а как только она уйдет, ты притворишься больным, чтобы тебе не пришлось спать на половине ювраджа сегодня ночью. Просто начнешь кашлять и делать вид, будто у тебя болит горло, и Лалджи мигом разрешит тебе ночевать в любом другом месте, поскольку страшно боится заразы. Как только дворец погрузится в сон, я самолично спущу тебя со стены на веревке, а затем тебе придется дать деру. Твоя мать умеет ездить верхом?

– Не знаю. Вряд ли. Я никогда...

– Не важно. Вы вдвоем весите меньше, чем один взрослый мужчина, и она сможет сесть позади тебя. Хиралал позаботится о том, чтобы за городом, среди чинар у гробницы Лала Бега, вас ждала лошадь. Ты знаешь это место. Городские ворота закрываются на ночь, поэтому твоя мать должна покинуть Гулкот ранним вечером, когда повсюду полно народу и никто не обращает внимания на то, кто входит и выходит через ворота. Вели Сите взять с собой еду и теплую одежду: зима уже не за горами и по ночам холодно. А когда посадишь мать на лошадь, гони во весь опор на север. Все наверняка решат, что вы двинулись на юг, где климат теплее и урожаи богаче. Если повезет, тебя не хватятся еще целый день, а то и дольше: поначалу юврадж будет думать, что ты болен, а к тому времени, когда он обнаружит твое исчезновение, ты будешь уже далеко отсюда. Но бояться тебе следует не Лалджи, а рани. Она поймет, почему ты сбежал, и еще сильнее возжелает твоей смерти – из страха, что ты слишком много знаешь и можешь рассказать кому угодно. Наша нотч – безжалостный и опасный враг. Не забывай об этом.

Юное лицо Аша побледнело, и он хрипло проговорил:

– Но Джали тоже знает... Каири-Баи знает. Если рани выяснит, кто предупредил меня, она убьет ее. Мне придется взять Каири с собой.

– Помолчи! – сердито прикрикнул Кода Дад. – Это просто детский лепет, Ашок. А ты должен быть мужчиной и рассуждать и действовать, как подобает мужчине. Тебе стоит лишь велеть Каири-Баи держать язык за зубами, и даже нотч никогда ее не заподозрит. Малышка снует по дворцу, что бездомный воробушек, и никому до нее нет дела. Но если ты убежишь с дочерью раджи – неужто ты полагаешь, что он проглотит такое кровное оскорбление? Да он тебя из-под земли достанет, и ни один человек во всей Индии не посчитает, что он не прав в своем гневе, и не откажет ему в помощи. Так что давай покончим с глупой болтовней!

– Прошу прощения, – извинился Аш, густо покраснев. – Я сказал не подумав.

– Это всегда было самым серьезным твоим недостатком, – проворчал Кода Дад. – Ты сначала действуешь, а потом думаешь. Сколько раз я тебе говорил об этом? Ладно, теперь подумай, есть ли где подходящее для спуска место на северной стене – к северу местность более

пересеченная, там растет кустарник и среди скал пролегают козы тропы. Но дело это непростое: я не знаю на той стороне ни одного места, которое нельзя было бы увидеть с крепостной стены или из окна.

– Там есть такое место, – медленно произнес Аш. – Балкончик...

И вот он впервые пришел на балкон Павлиньей башни ночью, чтобы покинуть его навсегда, крепко держась за конец веревки, которую Кода Дад и Хиралал осторожно спустили с высоты сорока футов на скалы, где терновые кусты отбрасывали густые тени в ярком свете октябрьской луны и извилистые козы тропы уходили вниз, к молочно-белым равнинам плато.

Днем, после ухода Ситы, Аш попрощался с Каири и не рассчитывал увидеть девочку снова. Но она ждала его на балконе, маленькая одинокая тень в лунной ночи.

– Служанки не знают, что я здесь, – торопливо пояснила она, предупреждая возможный выговор. – Они думают, что я сплю. Я оставила на своей кровати узел тряпья на случай, если кто заглянет в спальню, но они обе храпели, когда я вышла, и не услышали моих шагов. Правда не услышали. Я хотела отдать тебе подарок, потому что ты мой браслетный брат и потому что ты уходишь. Вот... это тебе, Ашок. На... на счастье.

Каири протянула к нему маленькую квадратную ладошку, и лунный свет заблестел на кусочке перламутра, вырезанном в форме рыбки. Аш знал, что это единственная вещь, которую она может подарить, единственная безделушка, принадлежащая девочке, и самое дорогое и драгоценное ее сокровище. С этой точки зрения перламутровая рыбка, возможно, была самым щедрым подарком, какой кто-либо смог бы преподнести Ашу, и он неохотно взял ее, глубоко потрясенный ценностью дара.

– Джали, не стоит. Мне нечего подарить тебе. – Внезапно мальчик устыдился, что не в состоянии ничего оставить на память своей маленькой подруге. – У меня вообще ничего нет, – горько сказал он.

– Теперь у тебя есть рыбка, – утешила его Каири.

– Да, у меня есть рыбка.

Он посмотрел на безделушку и обнаружил, что видит ее неотчетливо из-за слез, выступивших на глазах. Но мужчины не плачут. Осененный внезапной мыслью, Аш разломал кусочек перламутра пополам и отдал Каири заднюю часть рыбки.

– Вот. Теперь у каждого из нас есть талисман. И однажды, когда я вернусь, мы склеим половинки и...

– Довольно! – резко прервал Кода Дад. – Возвращайся в постель, Каири-Баи. Если тебя хватятся и поднимут шум, нам всем конец. И мальчику нельзя мешкать ни минуты: он должен проделать длинный путь до захода луны. Прощайся с ним и беги обратно.

Маленькое личико Каири горестно сморщилось, и слова, которые она пыталась сказать, потонули в потоке слез. Тогда Аш, ужасно сконфуженный, торопливо проговорил:

– Не плачь, Джали. Однажды я вернусь, обещаю. – Он быстро обнял девочку, подтолкнул ее к Хиралалу, молча стоявшему в тени, и горячо сказал: – Пожалуйста, Хиралал, проследите за тем, чтобы она благополучно вернулась назад. Служанки не должны знать, что она выходила ночью. Слухи могут дойти до рани, а когда станет известно, что я сбежал...

– Да-да, малый. Я знаю. Я прослежу. Тебе пора.

Когда Хиралал выступил из тени на лунный свет, его серый ачкан слился с ночным небом, а лицо и руки приобрели сероватый оттенок резного мрамора – и на мгновение Ашу показалось, что он видит перед собой призрака и что Хиралал уже превратился в воспоминание. По спине у Аша пробежали мурашки, и он впервые ясно осознал, сколь многим обязан этому человеку, питавшему к нему искреннее расположение. И Коде Дад, и Каири, и всем остальным, кто хорошо относился к нему: сокольникам, саисам, погонщикам слонов и всем своим друзьям и знакомым по прежней счастливой жизни в городе. Странное дело, но только сейчас,

когда он покидал Гулкот, Аш понял, что хороших дней у него здесь было почти столько же, сколько плохих.

Огромная черная жемчужина в ухе Хиралала тускло блеснула, когда ее владелец пошевелился, а когда на нее упал лунный свет, она засияла, словно осколок опала или слеза, и Аш уставился на нее немигающим взглядом, стараясь не расплакаться и задаваясь вопросом, когда же он увидит эту жемчужину снова – если вообще увидит когда-нибудь...

– Поторопись, малый, – отрывисто произнес Хиралал. – Час уже поздний, и тебе нельзя терять ни минуты. Ступай же, и да пребудут с тобой боги. Прощай!

– Там петля на конце. Поставь в нее ногу – вот так – и крепко держись за веревку, – приказал Кода Дад. – Когда достигнешь скал, найди прочную точку опоры, прежде чем начать спускаться. Дальше тебе придется труднее, но, если будешь двигаться медленно и постарайся не поскользнуться на козых тропах, у тебя все получится. Да поможет Всемилостивый тебе и твоей матери благополучно добраться до безопасного места. Не забывай нас. Прощай, сын мой! Да хранит тебя Бог!

Он обнял мальчика, и Аш наклонился и дотронулся дрожащими руками до его стоп, а потом быстро отвернулся, для видимости поправляя на спине тяжелую котомку с одеждой, чтобы Кода Дад не заметил слез в его глазах. Он слышал позади судорожные всхлипывания Каири, охваченной безутешным детским горем, и, поглядев вниз, внезапно пришел в ужас при виде зияющей под ногами пустоты и поросшего кустарником скалистого склона, круто, почти отвесно уходящего к равнине.

– Не смотри вниз, – предостерег Кода Дад. – Смотри наверх!

Аш с трудом оторвал взгляд от бездны под ногами и увидел за озаренными луной пространствами ночи Далекие Шатры – сверкающие пики, высокие и безмятежные на фоне безоблачного звездного неба. Не сводя с них глаз, он нашарил ногой петлю, крепко вцепился в веревку и начал спускаться с балкона, все ниже и ниже, крутясь и раскачиваясь в головокружительной пустоте. Жгучие слезы подступали к глазам, а сверху доносился прерывистый шепот Каири, казавшийся громким в ночной тишине:

– Прощай, Ашок! Прощай! Ты ведь вернешься, правда? Да хранит тебя Бог!.. Да хранит тебя Бог!.. Живи долго!

Она свесилась с края балкона, и ее слезы закапали на лицо мальчику. Но вот наконец он коснулся ногами камней у подножия стены, прочно на них утвердился и отпустил веревку, тотчас поползшую наверх. Аш в последний раз помахал рукой трем своим друзьям, наблюдавшим за ним с высоты, а потом повернулся и принялся пробираться вниз между камнями и колючими терновыми кустами в поисках еле заметной тропы, которую разглядел с балкона днем, когда намечал свой путь вниз по склону.

6

Расстояние от подножия стены до равнины не превышало двухсот ярдов, но Ашу потребовался почти час, чтобы преодолеть его. Один раз он едва не попал в беду, потеряв равновесие на крутом участке склона, покрытом глинистым сланцем, и потратил немало времени, чтобы выползти с него на более безопасное место. Но после этого он стал двигаться осторожнее и в конце концов достиг равнины – запыхавшийся, исцарапанный, весь в синяках, в изодранной в клочья одежде, но с неповрежденной котомкой.

Он видел высоко над головой крепостную стену, подобную отвесной скале, и темную громаду Павлиней башни, но балкон, скрытый в густой тени, был неразличим, и Аш знал, что там уже никого нет. Возможно, никто никогда больше не придет в это место, разве что Джали будет порой наведываться туда из сентиментальных чувств. Но вряд ли часто: ведь она всего лишь ребенок и со временем все забудет, и балкон опять станет пустынным и заброшенным, каким был до того, как они с Джали нашли его. Все переменится. Лалджи станет мужчиной, а нотч постареет, растолстеет и утратит красоту, а вместе с ней и свою власть. Кода Дад уйдет в отставку, и должность управляющего конюшнями займет человек помоложе. Хиралал тоже состарится, а старый раджа однажды умрет, и Лалджи взойдет на престол. Только Дур-Хайма не изменится. Пройдут месяцы, годы, века, Дворец ветров разрушится до основания, но Далекie Шатры будут стоять на прежнем месте, вечные и неизменные.

Аш опустился на колени на каменистую землю и в последний раз низко поклонился горам, коснувшись лбом праха, как делал Кода Дад, молясь Аллаху. Потом он поднялся на ноги, закинул котомку за спину и двинулся по залитой лунным светом равнине к чинаровой роще за городской чертой.

Сита не подвела его, как не подвел и Хиралал. Крепкая деревенская лошадь стояла на привязи в тени деревьев, рядом томилась тревожным ожиданием Сита, прижимая к груди тяжелый узел с пищей и одеждой для путешествия, купленными днем на базаре. При лошади находился незнакомый мужчина, который не назвал своего имени, но вручил Ашу маленький пакет – от Хиралала.

– Он сказал, что вам понадобятся деньги и это поможет вам в пути. Лошадь резва и вынослива, даром что неказиста, – добавил незнакомец, подтягивая подпругу. – Она будет покрывать по многу миль в день, и ты можешь ехать на рысях по два-три часа кряду, потому что раньше она таскала гхари и не скоро выбивается из сил. Тебе лучше выбрать этот путь... – Мужчина показал направление костлявым пальцем, а потом наклонился, чтобы нарисовать приблизительную карту местности на пыльной земле в пятне лунного света. – В общем, так. Моста через реку нет, а переправляться на главном пароме опасно, но вот здесь – южнее – ходит маленький паром, которым пользуются только крестьяне. Но даже после того, как переправишься через реку, не теряй бдительности. Хиралал говорит, что рани вполне может преследовать тебя и за пределами Гулкота. Да хранят вас боги! Езжайте резво...

И когда Аш взял поводья, он хлопнул лошадь по крестцу, посылая ее вперед.

К счастью, Аш хорошо ориентировался на местности, поскольку в прошлом часто выезжал в эти края на обычную и соколиную охоту с раджой, Лалджи или Кодой Дадом. Иначе он бы наверняка не раз сбился с дороги до рассвета. Однако даже при лунном свете он сумел проследовать в сторону, указанную мужчиной, который ждал его в чинаровой роще у гробницы Лала Бега, и, когда в небе забрезжила заря, мальчик узнал скопление валунов на горном склоне, откуда однажды раджа при нем подстрелил леопарда, и понял, что он на верном пути.

Нервное возбуждение и драматические события минувшего дня изнурили Ситу, и она крепко спала, положив голову на плечо Ашу, привязанная к нему полосой ткани для тюрбана, чтобы не упасть с лошади. Когда она проснулась, разбуженная первыми солнечными лучами,

далеко впереди, в конце узкой каменистой долины, между горами уже виднелась река, и Сита настояла на том, чтобы они спокойно позавтракали, перед тем как подъехать к переправе, ибо столь раннее появление к тому же взволнованных людей могло возбудить любопытство.

– А поскольку скоро начнутся расспросы насчет всех переправлявшихся здесь через реку, мы оденем тебя женщиной, сынок, – сказала Сита. – Те, кто станет разыскивать нас, будут спрашивать про женщину и мальчика, идущих пешком, а не про двух женщин на лошади.

Нарядившись в одно из сари Ситы и нацепив на себя несколько дешевых медных украшений, Аш стал вполне похож на девочку, и Сита велела ему скромно наклонять голову и прикрывать лицо свободным концом сари, а все разговоры предоставить ей. Единственная трудность возникла с лошадью, отказывавшейся входить в щелястую плоскодонную лодку – единственное средство переправы через реку, и поначалу паромщик заломил непомерную цену за перевоз животного. Но хотя в пакете, переданном Хиралалом, оказались деньги – пять рупий медными и серебряными монетами, – Сита не собиралась тратить их попусту, а тем более признаваться, что владеет таким богатством, и она торговалась с мужчиной до тех пор, пока вопрос не уладился к обоюдному удовлетворению, после чего лошадь ласковыми уговорами заманили в лодку.

– Теперь мы в безопасности, – прошептала Сита, глядя в сторону Гулкота с противоположного берега.

Но Аш помнил предостережения Коды Дада и незнакомца в чинаровой роще и понимал, что выиграл лишь первый бросок. Рани будет продолжать игру и пользоваться жульническими игральными костями. С этой мыслью мальчик направил лошадь на север, к суровой местности, где предгорья скоро запорошит снегом, а не на юг, в теплые края с тучными нивами, – в данных обстоятельствах беглецов станут искать именно там.

Ашу казалось, что прошло очень много времени – целая жизнь – с того дня, как они прибыли в Гулкот, уповая обрести там покой, свободу и безопасность. Но в Хава-Махале они нашли мало покоя и свободы – и никакой безопасности. А сейчас они снова бездомны, снова вынуждены спасаться бегством и искать какое-нибудь надежное тайное пристанище. Но где-то же должно быть место, где люди не жестоки, не бесчестны и не назойливы, где они смогут жить мирно, занимаясь своими делами и радуясь жизни. «Где никто не станет докучать нам и все оставят нас в покое», – в отчаянии подумал Аш.

Он спал меньше трех часов с момента, когда Каири рассказала ему о разговоре, подслушанном в саду рани. Ему было одиннадцать лет, и он изнемогал от усталости.

По мере их продвижения на север ночи становились все холоднее, и Сита стала кашлять значительно сильнее. Впрочем, возможно, Ашу просто так казалось, ведь теперь он постоянно находился с ней и потому обращал больше внимания на кашель. Памятуя о предостережении Хиралала, он продал лошадь, едва лишь они удалились на значительное расстояние от границы Гулкота, ибо понимал, что они будут привлекать к себе меньше внимания, путешествуя пешком. Но он сразу же пожалел о своем поступке, так как Сите каждый шаг давался с трудом и порой они покрывали менее мили в день.

Аш только сейчас осознал, насколько мать ослабла, и это очень его тревожило. Однако им не всегда приходилось идти пешком: располагая деньгами, полученными от Хиралала и вырученными от продажи лошади, они могли себе позволить путешествовать на тонге или телеге, запряженной волами. Но такие путешествия, вдобавок в обществе попутчиков, представляли идеальную возможность для расспросов и досужих разговоров. Благожелательный подробный допрос, учиненный им попутчиками за долгий день, проведенный в запряженной волами телеге, и вынужденное общение с пытливым возницей икки заставили их прийти к выводу, что безопаснее медленно идти на своих двоих.

В течение многих дней не наблюдалось никаких признаков погони, и Сита начала понемногу успокаиваться, а Аш стал склоняться к мысли, что они перехитрили рани и теперь могут вздохнуть свободно и начать строить планы на будущее. Само собой разумеется, они не могут скитаться вечно: кошелек у них не бездонный, и, кроме того, Сите нужен отдых, покой и крыша над головой – собственная постоянная крыша, а не новая каждую ночь и уж всяко не открытое небо, под которым они ночевали, когда не удавалось найти пристанища. Он должен найти работу и какое-нибудь жилье, и чем скорее, тем лучше, потому как теперь даже в полдень воздух оставался студеным и на горах дальше к северу лежал снег. Они уже достаточно удалились от Гулкота, чтобы чувствовать себя в безопасности, а рани наверняка поняла, что больше он не представляет для нее угрозы, ведь даже если он кому-нибудь и расскажет все, что знает, кто заинтересуется делами маленького уединенного княжества или поверит рассказам малолетнего бродяжки?

Но Аш не только недооценивал агентов рани, но и не понимал истинной причины ее решимости уничтожить его. Ею двигал не столько страх перед раджой, сколько страх перед британскими властями.

В былые дни счастливой независимости Джану-рани вполне удовлетворилась бы сознанием, что мальчишка по имени Ашок бежал из княжества. Но прежние времена миновали, и ангези обладали всей полнотой власти в стране, назначая и смещая правителей. Джану-рани по-прежнему намеревалась возвести на престол своего сына, а для этого должна была убрать с дороги его сводного брата. Тот факт, что она трижды предпринимала такие попытки и трижды потерпела неудачу, не слишком ее волновал: есть другие способы, и в конце концов она найдет верный. Но было крайне необходимо, чтобы никто, помимо самых преданных и надежных сообщников, ничего не знал о покушениях, и рани впала в ярость, когда обнаружила, что один из слуг Лалджи, нищий сопляк, введенный ювраджем во дворец – вероятно, в качестве соглядатая, – каким-то образом проведал о них. Нужно было позаботиться о том, чтобы он умер прежде, чем успеет сообщить обо всем радже, который, по несчастью, питал к мальчишке приязнь и мог бы даже поверить ему. Рани отдала необходимые приказы, но слишком поздно: Ашок со своей матерью скрылся в неведомом направлении. И теперь Джану-рани была не только разгневана, но и испугана.

Лалджи тоже разгневался и отправил поисковые отряды арестовать мальчишку и доставить обратно во дворец под стражей. Но когда нигде не нашли и следа беглецов, он прекратил поиски и заявил, что они не много потеряли с исчезновением Ашока. Рани присоединилась бы к его мнению, если бы не британцы. Она не забыла неприятного визита представителя политического департамента полковника Фредерика Бинга, которого ее мужу пришлось принять со всеми почестями, и она слышала истории о правителях, которых британские власти смещали за убийство родственников или соперников. Если до Ашока когда-нибудь дойдут слухи о смерти наследника гулкотского престола в результате несчастного случая, он может сообщить известные ему факты британским властям, и тогда наверняка начнется расследование – а кто знает, какие вещи обнаружатся в ходе назойливых расспросов и пытливых допросов? Мальчишка должен умереть. Пока он жив, он представляет опасность для нее и является препятствием на пути ее сына к престолу. «Его нужно найти любой ценой, – распорядилась Джану-рани. – И его мать тоже: он наверняка все рассказал ей. Пока они не умрут, нам нельзя предпринимать никаких действий против ювраджа».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.